

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГАРМОНИИ В МАРКСИСТСКОЙ И МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ (1980)

ВВЕДЕНИЕ

Зародившаяся в составе первых философских учений теоретическая мысль о гармонии потому остается актуальной и в наше время, что она по своей сути выражает собой оптимистическую форму ответов на извечные вопросы о человеке, обществе, природе и мире в целом. Учение о гармонии, являясь старым, никоим образом не стало устаревшим, в чем убеждают многие факты.

Современная наука, и прежде всего марксизм-ленинизм, исходят из того, что новое общество – коммунизм – должно быть гармоническим. Гармоническим представляется и новый человек. На мысль о гармонии наводит и проблема новых отношений между обществом и природой. В этих условиях невольно возникает мысль – уж не стали ли понятия «новое» и «гармоническое» обычными синонимами, а если нет, то, как они различаются. Ответ на этот вопрос не вызывал бы затруднений, если бы наука располагала только понятием «новое», но и понятием «гармония».

Действительность однако такова, что вопрос о современном научном понимании гармонии остается еще открытым. В философской, в том числе диалектико-материалистической литературе, еще не сложилось более или менее общего понимания смысла гармонии. Нет, или крайне мало, специальных исследований общих свойств гармонии. Этот пробел в материалистической диалектике указывает на необходимость большего внимания к данной проблеме. Но кроме упомянутых существуют и другие основания для изучения гармонии.

С давних пор гармонию определяют как «единство в многообразии». Если согласиться с этим утверждением, то нельзя не заметить, что оно тесно связано с одним из фундаментальных принципов диалектического материализма – с принципом единства мира. Понятно, что сам вопрос един или не един мир, порожден бесспорным эмпирическим фактом бесконечного многообразия тех явлений, которые в своей совокупности его составляют. Как бы то ни было, но вопрос о гармонии мира, которому многие философы в прошлом, да и не только в прошлом, уделяли немало внимания, не может не рассматриваться материалистической диалектикой.

Наряду с названными для изучения гармонии есть и другие причины, среди которых видное место принадлежит методологической значимости имеющегося опыта исследования этого явления философией и наукой прошлых эпох.

Первыми философами, попытавшимися выработать теоретические представления о гармонии, были Пифагор и Гераклит. Из древних ученых, проявивших наибольший интерес к гармонии, известен также Птоломей, а из числа представителей классической науки – Кеплер. Значительный вклад в развитие представлений о гармонии принадлежит Копернику и Бруно, Декарту и Спинозе, Ньютону и Лейбницу. Кант и Гегель, Фейербах и Дарвин оставили заметный след в истории развития учения о гармонии. Проблемой гармонии интересуются и современные буржуазные философы, среди которых наиболее известными являются Ницше и Кассирер, Бергсон и Дьюи.

Особо следует отметить сочинения современного французского философа Андре Ламуша, опубликовавшего в 1955–67 гг. семитомную «Гармоническую теорию», которая при

ее выходе во Франции характеризовалась буржуазным издательством как образец «прекрасного причинного синтеза, глубоко связанного с теориями механики, физики и химии..., в котором разрозненные, независимые друг от друга положения сведены в малое число общих принципов»⁵⁸⁹.

Согласно другому мнению, концепция гармонии Ламуша «выходит за пределы математических и физических наук и простирается во все области познания и действия»⁵⁹⁰. Сам Ламуш считает, что его «Гармоническая теория, переводя на новый этап идеал греческой мысли, матери нашей цивилизации, путем систематизации ритма и рационализации логикой простоты, тем самым открывает выход в метафизику гармонии»⁵⁹¹. Обширность труда, время его выхода в свет, высокие оценки буржуазных критиков, свидетельствуя о том, что данная работа представляет уровень современного понимания гармонии, достигнутый в рамках буржуазной философии, вынуждает к тому, чтобы задержаться на анализе основных выводов Ламуша. Первые шесть томов: «Принцип простоты в математических и физических науках» (I, 1955), «Биология» (II, 1956), «Психология» (III, 1957), «Логика простоты» (IV, 1959), «Эстетика» (V, 1961), «От морали любви к социологии разума» (VI, 1963–1964) должны образовать, по мнению их автора, «нижний феноменологический аспект уровней гармонии», а седьмой том, названный «Универсальная ритмология и метафизика гармонии» (вып. I «От науки к метафизике», – 1966 и вып. II «От теодицеи к теологии», – 1967), представляет «всю панораму гармонии под онтологическим углом зрения»⁵⁹².

Даже названия представляющих «Гармоническую теорию» книг показывают, что Ламуш объединяет в единое целое классические философские представления, догмы средневекового богословия и достижения современной науки. Еще в 1923 г., как пишет Ламуш, им «эскизно было изложено основное содержание “Гармонической теории”, для иллюстрации которой заимствовались положения механики, энергетики и различных отраслей физико-химических наук. В результате еще в 1926–1927 гг. был создан мост, позволявший разуму идти от интимного механизма математических наук к глубокому механизму физических явлений»⁵⁹³, который необходим только для того, чтобы выполнить с его помощью главную задачу – обосновать «метафизический концепт гармонии как мост между наукой и религией»⁵⁹⁴.

Все это не могло не предопределить и действительно предопределило эклектический характер «Гармонической теории». Так, например, в «Гармонической теории» речь идет о космической эволюции, в которой автор стремится старое учение о гармонии усилить соответствующей концепцией Тейяра де Шардена. Основой космической гармонии Ламуш считает два вида связи: связь этажей, уровней и связь частей, слагаемых целого.

Вообще говоря, мысль о дополнительности частей целого вполне могла бы составить полезное приобретение учения о гармонии, если бы она не была заранее искажена предвзятой схемой теологического характера. То же самое можно сказать и о трактовке

⁵⁸⁹ *Lamouche A.* La Theorie harmonique. Le principe de simplicité dans les mathématiques et dans Sciences physiques. Paris, 1955. P. 7.

⁵⁹⁰ Ibid.

⁵⁹¹ *Lamouche A.* Rithmologie universelle et methaphysique de L'harmonie. 2eme vol. Paris, 1966. P. 15.

⁵⁹² Ibid.

⁵⁹³ *Lamouche A.* La principe de Simplicité dans les mathématiques et les sciences physiques. Paris, 1955. P. 22.

⁵⁹⁴ *Lamouche A.* Rithmologie universelle et methaphysique de L'harmonie. 2er vol. De la science a la methaphysique. Paris, 1966. P. 22.

Ламушем связи тех уровней, последовательность которых у него служит лишь внешним выражением космической гармонии.

Подтверждая факт физико-химической и биологической эволюции, в которой физико-химическое и биологическое выступает в виде двух смежных, следующих друг за другом этажей, Ламуш основой своей концепции космической гармонии провозглашает следующие положения:

1. «Каждый этаж по отношению к высшему может мысленным образом фиксироваться двумя видами дополнительности, один из которых есть язык описания, а другой – язык объяснения. Причем в языке описания эта дополнительность проявляется в виде плана, предначертанного единство нижнего и высшего этажей, когда нижний служит некоторой основой, на которой высший этаж актуализирует свои потенциальные функции.

2. Смысл этой описательно-объяснительной дополнительности не сводится только к демонстрации могущества творца энергии, жизни и духа. Такая дополнительность квантуется в ходе пространственно-временной эволюции и проявляет себя в движении от низшего к высшему, подобно тому, как атомная структура выступает в качестве конкретного основания, на котором собственно и возникает молекулярный уровень.

3. Глубокое функциональное единство между разными уровнями как и перехода от частей к гармоническому целому проистекает, с одной стороны, из общего происхождения и плана, с другой стороны – из единства и простоты происходящих при этом процессов взаимодействия, – столь характерной черте гармонической иерархии, о которой и идет здесь речь...

4. И, наконец, четвертый вывод состоит в том, что вершину этой слоистой пирамиды на современном этапе эволюции, занимает некоторое бытие, основные функции которого сводятся к тому, чтобы в качестве резонатора и трансформатора гармонии через посредство мысли и действия соединить отдельные части таким образом, что в конечном счете получается что-то формоподобное человеку. Этот конечный результат достигается благодаря действию координирующей системы, заключающей в себе гармонию многоуровневого сложного. Этот особый вид бытия есть закон суперэволюции, проявляющийся в органической всеобщности индивида. Согласно позитивистам – сама эта всеобщность есть абстракция, которая, однако, не может проявиться через конкретное. Эта абстракция есть реальность высшей степени. Для человека она представляет собой единственную реальность, которую следует принимать в расчет»⁵⁹⁵. Таков смысл феноменологического аспекта «Гармонической теории».

Онтологический аспект изложен Ламушем в двух выпусках седьмого тома. «Предмет этого седьмого тома и последнего, представленного серией работ, – пишет Ламуш, – следующий: после последовательного воспроизведения в единой перспективе феноменологического аспекта уровней гармонии, которое и составляет естественную иерархию вещей и бытия, неясной людям, речь пойдет о том, чтобы принять новый взгляд на эту панораму под онтологическим углом зрения...

В основе гармонической теории три ключевых понятия: ритм, простота, гармония. Ритм – краеугольный камень космоса, имеющий кроме того отношение к единству между бытием и становлением как субстанциональная связь и динамика взаимодействия всего, что существует. Простота представляет собой посредствующее понятие между единством и многообразием, благодаря принципу градации, который позволяет диалектизировать тонкую

⁵⁹⁵ *Lamouche A. La theoris harmonique. T. 2: Biologie. Paris, 1956. P. 558–559.*

структуру всякой дополнителности. Гармония – есть фундаментальный атрибут бытия, а в качестве концепта она – единственное средство обосновать без противоречий “единство в многообразии”. Бытие как таковое, по мнению автора, есть “результат связи сущности и существования”. Эти две компоненты бытия представляются реальностями одна через другую. И только синтезом идеализма и реализма возможно восстановить всеобщее единство бытия.

Дуализм внешней реальности проистекает из раздвоенности логики, являющейся в свою очередь рациональным инструментом бытия. Логика идентичности есть логика адекватности в метафизике сущности. Логика простоты объясняет динамизм существования с точки зрения феноменологии и науки об универсуме. Эта раздвоенность логики преодолевается путем комплементарности, имеющей место между логикой идентичности и логикой простоты, что оказывается возможным только благодаря тому, что максимум простоты есть не что иное как идентичность, объясняющая со всей строгостью пределы однородности, неподвижности, неизменности атрибутов единой сущности. Связанный с этой логикой принцип дополнителности играет роль ирреальной дихотомии принципа противоречия»⁵⁹⁶.

То, что Ламуш в качестве ведущего фактора гармонии полагает нечто ирреальное, трансцендентное и попросту сверхестественное – в этом нет никакой загадки, ведь автор «Гармонической теории» видит свою задачу не столько в том, чтобы показать сущность и свойства гармонии, сколько в том, чтобы при помощи сконструированного им понятия гармонии (и не случайно труд Ламуша именуется не «Теория гармонии», а «Гармоническая теория»), точнее, при помощи своей «Гармонической теории» «построить мост между наукой и религией». Трудность, однако, заключается в том, как это сделать так, чтобы антинаучный характер такой программы не выглядел бы особенно одиозно.

Хорошо известно, что «мост» между наукой и религией не раз воздвигался и в прошлом, и он не был прочным даже в ту пору, когда наука делала лишь свои первые шаги. Теперь же, когда наука стала доминирующим фактором не только духовной жизни, но также и весьма важной реальной силой преобразования материальной действительности, когда вместе с тем и даже в значительной мере благодаря этому влияние религии на общественную жизнь резко упало, казалось бы, что сама пора «наведения указанных мостов» прошла безвозвратно. Но действительность такова, что созданная современным автором «Гармоническая теория» именно в наше время тщится выступить в роли связующего звена между наукой и религией. Поэтому, чтобы обеспечить успех своему предприятию, Ламуш весьма часто адресуется к важнейшим теориям современного естествознания.

Еще в начале 20-х гг. Ламуш, исходя из бытовавшего тогда взгляда о простоте принципов классической физики, именно в них усматривал проявление и суть гармонии.

Простота, как известно, с давних пор выступает в качестве идеала теории. «Простота – это самая большая мудрость» – гласит французская поговорка.

Приверженность Ламуша к простоте нашла свое выражение в том, что он еще в 1926 г. представляет во Французскую академию наук диссертацию под названием «Принцип простоты в математических и физических науках». Однако в связи с первыми публикациями в течение 1923–1927 гг. работ Луи де Бройля по волновой механике Ламуш пришел к выводу, что будет «законной осторожностью подождать», поскольку «новая ориентация микрофизики была полна противоречий с гармонической теорией».

⁵⁹⁶ Ibid. Т. 7, vol. 4^{ef}: De la science a la methaphysique. Paris, 1966. P. 1–2.

Из неожиданного для него тупика автора «Гармонической теории» вывела растущая популярность сформулированных Бором принципов соответствия и дополнительности. По своему оценив их значение и учтя новые веяния в науке, Ламуш переделывает свою диссертацию тридцатилетней давности и публикует ее в 1955 г. в качестве первого тома «Гармонической теории».

Постоянно обращаясь к теории относительности, квантовой механике, теории резонанса, к достижениям молекулярной биологии и многим другим успехам современного естествознания, Ламуш тем не менее не случайно избегает говорить о материальном мире как объективной реальности и об объективном содержании тех теорий современной науки, к помощи которых он постоянно прибегает.

Автор «Гармонической теории» идет от постулирования «инстинкта простоты» к «логике простоты», а от нее к «логике идентичности» и поскольку все это, как и религиозная вера, не выходило за пределы психического, то поэтому для Ламуша было необходимым и, как он полагал, возможным, элиминировать из своего рассмотрения все то, что не укладывалось в рамки психического. Следствием такого подхода и явилась идеалистическая по своей сущности и синкретическая по характеру методологических установок «Гармоническая теория».

Из изложенного видно, что научная ценность «Гармонической теории» Ламуша оставляет желать лучшего. Конечно, в рамках буржуазной философии здесь нет ничего необычного, напротив, все написанное вполне типично для последней. В то же время следует отметить наличие в этом труде тех черт, которые в буржуазной философии встречаются не столь уж часто. «Простота», «ритм», «симметрия» – понятия, которые не могут не действовать успокаивающим образом на взбудораженное сознание буржуазного обывателя, постоянно оглушаемого не только пессимистическими, но и прямо эсхатологическими предсказаниями новоявленных пророков. «Гармоническая теория», претендующая на «мост между наукой и религией», как раз и призвана транквилизировать это сознание.

Второй существенный момент, оправдывающий выше проведенный анализ рассматриваемого сочинения, состоит в том, что «Гармоническая теория» выступает в данном случае и как яркий показатель современного уровня буржуазной философской методологии, и уже в силу этого обстоятельства, нельзя было обойтись без ее рассмотрения.

Конечно, в «Гармонической теории» есть и положения, которые при определенных условиях могли бы послужить лучшему пониманию гармонии. Ведь едва ли можно считать бесперспективным поиск внутренней связи между низшим и высшим, если бы сам этот поиск заранее не был отягощен ложными мировоззрениями и методологическими установками автора.

И идея комплементарности, о которой много говорится в труде Ламуша, при соответствующих условиях могла бы быть полезной в научном понимании гармонии.

Как ниже будет показано, в научном решении вопроса о гармонии, как в прошлом, так и в настоящее время исследование функционального отношения между низшим и высшим и отношения дополнительности между составными частями целого играло важную роль в формировании научного понимания гармонии и гармонического развития.

Однако в действительности «Гармоническая теория» не только не приближает к пониманию объективной сущности гармонии, но и представляет собой шаг назад даже в сравнении с тем уровнем, которого учение о гармонии достигло в прошлом.

Лейбниц, объясняя читателю XVIII века причины ненаучных допущений, имевших место в его концепции «предустановленной гармонии» заявлял: «Я же допускаю здесь

сверхъестественное только в начале вещей, в отношении к первому формированию животных, или в отношении к первоначальному установлению предустановленной гармонии между душой и телом; после же того, как это свершилось, я признаю, что формирование животных и соотношение между душой и телом являются делом столь естественным, как и другие естественные действия самые обыкновенные»⁵⁹⁷.

Ламуш, в отличие от Лейбница, именно сверхъестественное полагает главным фактором гармонии, что нашло свое отражение в попытке рассматривать науку и религию как взаимодополняющие друг друга стороны целого. А в его «гармонической иерархии» таинственная «абсолютная абстракция» призвана сыграть роль «единственной реальности», которую следует принимать в расчет. С подобными утверждениями идеалисты выступают не впервые. «Единственная настоящая объективная реальность есть внутренняя гармония мира»⁵⁹⁸, – писал еще в 1905 г. Анри Пуанкаре, причем объективным, как было показано В.И. Лениным, последний считает то, что признается большинством людей.

И все-таки в мировой литературе, посвященной гармонии, встречаются источники, способные послужить делу научного подхода к данной проблеме. Речь идет в данном случае прежде всего о той особой реальности, которая создается человеком, причем создается как раз по законам гармонии. Это – искусствоведческая и в первую очередь музыковедческая литература. Правда, здесь следует избегать прямой аналогии между гармонией в музыке и гармонией в природе или обществе, поскольку научная теория и искусство различным образом соотносятся с миром. Э. Курт, в лице которого, – по словам Б.В. Асафьева, – «музыка имеет в своем масштабе исследователя, равного по значению Гегелю», считал, что «музыка является не отражением природы, но переживанием ее таинственных энергий в нас самих»⁵⁹⁹. Все это еще раз говорит о том, что эстетические концепции гармонии, если и не должны противопоставляться аналогичным философским концепциям, то в равной мере они и не должны отождествляться, как это иногда бывает⁶⁰⁰. Вместе с тем было бы неверным не воспользоваться, проявляя при этом достаточную осторожность, теми знаниями гармонии, которые отличаются большей ясностью именно в области музыковедения. В науке такой путь не нов. Естествоиспытатели, например, часто выводят некоторые математические закономерности вначале для идеальной жидкости, идеального газа, абсолютно твердого тела, абсолютно черного тела и т.д., а за тем посредством соответствующих аппроксимаций используют полученные данные для исследования уже реальных жидкостей, газов и других тел. Но, говоря о гармонии и в музыке, необходимо считаться с тем, что, хотя музыка как результат творческой деятельности людей представляет собой один из древнейших элементов человеческой культуры, однако ее теоретическое осмысление тоже началось сравнительно недавно. Куссмакер в своей «Истории гармонии в средние века» считает «наиболее древним историческим документом о гармонии», сохранившиеся высказывания средневекового музыковеда Исидора Севильского, умершего в 636 г., о том, что «гармоническая музыка – это модуляция голоса, это также согласование нескольких звуков и их одновременное соединение»⁶⁰¹. Отсюда видно, что гармония в музыке с давних пор понимается как вид отношений в созвучиях и их последованиях. В своей основе этот взгляд сохраняется и в современной трактовке гармонии в музыке. Из определения, данного в БСЭ,

⁵⁹⁷ Лейбниц Г.-В. Теодицея // Вера и разум. 1887. № 15. С. 46.

⁵⁹⁸ Пуанкаре А. Ценность науки. М., 1906. С. 7.

⁵⁹⁹ Курт Э. Романтическая гармония и ее кризис в «Тристане» Вагнера. М., 1975. С. 17.

⁶⁰⁰ Марутаев М.А. О гармонии как закономерности // Принцип симметрии. М., 1978. С. 363–395.

⁶⁰¹ Шевалье Л. История учений о гармонии. М., 1932. С. 1.

видно, что гармония представляет собой «выразительные средства музыки, основанные на объединении музыкальных звуков в созвучия и последовательных созвучий в условиях лада и тональности»⁶⁰².

Значит, согласно музыковедческой трактовке, гармония охватывает два разных вида отношений. Ю.Н. Хохлов подчеркивает, что в своем основном значении гармония как общее понятие означает и в музыке «согласие, упорядоченность, соразмерную уравновешенность, разумную слаженность различного и противоречивого в прекрасное целое (в этом своем значении, – замечает цитируемый автор, – термин «гармония» соответствует греческому).

И.В. Способин определяет гармонию как «координацию звуков музыкальной ткани по вертикали и горизонтали»⁶⁰³.

Таким образом, в своем наиболее общем виде явление музыкальной гармонии охарактеризовано достаточно четко. Но существо современного состояния вопроса о гармонии состоит, по-видимому, в том, чтобы за этим, весьма общим определением последовало выяснение тех требований, которым должны удовлетворять элементы музыкальной ткани, т.е. сами звуки, как одновременные, так и сменяющие друг друга с течением времени, чтобы отношения между ними характеризовались «согласием, упорядоченностью, соразмерной уравновешенностью», одним словом, всеми теми чертами, без которых исключается возможность для «музыкальной ткани» превратиться в произведение искусства.

В музыкальном творчестве осуществление указанных требований достигается гармонизацией, причем само мастерство гармонизации заключается в «угадывании правильных гармоний», что не позволяет «внести в гармонизацию сознательный элемент, уменьшая тем самым элемент “угадывания”, предполагающего наличие остренной гармонической интуиции»⁶⁰⁴. Отсюда видно, что в музыкальном творчестве пока еще приходится, несмотря на существование теории гармонии, больше уповать на «дар божий» самого композитора, чем на теорию.

Однако в связи с отмеченными трудностями, относящимися к процессу гармонизации, было бы совершенно неверным считать гармонические отношения между звуками недоступными логическому анализу. Напротив, именно такого рода анализ и представляет собой существенную часть соответствующей теории.

Шевалье в своей «Истории учений о гармонии» указывает, по крайней мере, на два важных фактора, без которых гармония была бы недостижимой: логическую последовательность звуков и индивидуальность каждого из них. «Если звуки следуют друг за другом в определенном логическом порядке, – пишет Шевалье, – то последовательность эта приобретает определенный смысл и получает название мелодии. Можно также воспроизвести ряд звуков одновременно. В этом случае получаются как отношения между звуками и их одновременным звучанием, так и соотношения этих звуковых комплексов между собой. Если назвать эти звуковые компоненты аккордами, то каждый из них будет иметь свою определенную музыкальную индивидуальность, получившуюся от той или иной организации ее элементов; гармоническая фраза получит свой смысл от способа расположения различных аккордов и их взаимоотношений»⁶⁰⁵.

⁶⁰² Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 6. С. 128.

⁶⁰³ Хохлов Ю.Н. Очерки современной гармонии. М., 1974. С. 43.

⁶⁰⁴ Корсунский С., Скребков С. Некоторые проблемы курса гармонии в свете теории многоосновности. М., 1934. С. 22.

⁶⁰⁵ Шевалье Л. История учений о гармонии. С. XIV.

Здесь обращают на себя внимание два важных положения. Во-первых, речь идет о сохранении индивидуальности тех компонентов, из которых создается «музыкальная ткань», во-вторых, ясно подчеркнута необходимость соблюдать логическую последовательность звуков.

Индивидуальность Шевалье определяет как надлежащую организацию тех элементов, из которых состоит данный компонент «музыкальной ткани». Какому же принципу подчинена сама эта организация? Ответ простой – благозвучию. Подробно останавливаясь на характеристике статических и динамических соотношений между элементами, в результате чего получается та или иная индивидуальность, Шевалье пишет, имея, в частности, в виду статические соотношения: «Раз навсегда следует установить два способа созвучий:

а) Возьмем, например, созвучие до–ми– соль; оно может быть рассматриваемо как результат наложения трех голосов и воспринимается ухом в виде трех интервалов: до–ми, ми– соль, до– соль. Вопрос в том, насколько каждый из этих интервалов терпим для нашего слуха; в зависимости от этого каждая данная совокупность звуков, будучи образована из благозвучных частей, сама будет благозвучна, и слух будет удовлетворен. Так рассуждали контрапунктисты средних веков, и не всегда даже шли они так далеко, обычно они довольствовались тем, чтобы каждый голос был согласован с тенором. Следовательно, в данном случае безразлично имеют ли эти три звука: до–ми– соль достаточную связь между собой для того, чтобы образовать некоторое единство и приобрести определенный гармонический смысл; важно только, чтобы их сочетание было терпимо для слуха; интерес здесь направлен на организацию звуков не в одновременности, а лишь в их мелодической последовательности.

б) С другой стороны, созвучие до–ми– соль, образованное из двух положенных терций, может быть рассматриваемо как некоторое построение из звуков, объединенных их отношениями к их основному тону до. Такова гармоническая точка зрения: эти три звука – уже не только благозвучный случайный комплекс, а определенное благозвучное единство, аккорд до–ми– соль, сознательно задуманный, имеющий свое собственное назначение и определенную роль в гармонической фразе». (Отметим, что Шевалье своим труде о гармонии сам пишет: «Мелодическая линия в этом труде нас не занимает; и гармония же в собственном смысле этого слова, зарождается с того момента, когда музыкант, сознательно или бессознательно, начинает интересоваться одновременными сочетаниями звуков» – *В.М.*). Это приводит нас ко второй категории гармонических соотношений»⁶⁰⁶.

Конечно, столь же разнообразны и те звуки, из которых составляется музыкальное произведение, отвечающее требованиям гармонии, и только от творца этой гармонии зависит, какие из этого бесконечного множества звуков войдут в его творение. В тех случаях, когда организация звуков осуществляется в согласии с принципом искусства – «ничего лишнего», то каждый звук, сохраняя свое собственное звучание, при этом не только не заглушает другие с ним одновременно звучащие, но и подчеркивает их своеобразие и значение, и в свою очередь сам встречает аналогичную поддержку со стороны последних. Если бы звуки сливались в единый нерасчленимый звук, подобно тому, как сливаются друг с другом капли воды, образуя большую каплю, то утрата звуками своей индивидуальности означала бы превращение музыки в сплошной шум.

Далее Шевалье рассматривает динамические соотношения. «Каждый звук, – пишет он, – играет определенную роль в мелодическом построении, в зависимости от места,

⁶⁰⁶ Там же. С. XV.

занимаемого этим звуком в ладу. Каждый аккорд также играет определенную роль в гармоническом построении»⁶⁰⁷.

Таким образом, «гармоническая точка зрения» требует от композитора, чтобы соблюдалось «благозвучие» не только при наложении одних звуков на другие, но чтобы это «благозвучие» сохранялось во всех мелодических последовательностях.

Никоим образом не оспаривая значение «благозвучия» как важнейшей характеристики компонентов музыкального произведения, тем не менее полагаем необходимым сослаться на П.И. Чайковского, отмечавшего, насколько проблематичным является критерий гармоничности даже в области, казалось бы, целиком подвластной творческой воле музыканта – творца гармонии – какой является музыка. «Основанная на чистом эмпиризме, – писал он, – музыкальная теория покоится на весьма шатком основании, так как в выводах о благозвучии тех или других звуковых комбинаций неизбежно принимает участие индивидуальное чувство наблюдателя, а индивидуальности разнообразны до бесконечности»⁶⁰⁸.

Отсюда видно, что, в согласии с музыковедами и с музыкантами явление гармонии можно представить себе как такой способ связи отдельных элементов или компонентов (в музыке это звуковые комплексы, называемые аккордами), который гарантирует сохранение их индивидуальных черт, признаков, свойств; при этом элементы, находящиеся в связи с другими, себе подобными, лишь только благодаря этой связи получают возможность наиболее полно проявить, обнаружить внутренне присущую каждому из них индивидуальность.

Учитывая роль индивидуальности, Шевалье подчеркивает, что «гармонические стремления узнаются по двум верным признакам: 1) Забота об аккорде (аккорд как типичный пример индивидуальности ставится здесь на первое место – *В.М.*). Хорошее расположение аккордов, как в основном виде, так и в обращении...

2) Забота о последовательности аккордов. Здесь выступает познание лада. Тональная функция управляет связью аккордов – следовательно, гармония собственно начинается с того момента, когда связь аккордов дает впечатление тональной функции»⁶⁰⁹.

Другой важнейшей формой гармонических отношений является, отмеченная еще Исидором Севильским, модуляция, как переход из одной тональности в другую. Это положение теории музыкальной гармонии призвано отобразить прежде всего динамический характер явления гармонии. Сам процесс модуляция представляет собой движение из старой тональности в новую. Такое движение, разумеется, не может быть осуществлено вне взаимодействия аккордов и, в первую очередь, между первым аккордом новой тональности и последним аккордом старой тональности.

Таким образом, искусство модуляции состоит в том, чтобы взаимодействующие аккорды, при сохранении их роли в рамках выражаемых ими тональностей, переходили один в другой естественным образом, т.е. соответствовали бы друг другу. В тех случаях, когда такого соответствия нет, когда, напротив, переход от одной тональности к другой происходит неожиданным образом, когда в последованиях обнаруживаются разрывы, выходящие за допустимые пределы, тогда гармония уступает место дисгармонии, консонансы замещаются диссонансами, и при нагромождении в «музыкальной шкале» тех и

⁶⁰⁷ Там же.

⁶⁰⁸ Чайковский П.И. Полн. собр. соч. Т. 3-а. М., 1957. С. 216.

⁶⁰⁹ Шевалье Л. История учений о гармонии. С. XVI.

других последняя как бы деградирует, а воспринимаемая совокупность звуков уже больше не является целостным произведением искусства⁶¹⁰.

Сравнивая между собой описанные здесь процессы образования и последования созвучий, легко заметить, что наибольшая трудность в осуществлении гармонических отношений, т.е. «в координации звуков музыкальной ткани по вертикали и горизонтали», состоит в том, чтобы подбор как одновременно звучащих элементов, так и сменяющих друг друга звуковых комплексов обеспечивал достаточный художественный уровень целого на основе полного использования возможностей составляющих его компонентов.

История музыки показывает, что это требование отнюдь не представляет собой некоего недостижимого идеала, напротив, как раз сама эта история прежде всего и свидетельствует о том, что в лучших музыкальных произведениях дело обстоит именно таким образом, хотя сами эти успехи не всегда являются результатом сознательного применения теории, представляя порой продукт интуиции композитора, умеющего «угадывать» тайны соответствия одних звуков и звуковых комплексов другим.

С целью усиления роли логического аспекта в процедуре гармонизации, Рамо еще в XVIII в. пытался «поверить алгеброй гармонию». При этом ему удалось найти более или менее правильные подходы к своей задаче, вследствие чего в конце концов был даже создан учебный курс гармонии. «Чем же один звук отличается от другого с исключительно музыкальной точки зрения, не принимая во внимание ритма и тембра?», – спрашивал Рамо, и отвечал: «Частотой своих колебаний. Эта частота выражается числами; следовательно, соотношения между звуками будут соотношениями между числами, т.е. арифметическими соотношениями»⁶¹¹.

История искусства показывает, что основу настоящего произведения искусства составляет исходная идея, которую, однако, не удастся выразить ни средствами арифметики и алгебры, не в состоянии выразить ее своими средствами и современная кибернетика. Именно в этом пункте – воплощения идеи надлежащими звуковыми средствами – продолжает оставаться незаменимой интуиция художника. Поскольку же идея по своему существу носит динамический характер, то становится понятным, что проблема музыкальной гармонии, да и не только музыкальной, оказывается одним из звеньев проблемы развития. Именно в таком духе можно понимать и высказывание П.И. Чайковского о той роли, которую в музыке играют отношения между одновременно звучащими и переходящими один в другой звуковыми комплексами, когда он говорит об этом следующим образом: «Из совокупного содействия этих двух основных элементов (мелодии и гармонии – *В.М.*) с присоединением к ним элемента ритмического, распределяющего те или иные сочетания по отношению ко времени, получается материал музыкального искусства»⁶¹².

При всех оговорках и замечаниях по поводу музыковедческой теории гармонии несомненным остается факт, что гармония в музыке получила свое выражение в соответствующей теории. В связи с этим может возникнуть вопрос, почему философы, предпринявшие попытку создания общей теории гармонии две с половиной тысячи лет назад, преуспели здесь меньше, чем это удалось музыковедам. Трудно ответить на столь нелегкий вопрос, но его хотя бы частичному прояснению может помочь приводимая ниже

⁶¹⁰ Краткий музыкальный словарь. М., 1964. С. 92–93.

⁶¹¹ Цит. по: *Шевалье Л.* История учений о гармонии. С. 33.

⁶¹² *Чайковский П.И.* Полн. собр. соч. Т. 3-а. С. 9.

беседа двух персонажей (Сократа и Гиппократ), заимствованная нами из книги А. Реньи «Диалоги о математике», в которой обсуждается высокая точность математического знания.

Сократ: Сегодня утром я был в зале второго судьи, где жену плотника из деревни Питтос обвиняли в измене и убийстве мужа при соучастии любовника. Женщина протестовала, она клялась Артемидой и Афродитой, что невиновна, что никогда не любила никого, кроме своего мужа, и что он убит грабителями. Множество людей было вызвано в качестве свидетелей. Одни говорили, что она виновна, а другие, что нет. И было невозможно выяснить правду...

Гиппократ: Что же общего у этого факта с математикой?

Сократ: Больше, чем ты думаешь. Скажи мне сначала: знаешь ли ты предание об Агамемноне и Клитемнестре?

Гиппократ: Эту историю знают все...

Сократ: Расскажи мне ее в нескольких словах.

Гиппократ: Пока Агамемнон, Микенский царь, сражался под стенами Трои, его жена, Клитемнестра, согрешила с Эгистом, двоюродным братом мужа. После падения Трои, когда Агамемнон вернулся домой, Клитемнестра и ее любовник убили его.

Сократ: Скажи ии, Гиппократ, ты уверен, что Клитемнестра виновна?

Гиппократ: ...правдивость этой истории несомненна. Согласно Гомеру, когда Одиссей был в преисподней, он встретил Агамемнона и тот сам рассказал ему о своей печальной судьбе.

Сократ: Подытожим все, что мы выяснили. Невозможно установить, виновна ли женщина во крови и плоти, живущая сегодня в Афинах, в то время как несомненно, что персонаж трагедии – Клитемнестра, которой, возможно, вообще не было на свете, виновна. Ты согласен?

Гиппократ: ...однако будет лучше, если ты сделаешь выводы.

Сократ: Заключение таково: мы знаем гораздо больше о людях, которые существуют только в нашем воображении, например, о персонажах пьес, чем о реально живущих людях. Если мы говорим, что Клитемнестра виновна, то это означает, что так ее изобразил Эсхил в своей пьесе. Подобное положение и в математике. Мы уверены, что диагонали прямоугольника абсолютно одинаковы, потому, что это следует из определения, данного математиками.

Гиппократ: Ты имеешь в виду, Сократ, что наш парадоксальный результат действительно правилен и можно иметь значительно более определенные знания о несуществующих вещах, например, математических понятиях, чем о реальных объектах? Мне кажется, я теперь понимаю, отчего так получается. Понятия, которые мы сами создали, известны нам полностью по самой их природе и мы можем о них узнать все, поскольку у них нет иной жизни, кроме как в нашем воображении. А вот объекты, существующие в реальном мире, не тождественны с нашими представлениями о них, поскольку они всегда неполны и приближительны. Именно поэтому наши знания о действительно существующих вещах никогда не могут быть исчерпывающими или окончательными»⁶¹³.

Но эти выводы применимы не только к математике, они применимы и к музыке. Известно, что композитор, как и математик, в качестве непосредственного объекта своей творческой деятельности берет нечто идеальное, т.е. говоря словами Маркса, «материальное,

⁶¹³ Реньи А. Диалоги о математике. М., 1969. С. 28–30.

пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». В процессе последующего логического и художественного отображения эти идеальные объекты, находящиеся в распоряжении субъекта творчества, могут быть преобразованы так, что конечный результат оказывается внутренне согласованным и завершенным. Не случайно одним из первых аналогий между математикой и музыкой увидел не кто иной, как Пифагор, который «музыку сфер» будто бы читал как гармонию числовых отношений, а в числовых отношениях, якобы слышал «небесную гармонию». Эту близость между математикой и музыкой нередко использовал идеализм, пытаясь упрочить свои позиции в учении о гармонии.

Признавая полезность привлечения музыковедческих представлений о гармонии, необходимо при этом иметь в виду, что и музыка никогда не была той стихией, где безраздельно господствует гармония. Примером может служить так называемая «новая музыка», несовместимая с классическими идеалами музыкальной гармонии.

Не случайно автор «Философии новой музыки» и «Диссонансов» один из виднейших представителей франкфуртской школы современного идеализма, Адорно прямо утверждает: «Сегодня философия музыки возможна лишь в качестве философии новой музыки»⁶¹⁴. Признавая относительную самостоятельность развития музыкального искусства, Адорно тем не менее определяющим фактором в этом развитии считает не столько принципы гармонии, сколько систему человеческих взаимоотношений, динамика которых, по его мнению, находит свое выражение в динамике фетишизма – этой лицевой стороне мировоззрения. Исходя из идеи, что «бесчеловечность общественной действительности является роковым и неразрешимым состоянием», Адорно приходит к выводу, что новая музыка не может быть утверждающей, поскольку обстоятельства вынуждают ее все в большей мере становиться «критической и деструктивной». Коллизии современного индустриального общества, согласно Адорно, не оставляют места не только для социальной гармонии, но они делают проблематичным и дальнейшее развитие музыки на основе принципов гармонии.

В домарксистское время идея гармонии нередко продолжала вою жизнь в форме так называемой «теории социальной гармонии». Так, к примеру, согласно представлениям Фурье стоило людям лишь удостовериться, что принадлежащая ему «теория четырех движений» справедлива, то обществу после этого ничего другого не остается как «готовиться к самому изумительному, самому счастливому событию, какое может иметь место на этом земном шаре и на всех планетах, – к внезапному переходу от социального хаоса к всемирной гармонии»⁶¹⁵.

Конт достоинства своей «Положительной философии» видел в ее способности «самопроизвольно создавать между индивидуумом и духовной общностью целого рода логическую гармонию взамен тех бесконечных сомнений и нескончаемых споров, которые должны порождать прежний образ мышления»⁶¹⁶. В этой связи не могут не быть упомянутыми и авторы так называемой «теории гармонии интересов» Кэри и Бастиа, полагавшие, что социальная гармония уже является непреложным фактом, а если ее все-таки не всегда находят, то это объясняется еще неизжитыми отклонениями от естественного хода событий.

Конечно, мотивы, в силу которых представители названных направлений философской и идеологической мысли выдвигали свои концепции социальной гармонии,

⁶¹⁴ Adorno T. W. Philosophie der neuen Musik. Frankfurt a. M., 1965. S. 417.

⁶¹⁵ Фурье III. Избр. соч. Т. 1. М.-Л., 1951. С. 81.

⁶¹⁶ Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910. С. 34.

весьма различны, но поскольку каждая из них оставалась идеалистической по своему характеру, то объективно все они представляли собой, говоря словами В.И. Ленина, «идеологический дым»⁶¹⁷, рассеять который могла лишь научная теория общественного развития, в содержание которой входит и вопрос о социальной гармонии.

Отсюда становится очевидным, что одной из необходимых задач научного подхода к гармонии была задача расчистить завалы, образовавшиеся во время попыток теоретического решения общих вопросов проблемы гармонии.

Решая неотложную задачу освобождения диалектики от идеалистических наслоений, Маркс, Энгельс, Ленин тем самым вели решительную борьбу против той мистификации, которой подвергали гармонию идеологии буржуазии. При этом важнейшей заслугой основоположников материалистической диалектики было то, что они не только выявили саму основу, без опоры на которую изучение гармонии оставалось длительное время малопродуктивным, но и представили эту основу в качестве новой научной теории. Можно полностью согласиться с П.Н. Федосеевым, который, говоря о специфике движения общества от социализма к коммунизму, констатировал, что оно осуществляется «на той базе, которую В.И. Ленин, вслед за К. Марксом, назвал гармоничным... развитием»⁶¹⁸.

Усилия философов домарковского времени в решении проблемы гармонии, хотя и не были полностью бесплодными, но оставались все-таки малозаметными, поскольку для того, чтобы судить о том, является ли мир, природа, общество, человек или какие-либо их составляющие гармоничными, необходимо знать, что такое гармония, и, наоборот, чтобы получить верное представление о гармонии, надо иметь верные и достаточно полные научные данные о мире, природе, обществе, человеке. Поскольку в домарксистскую эпоху ни того, ни другого не было, то и учение о гармонии прогрессировало лишь едва заметным образом.

Характеризуя общее состояние вопроса о гармонии в современной литературе, нельзя не коснуться и того, как обстоит дело с проблемой гармонии в публикациях советских авторов.

Переходя к этому вопросу, следует отметить одно важное обстоятельство. Процесс рождения нового общества в нашей стране не проходил в исключительно трудных условиях, определяемых не только внешней интервенцией империалистических государств, но и характером «особых отношений между завоевавшими политическую власть особым классом, именно пролетариатом, и всей непролетарской, а также полупролетарской массой трудящегося населения, причем эти отношения, – как писал в то время В.И. Ленин, – складываются не в фантастически-гармоничной, “идеальной” обстановке, а в реальной обстановке бешеного и многообразного сопротивления со стороны буржуазии»⁶¹⁹. Не легкой и не простой была обстановка в стране и в предвоенные, и тем более в военные годы, когда материальные и духовные силы страны полностью поглощались острейшими нуждами экономического, политического и духовного строительства, когда так или иначе решался вопрос «кто кого». Поэтому нет ничего удивительного в том, что и философская мысль той нелегкой поры билась над теоретическими проблемами, выдвигавшимися на первый план прежде всего самыми неотложными нуждами социальной практики.

⁶¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 214.

⁶¹⁸ Федосеев П.Н. Марксистско-ленинская философия на современном этапе. М., 1974. С. 40.

⁶¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 16.

Появление новой Программы КПСС, явившееся отражением успехов в построении развитого социалистического общества, заметно стимулировало интерес исследователей к проблеме гармонии. Начиная с 60-х годов стали появляться статьи и сборники, где в той или иной связи затрагиваются как специальные, так иногда и общие вопросы научного понимания гармонии. Имеется значительное число публикаций по проблеме воспитания гармонической личности, и в этом нет ничего удивительного, ведь Программой КПСС предусмотрено в качестве одной из важнейших задач практики Коммунистического строительства «всестороннее и гармоническое развитие человеческой личности»⁶²⁰.

Но вопрос о гармонической личности не является единственным, в рамках которого наиболее ясно осознается острота проблемы общей теории гармонии. В последние годы вышло немало публикаций о гармонии и гармонизации отношений между природой и обществом. Остроту сложившейся экологической ситуации порой выражают даже в виде такой антиномии: «трагедия или гармония».

Одной из особенностей этих трудов является то, что широко используемое в них понятие «гармония» представляется интуитивно ясным. Однако в действительности положение, сложившееся в понимании гармонии, можно охарактеризовать как запутанное. Даже сами названия многих из уже опубликованных работ, посвященных личности коммунистического общества, современной экологической ситуации, указывают на то, что смысл данного понятия нуждается в существенных уточнениях. К примеру, автор книги «Трагедия или гармония» рассматривает как несовместимые трагическое и гармоническое, хотя несовместимость последних не является очевидной и тем более общепризнанной⁶²¹. О трудностях в понимании гармонии свидетельствует и другая книга «В поисках гармонии»⁶²², где одна из глав названа так: «Гармония? Нет, симметрия!». По мнению же рецензента указанной работы, было бы более правильным озаглавить главу иначе, а именно: «Симметрия? Нет. Гармония между симметрией и асимметрией»⁶²³. Данный спор отражает большие трудности, существующие в понимании гармонии.

Дискуссия о соотношении понятий «гармония» и «симметрия» началась не теперь. Достаточно сказать, что начало ей было положено еще Пифагором и Гераклитом, позднее ее продолжили Платон и Леонардо да Винчи, Шефтсбери и ряд других мыслителей. В числе предпринимавшихся попыток разубить этот «гордиев узел» находится и призыв признать оба понятия всего лишь обычными синонимами⁶²⁴.

Дискуссионным остается также понимание соотношения гармонии с противоречиями. На имеющиеся здесь затруднения в литературе уже обращалось внимание. «Так, отдельные философы, – пишет П.Н. Федосеев, – усматривали своеобразие диалектики социального развития в условиях новой формации (автор имеет в виду коммунистическую формацию – *В.М.*) в том, что противоречивость развития сменяется некоей всеобщей гармонией. В действительности же гармоничное, пропорциональное развитие и в развитом социалистическом обществе достигается путем преодоления оставшихся от прошлого или вновь возникающих неравномерностей и известных диспропорций... Другое дело – вопрос о

⁶²⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1973. С. 120.

⁶²¹ Адабашев И.И. Трагедия или гармония. М., 1973. С. 360.

⁶²² Мороз О. В поисках гармонии. М., 1968.

⁶²³ Розенталь И.Л. Физика и искусство // Природа. 1979. № 11. С. 123.

⁶²⁴ Урманцев Ю.Д. Симметрия в природе и природа симметрии. М., 1974. С. 14–15.

характере противоречий в социалистическом обществе, о принципиально новой основе возникновения этих противоречий и способа их разрешения»⁶²⁵.

Наличие в имеющейся марксистско-ленинской литературе некоторых существенных различий в подходах к пониманию гармонии данного явления не в последнюю очередь объясняется своеобразной историей вопроса. В процессе многовековых усилий философии, бившейся над решением проблемы гармонии, накопилось много не только разных, но и нередко ложных суждений. Во-вторых, полученный при этом материал был чаще всего «побочным продуктом», так как о гармонии многие авторы сами чаще всего писали в связи с исследованием других проблем. Все это наложило свой отпечаток и на ныне бытующие представления о гармонии, распространенные в мировой литературе. В отдельных случаях устаревшие взгляды на гармонию дают себя знать и в высказываниях некоторых советских авторов. Так, например, можно встретиться с утверждением, согласно которому в материальной действительности будто бы гармонии нет, но в сознании человека существует нечто, что было бы признать гармонией. Именно такой вывод заключают в себе рассуждения В.А. Ганзена о гармоничном целом. «Гармоническое целое – это своего рода идеальное целое, к которому в большей или меньшей степени приближаются реальные объекты»⁶²⁶...

Большинство авторов, касающихся данного вопроса, считает гармонию объективно существующим явлением. В их число входит прежде всего большая группа авторов, изучающих проблему воспитания гармонической личности. В работах на эту тему гармония рассматривается как реальное свойство реальных людей, взятых в исторически определенных условиях общественной жизни. Нет разногласий и относительно применимости понятия гармонии к коммунистическому обществу. Встречаются высказывания о гармонии живых организмов. «Гармоническое единство частей в организме и их развитие из зародыша являются, – пишет В.И. Свидерский, – общепризнанными фактами»⁶²⁷. В статье И.С. Молкина «О философском значении понятия гармонии» прямо ставится вопрос о том, что «понятие гармонии применимо ко всем основным видам материи: неорганической, органической (явлениям биологического характера) и общественной»⁶²⁸... Идею объективности гармонии как свойства природных и социальных явлений разделяет Ю.В. Линник⁶²⁹.

Хотя позиции относительно объективности и распространенности гармонии, как видно из приведенных примеров, заметно различаются, их общей чертой является то, что и тезис о гармонии как идеале, и утверждение о ее объективности, а равно и о распространенности гармонии в объективном мире в упомянутых публикациях не сопровождаются надлежащими доказательствами.

В дискуссии о соотношении гармонии и противоречий наметились два разных взгляда. Согласно одному из них – там, где есть противоречия, там нет гармонии, а где есть гармония, там исключаются противоречия. «Есть философы, – пишет Я.А. Мильнер-Иринин, – которые готовы признать внутреннюю противоречивость вещей, общественных явлений в том числе, но принцип этой внутренней противоречивости они усматривают в якобы

⁶²⁵ Федосеев П.Н. Марксистско-ленинская философия на современном этапе. М., 1974. С. 33.

⁶²⁶ Ганзен В.А. Восприятие целостных объектов. Л., 1974. С. 43.

⁶²⁷ Свидерский В.И. Некоторые особенности развития в объективном мире. Л., 1964. С. 12.

⁶²⁸ Молкин И.С. О философском значении понятия материи // Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Философия. Вып. VII. Л., 1965. С. 19.

⁶²⁹ Линник Ю.В. Философские вопросы гармонии // Сб. трудов Моск. обл. пед. ин-та им. Н.К. Крупской. Вып. 2. 1975.

действующем в вещах и обнаруживаемом ими абсолютном или мировом разуме. На этом основании философы эти, страдающие какой-то антагонистической болезнью, стремятся увековечить эти противоречия, обожествляют их и умудряются в самих противоречиях усмотреть проявление некоей чудесной и восхитительной гармонии»⁶³⁰. Большинство же авторов придерживается того взгляда, что гармония несовместима лишь с антагонистическими противоречиями, но она вполне возможна при наличии тех противоречий, которые принято называть неантагонистическими.

В связи с таким уточнением не мог не возникнуть новый вопрос – а нельзя ли то, что называют неантагонистическими противоречиями рассматривать одновременно как «гармонические противоположности». «В период развернутого строительства коммунизма, – пишет С.П. Дудель, – все отчетливее выступают и действуют... такие стороны диалектических противоречий развития нашего общества, которые лучше было бы назвать не только неантагонистическими, но и гармоническими противоположностями. Отличительными признаками гармонических противоположностей является то, что эти противоположности вообще не противостоят друг другу»⁶³¹. Трудно согласиться с С.П. Дуделем, считающим отличительным признаком «гармонических противоположностей» отсутствие борьбы противоположностей, но нельзя при этом не признать, что здесь имеется немалая теоретическая трудность, требующая своего решения.

Третий большой вопрос, чаще других затрагиваемый пишущими о гармонии, это определение самого понятия гармонии. При всем разнообразии мнений, их можно свести к двум основным группам. Первую составляют мнения, что своего значения не потеряло определение гармонии, идущее от Пифагора, Гераклита и Аристотеля, но относящееся только к эстетическим объектам. Причем даже в литературе справочного характера⁶³² при определении гармонии в качестве ее носителя назван только лишь эстетический объект.

«Гармония, отражающая говорится в “Философской энциклопедии”, – категория, закономерный характер развития действительности, внутреннюю и внешнюю согласованность, цельность и соразмерность содержания и формы эстетического объекта»⁶³³. Аналогичным этому является и определение гармонии данное в БСЭ⁶³⁴.

Ю.В. Линник, разделяющий сложившуюся в эстетике концепцию гармонии, считает даже, что «Эстетическое определение гармонии как единства противоположностей является предельно широким. Полезно, – пишет он, – дифференцировать это определение, выделив четыре основных формы природной гармонии: 1) гармония как единство взаимопроникающих противоположностей, 2) гармония раздвоенного единого, 3) гармония как изоморфное единство, 4) гармония как соответствие»⁶³⁵. Думается, что предложенная «дифференциация» едва ли приблизила к более ясному пониманию гармонии.

Другую группу представляют суждения, в которых делается попытка выразить гармонию через и одно или несколько смежных понятий. И.С. Молкин полагает, что «гармония как синоним единства многообразия, согласованности частей целого,

⁶³⁰ Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или принципы истинной человечности. Принцип совести // Актуальные проблемы марксистской этики. Тбилиси, 1967. С. 295.

⁶³¹ Дудель С.П. Специфика борьбы нового и старого в условиях строительства коммунизма // Вопросы философии. 1962. № 3. С. 129.

⁶³² См., напр.: Философская энциклопедия. 3-е изд. Т. 6. М., 1971.

⁶³³ Лосев А., Шрагин Б. Гармония // Философская энциклопедия. Т. 1. М., 1960. С. 323.

⁶³⁴ Лосев А.Ф. Гармония // БСЭ. Т. 6. М., 1971. С. 128.

⁶³⁵ Линник Ю.В. Философские вопросы гармонии // Сб. трудов Моск. обл. пед. ин-та им. Н.К. Крупской. Вып. 2. С. 67–68.

определенного порядка и т.д., противостоит разрозненности, хаосу, беспорядку»⁶³⁶. А Ю.А. Урманцев рассматривает гармонию как синоним симметрии, допуская, однако, некоторый перевес в научном значении на стороне понятия симметрии. Обращаясь к пифагорейскому представлению о гармонии, он пишет, что если в определении пифагорейцев слово «гармония» заменить словом «симметрия», тогда только вследствие этого повышается «диалектичность и современность», а также «глубина» суждений, включающих данное понятие. В целом же Ю.А. Урманцев исходит из того, что «древнегреческое понятие “гармония” соответствует современному “симметрия”»⁶³⁷.

Известно, что научное решение проблемы гармонии должно включать и ответ о происхождении этого явления. В советских публикациях имеется несколько попыток ответить на данный вопрос. В одних гармония рассматривается и как «момент развития»⁶³⁸, в других – как предельная форма развития, имеющая место «лишь в случае доразвития всех остальных элементов до “запросов” целого и прежде всего его прогрессирующих элементов»⁶³⁹, в третьих выдвигается тезис «о гармонии как закономерности»⁶⁴⁰. Таким образом можно заключить, что проблема гармонии, возникнув как важный теоретический вопрос в древней философии, продолжает оставаться и до сих пор в числе не только актуальных, но и все еще ждущих своего решения.

В прошлом к теоретическому решению проблемы гармонии обращались не только философы, но и многие видные естествоиспытатели, социологи, искусствоведы и даже теологи, поэтому необходимо разобраться в этом большом и неравноценном материале хотя бы с целью выявления тех его элементов, которые могли бы оказаться полезными в формировании современной научной концепции гармонии.

К проблеме гармонии обращались и классики марксистско-ленинской философии. По разным поводам с разной целью и в разное время писали о гармонии К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин, хотя и не оставили после себя специально для этого написанных трудов. Но то, что ими сказано о гармонии, что имеется в их теоретических трудах позволяет составить достаточно ясное представление о присущем Марксу, Энгельсу, Ленину пониманию гармонии, что может и должно быть использовано в теории гармонии.

Современное состояние теоретических представлений о гармонии, характеризуемое вышерассмотренными публикациями буржуазных авторов, а также отдельными советскими работами наряду с привлеченным сюда музыковедческим материалом, показывает, что научной теории гармонии пока еще нет, но необходимые условия для ее разработки уже имеются. Прологом к такой теории могли бы послужить анализ представлений о гармонии, складывающихся вначале, в домарксистской, а потом в марксистско-ленинской философии, чему и посвящается данная работа.

Актуальность исследования определяется прежде всего актуальностью самой темы. Вывод об отсутствии более или менее полной теоретической картины гармонии и необходимости ее создания разделяют и другие авторы⁶⁴¹.

⁶³⁶ Молкин И.С. О философском значении понятия гармонии // Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Вып. VII. С. 18–19.

⁶³⁷ Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии. М., 1974. С. 15.

⁶³⁸ Молкин И.С. Гармония как момент развития: автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1956.

⁶³⁹ Свидерский В.И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965. С. 167.

⁶⁴⁰ Марутаев М.А. О гармонии как закономерности // Принцип симметрии. С. 363–395.

⁶⁴¹ Например, М.С. Коган пишет об этом так: «На нынешнем этапе коммунистического строительства – задача формирования нового человека стала не только жизненной реальностью, но приобретает все

Поскольку гармония как объективное явление, занимает видное место в практике коммунистического строительства – в воспитании нового человека, формировании новых общественных отношений, установлении новой субординации между обществом и природой, то актуальность научно-теоретических работ, посвященных исследованию общих свойств гармонии, представляется достаточно очевидной. Как уже отмечалось, современная буржуазная философия, стремясь иметь больше средств идеологической борьбы, продолжает работу над усовершенствованием старой идеалистической концепции гармонии. Поэтому для нужд идеологической борьбы материалистическая диалектика должна располагать научно обоснованным ответом на те вопросы, которые возникают по поводу гармонии. Имея в виду, что представления о гармонии имеют мировоззренческий характер, становится очевидной актуальность работы и в этом плане. Диалектико-материалистическая теория и сама нуждается в развитии, а потому не может не быть актуальной работа по дальнейшей конкретизации представлений о формах единства и развития, входящая в комплекс задач по разработке теории гармонии. Как известно понятие «гармония» в своем, так сказать, категориальном значении вошло в программу КПСС, оно используется в теоретических трудах руководителей партии и государства⁶⁴², его знания требуют учебные программы по марксистско-ленинской философии⁶⁴³. Поскольку вопрос о развитии представлений о гармонии, которые складывались на протяжении всей истории философского знания до сих пор в марксистской философии не ставятся, то необходимость восполнения этого пробела очевидна. Обращение к этому вопросу обусловлено и другими соображениями: и здесь приходится указать прежде всего на то, что не в традициях материалистической диалектики – пренебрегать опытом предшествующих поколений. Во-вторых, идеи о гармонии, принадлежащие основоположникам марксистско-ленинской философии, столь же актуальны, как актуальна в практике наших дней – созданная ими диалектико-материалистическая теория развития. И, в третьих, история не напрасно считается наставницей жизни, а потому новые достижения науки, свидетельствующие о тех или иных ранее неизвестных свойствах гармонии, легче понять, если их рассматривать в свете уже имеющегося опыта изучения данного явления. И, конечно, нельзя не учитывать и того, что взгляд на учение о гармонии в его историческом разрезе представляет собой ту методологическую базу, без опоры на которую трудно рассчитывать на успешное теоретическое решение современных проблем гармонии.

Цель исследования – обращение к историко-философскому и, частнонаучному материалу, а также к теоретическому наследию классиков в марксистско-ленинской философии, в которых так или иначе отобразено понимание гармонии, имеет своей целью

большую актуальность и практическую весомость. В этих условиях уже нельзя ограничиться интуитивным представлением о том, что означает «всесторонность», «гармоничность», «целостность» личности; необходима строгая и научно достоверная теория... Между тем, такой теории у нас еще нет» (*Коган М.С.* О понимании всестороннего развития личности // Комплексное изучение человека и формирование всесторонне развитой личности (Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции). Вып. 1, ч. 1. М., 1975. С. 100).

⁶⁴² Л.И. Брежнев, говоря о будущем нашего общества, подчеркивал: «Это будущее мы, коммунисты, видим в дружном движении социалистических стран к коммунистической организации общества, которое и способно создать все те условия для гармонического развития личности» (Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Т. 7. М., С. 672).

⁶⁴³ «Коммунизм и гармония интересов личности и общества» – один из вопросов темы 10 «личность и общество», включенный в «Программу по диалектическому и историческому материализму, для студентов и соискателей нефилософских специальностей». М., 1977. С. 25.

выяснить, на какие из отмеченных вопросов в литературе даны ответы, на какие имеющиеся ответы остаются все еще спорными, а на какие – ответов пока не дано. Обзор названного материала позволяет достигнуть большей ясности в понимании того, является ли гармония объективно существующим явлением и какими свойствами оно обладает.

Задача исследования. Чтобы ответить на вопрос есть ли гармония в природе, обществе, может ли быть гармоничным человек, необходимо заранее знать, что представляет собой искомая гармония, иными словами надо бы иметь научно обоснованное понятие гармонии. А его-то, как раз, и нет, а это означает, что одно неизвестное приходится искать среди множества других неизвестных. Имея эту ситуацию в виду, задача сводится к тому, чтобы, опираясь на исторически сложившиеся философские воззрения на сущность гармонии, в особенности, на соответствующие идеи классиков материалистической диалектики, рассмотреть некоторую совокупность природных и социальных явлений, которые с некоторым приближением отвечают требованиям исторически сложившегося понятия гармонии. При этом по мере надобности производить необходимую корректировку исходного понятия, продвигаясь таким путем не только к более ясному пониманию смысла гармонии, но так же и к выявлению тех сфер, где гармония представляется возможной.

Решение этой задачи в нашей работе расчленено на ряд частных:

1. Выяснение того смысла, который вкладывали в понятие гармонии мыслители домарксистской эпохи, служит и чисто практическим целям. Как известно, классики марксизма не дали собственного определения гармонии, но они пользовались данным понятием и, следовательно, необходимо знать какой смысл вкладывался в понятие гармонии непосредственными предшественниками.

2. Основоположники материалистической диалектики, пользовавшиеся понятием гармонии для характеристики самых различных общественных и природных явлений, тем самым обогатили его новым содержанием. Поэтому в задачу исследования вошло выявление того вклада в разработку проблемы гармонии, который принадлежит К. Марксу, Ф. Энгельсу и В.И. Ленину.

3. Важной частью работы является изучение тех условий, которые представляют собой необходимую базу, предпосылку гармонии. Именно в этом плане анализируются данные науки о соответствии сторон и стадий развивающихся систем.

4. Традиционно гармония мыслится как специфическая форма противоречий, как результат разрешения последних, в связи с чем стало необходимым исследование соотношения проблемы гармонии с проблемой диалектических противоречий.

5. Хотя вопрос о формулировании научного понятия гармонии не является прямой целью данной работы, тем не менее само подведение некоторых итогов анализа наличных представлений об этом явлении является одним из нужных шагов в данном направлении.

Научная новизна работы

Характеризуя выводы, вытекающие из анализа историко-философского материала, отмечаем, что на одни вопросы мыслители прошлого дали ответ, который сохраняет свое значение и в настоящий момент, ответы на другие вопросы оказались несостоятельными, и, конечно, имеются и такие вопросы, которые в прошлом вообще не возникали. Но прежде всего необходимо отметить, что теоретическая мысль прошлого, обратившись к явлению гармонии, поставила для разрешения жизненно важную проблему. Положительным фактом здесь является то, что домарксистская философская мысль сумела в проблеме гармонии соединить две другие проблемы. Эмпирически наблюдаемый факт неисчислимого разнообразия явлений и интуитивно угадываемую связь между ними – как объективную базу

гармонии – античные философы объединили с субъективной предпосылкой – мечтой о лучшем, более совершенном мире и счастливом человеке, мечте, которую философы стремились выразить в образе мировой гармонии, теологи – в образе фантастического загробного мира. Таковыми представляются корни идеи гармонии, самые ранние следы которой, как свидетельствуют историко-философские источники, можно встретить не только в теоретических трудах древних греков, но и в древнекитайских, древнеиндийских философских текстах. О том, насколько важной представлялась проблема гармонии даже античным мыслителям, свидетельствует длительная и острая борьба, между материализмом и идеализмом за утверждение в этой области своих позиций.

Возникновение идеи гармонии в условиях различных культур подтверждает вывод, что эта идея – не случайный результат развития философской мысли, а представляет собой закономерную форму теоретического освоения действительности, в процессе которого рано или поздно человек не мог не задуматься не только о том, что в природе и обществе наблюдаются явления более сложные и менее сложные, но и о том, почему в рамках одной и той же сложности одно оказывается совершеннее другого. В поисках ответа на данный вопрос рождается основной тезис учения о гармонии: гармония – это единство в многообразии - формулировка которого принадлежит Аристотелю, обобщившему сходные, но менее четко выраженные идеи Пифагора и Гераклита.

Формула – гармония есть единство многообразия – является фундаментальной и в понимании связи гармонии с противоречиями.

В нашей работе показано, что положение, сформулированное еще пифагорейцами – не имеющее противоречий, не нуждается и в гармонии, – признаваемое правильным многими философами, остается до сих пор недостаточным, поскольку оно не содержит ответа на вопрос о том, всякие ли, или только некоторые противоречия могут быть базой гармонии.

Отсутствие надлежащего ответа на данный вопрос позволяло быть правыми и тем, кто считал, что гармония и противоречия несовместимы, как и тем, кто утверждал обратное.

Выделение из комплексного вопроса о связи гармонии и противоречий еще не затрагиваемого вопроса о специфике тех противоречий, которые способны быть основой гармонии, произведенное в первой части нашего исследования, содействовало выявлению этой специфики, о чем сказано во второй части работы.

Из трех наиболее распространенных подходов: природа фатально предопределила одним быть гармоничными изначально, а другим нет, гармония – недостижимый идеал и гармоничное возникает из негармоничного – в работе, показано, что именно третий подход имеет под собой научную основу.

В своей зачаточной форме идея гармонического развития нашла свое выражение в дошедших до нас изречениях Гераклита, затем она была поддержана Эмпедоклом, но наиболее отчетливым образом ее сформулировал Аристотель, а далее, пройдя через воззрения Декарта, Спинозы, Лейбница, эта идея получила дальнейшее обоснование в философии Гегеля. И хотя и на этот раз до научного решения было еще далеко, тем не менее движение теоретической мысли о гармонии происходило в верном направлении. Идея гармонии, все более сближаясь с более общей идеей развития, постепенно становилась составной частью последней, что особенно хорошо просматривается при обращении к гегелевским взглядам на гармонию.

В работе показано, что заслуживают положительного отношения попытки домарксистских мыслителей выразить сущность гармонии с помощью категорий: симметрия,

ритм, целостность, всесторонность, возможность и действительность, сущность и существование и некоторых других. Но поскольку некоторые из этих категорий, например, симметрия, ритм, целостность, в свою очередь нуждались в научном обосновании, то даваемые определения гармонии не были достаточно строгими, что порождало, с одной стороны, скептическое отношение к понятию гармонии (Спиноза), а с другой – служило почвой для иллюзии, что все существующее гармонично (Лейбниц).

В нашей работе предпринята попытка включить в контекст развивающихся философских представлений о гармонии соответствующих идей, тех естествоиспытателей, которые в свое время проявили к ней интерес. Обнаруженная плодотворность взаимодействия домарксистской философии и классической науки в области изучения гармонии характеризуется как историческое свидетельство перспективности участия наряду с философией и современной науки в теоретическом решении старых и новых вопросов проблемы гармонии.

В процессе анализа историко-философского материала выявлены не только позитивные приобретения учения о гармонии, но и были обнаружены содержащиеся в нем ошибочные пути и ложные выводы. Так, например, явно идеалистического характера путь истолкования гармонии как внеземного образца, у истоков которого стоял не только Платон, но и один из основоположников данного учения Пифагор долгое время поддерживал стремление рассматривать шар, окружность, в качестве символа, а то и образа гармонии. В средние века «одержимость округленностью» уступила место попытке во что бы то ни стало доказать, что подлинным носителем гармонии может быть только бог. Дальнейшая трансформация идеалистического подхода к проблеме гармонии, нашла свое выражение в концепции, согласно которой единственной реальной формой гармонии является «внутренняя гармония человеческих восприятий».

В работе показано, что хотя идеализм оказался неспособным дать полное научное решение проблемы гармонии, что, несмотря на наличие выработанных им ложных, а порой явно апологетических (в классовом и религиозном отношении) моделей гармонии, тем не менее было бы неправильно оценивать только отрицательным образом все трактовки гармонии, принадлежащие философам данного направления. В интересах объективности необходимо учитывать, что в прошлом бывало, что идеализм, а иногда и теология, оставались единственной формой, в рамках которой продолжало существовать учение о гармонии.

Одним из новых выводов работы является утверждение о том, что современная буржуазная философия обнаружила свою неспособность развивать дальше учение о гармонии. Эклектические, претендующие на объединения науки и религии «гармонические теории», или открыто нигилистические «концепции диссонансов» могут служить наглядным подтверждением справедливости такой оценки.

Итоговый вывод, вытекающий из рассмотренных в первой части фактов, состоит в том, что, если идея гармонии за тысячелетия своего нелегкого пути не только не была предана забвению, но жила и даже развивалась, то причину этого следует видеть прежде всего в крепнущей уверенности, что эта идея обладает своим объективным материальным базисом.

Новые результаты второй части работы представлены следующими положениями. Как известно, созданное Марксом, Энгельсом, Лениным учение характеризуется логической строгостью и фактической обоснованностью. Это обстоятельство делает их высказывания о гармонии, встречающиеся в «Капитале», «Диалектике природы», «Анти-Дюринге»,

«Материализме и эмпириокритизме», «Философских тетрадах» и других трудах важнейшим свидетельством присущего классикам марксизма глубокого интереса к данной проблеме.

В работе показывается, что Маркс, Энгельс и Ленин в целом положительным образом восприняли все то лучшее, т.е. наиболее глубоко и всесторонне обоснованное, что содержалось в учении о гармонии.

В высказываниях классиков марксизма важное место занимает проблема смысла гармонии, ее объективности, условий осуществления, специфики противоречий и своеобразия их разрешения, понятия гармонии и соотношения его с другими понятиями – соответствием, развитием, прогрессом и т.д. Содержащиеся в этих высказываниях ответы дают основания считать их роль основополагающей в деле создания научной, диалектико-материалистической концепции гармонии.

Новым является и положение о связи гармонии и соответствия, в котором показана целесообразность рассматривать процесс гармонического развития в свете представлений о дополнительном и функциональном соответствиях. Например, представления о соответствии между составными частями сложного целого, конкретное выражение которого изучается частными науками, исследующими ту область действительности, которая включает в себя и данную систему, позволяет судить о жизнеспособности или обреченности той или иной новой системы. Здесь дополнительность выступает важным признаком жизнеспособности. Что касается функционального соответствия, то выступая свидетельством преемственности и кумулятивности развития, оно дает возможность вскрывать различного рода мистификации, обычно имеющие место при сопоставлении гармоничного и негармоничного, представляя собой одновременно фундаментальную предпосылку того прогресса, который может не сопровождаться регрессом.

Отмечается также, что наличие соответствия между сторонами, компонентами, частями, элементами сложного целого, как и между его смежными состояниями, стадиями, этапами является лишь необходимым, но еще недостаточным условием гармонии.

Новым является и положение об отличительных признаках отношений между противоположностями в гармонически развивающихся системах. Связь проблемы гармонии с проблемой противоречий не вызывает сомнений, поскольку без учета роли противоречий трудно понять смысл основополагающей формулы: гармония – это единство многообразия. Понятно, что многообразие возможно и без единства, возможно и единство без многообразия, причем, как в первом, так и во втором случае противоречий может и не быть. Но если речь идет о некоторой целостности, в рамках которой имеют место и многообразие и единство, то здесь противоречия неизбежны.

На основе идей классиков марксизма, с учетом последующих достижений материалистической диалектики, относящихся к данному вопросу, в работе показано, что противоречия, выступающие в качестве объективной базы гармонии, должны иметь обязательные ограничения: они не должны быть антагонистическими, поскольку в этом случае не будет необходимого единства между противоположностями, но должны обладать качественным различием, поскольку при отсутствии необходимого различия не будет обязательного для гармонии разнообразия. Новым полагаем следующее общее положение.

Гармония представляет собой состояние сложной динамической системы, характеризующейся единством входящих в нее многообразных элементов, утверждающимся в борьбе между противоположностями, не доходящими до раскола и слияния, когда сущность целого реализуется на основе взаимодополняющего функционирования элементов,

а сущность каждого из входящих в целое элементов реализуется благодаря условиям, существующим в рамках целого.

Гармоническое состояние системы, например, данного общества или всего человечества, или мира в целом, отдельного человека, каждой личности, биосферы, биоценоза, технологических систем, науки, мировоззрения и т.д. достигается в процессе гармонического развития.

Гармоническое развитие есть происходящий в соответствии с законами материалистической диалектики процесс восходящего движения от старого к новому, от менее совершенного к более совершенному, при котором вследствие отношения дополнительности и симметрии между составными частями, функциональной связи между смежными состояниями, ритмически сменяющимися друг друга в ходе разрешения противоречий путем своевременного и полного отрицания отжившего старого и подготовленного предшествующим всесторонним развитием скачка к новому движение вспять исключается. Иначе – гармоническое развитие – это прогресс, свободный от регресса, объективность которого может быть обоснована.

Научно-практическая ценность работы состоит в том, что благодаря полученным в ней результатам сокращается область неопределенности в понимании форм развития. Содействуя более глубокому пониманию природы и общества, содержащиеся в исследовании теоретические положения через мировоззрение могут позитивно влиять и на социальную практику. Предлагаемая трактовка гармонии и условий ее осуществления не может не содействовать успехам в формировании коммунистических общественных отношений, в воспитании нового человека, упорядочении отношений между обществом и природой, а также в сфере идеологической борьбы.

<...>

В результате проведенного исследования приходим к следующим выводам:

1. Пережившее многочисленные превращения философской борьбы, неоднозначное по своему теоретическому содержанию учение о гармонии, первые шаги которого восходят к учениям античных мыслителей, продолжает развиваться и в настоящее время из чего можно заключить, что в данном случае теоретическая мысль натолкнулась на жизненно важный объект, специфику и внутреннюю основу которого оно и пытается выразить путем создания соответствующего теоретического образа.

Верно угадав возможность движения от негармонического к гармоническому, домарксистская философия, хотя и не смогла создать научной теории гармонического развития и гармонии, тем не менее достаточно близко к этому подошла, связав вопрос с проблемами диалектических противоречий и развития.

2. С возникновением марксизма в учении о гармонии произошли глубокие качественные изменения. Важнейшие достижения этого учения основоположниками материалистической диалектики были не только очищены от идеалистических и метафизических наслоений, но и на основе созданной ими новой теории противоречий превращены в научные принципы гармонии. В результате этого появились необходимые предпосылки для создания общей теории гармонического развития, которому «в бесконечно сложных... разветвлениях... движения» материального мира (Ленин) принадлежит определенное место.

Гармоническое развитие реализуется только там, где имеются необходимые для этого условия (отсутствие антагонизмов, или, по крайней мере, возможность преобразования

антагонистических противоречий в неантагонистические, симметрия среды, достаточный уровень сложности системы и ряд других факторов), в силу чего его собственные характеристики не могут быть такими же, как у других форм развития.

По нашему мнению, гармоническое развитие, как реальный и наиболее вероятный путь к гармонии, представляет собой такую разновидность прогресса, в котором вследствие взаимодействия элементов стерон, и прежде всего противоположностей, обеспечивающего более или менее полную симметрию системы, ритмичности качественных переходов от старого к новому, достигаемой благодаря всестороннему разворачиванию сущности, оказывается невозможным регресс, поскольку в системе нет сил, способных направить ее движение вспять. Дисгармония, как противоположность гармонии, которая в условиях гармонического развития, открывает путь к новому качеству, проявляясь в ходе внутренних и внешних взаимодействий системы, принципиально отличается от регресса – формы искажения сущности.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГАРМОНИИ В ДОМАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ И КЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИДЕЯ ГАРМОНИИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

1. О ПРЕДЫСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ ИДЕИ ГАРМОНИИ

Для правильного понимания развития философских представлений о гармонии немаловажное значение могло бы иметь знание и тех «дофилософских» форм отражения данного явления, которые послужили для философов исходным базисом.

Не оспаривая распространенного взгляда, что основоположниками первых теоретических представлений о гармонии являются Пифагор и Гераклит, было бы неверным считать, будто до них мысль гармонии, о гармоническом вообще не возникала. В подтверждение можно привести ряд фактов. Так, термин «гармония» встречается в текстах «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, создание которых иногда относят даже к периоду «микенской культуры». Причем смысл этого термина не был однозначным даже в произведениях Гомера.

По мнению А.Ф. Лосева, термин «гармония» употреблялся Гомером в двух различных смыслах. В «Илиаде» сказано, что Гектор хочет, чтобы боги были хранителями его соглашения с Ахиллом (*episcopoi harmoniaen*). *Harmonie* здесь «соглашение», «согласие», «мирное сожительство», «договор». В «Одиссее» говорится о том, что, строя корабль, Одиссей сбивает доски «гвоздями и скрепами» (*harmoniesi*, т.е. перекладинами)... – «Гармония» для Гомера либо договор между людьми (именно между героями), либо скрепы для досок, вроде гвоздей или брусьев. Других текстов с *harmonie* – неизвестно (если не считать собственного имени «Гармония», т.е. имени дочери Ареса и Афродиты...). Но попадает глагол *harmodzo*: панцырь «подходил» Парису, был ему впору... доспехи «приходились» Гектору «впору», нарубивши бревен, приладь (сколоти) плот «... все было слажено в плоту», который делался Одиссеем. Глагол, как мы видим, вполне соответствует по своему значению существительному⁶⁴⁴.

⁶⁴⁴ Лосев А.Ф. Эстетическая терминология ранней греческой литературы // Ученые записки МГПИИ

Предположение о существовании дофилософских представлений о гармонии опирается и на анализ некоторых памятников древнейшего живописного искусства⁶⁴⁵. В настоящее время в музеях мира хранится несколько сотен рисунков человека, созданных художниками каменного века. Содержание этих рисунков может представлять интерес для выявления истоков философской мысли о гармонии. Так, при изображении женщины художники палеолита стремились прежде всего на основе «природного материала» создать образ «идеальной» женщины, который более или менее соответствовал характеристикам самой природной модели⁶⁴⁶.

Но совершенно иным был подход к изображению мужчины. «Ни о каком конкретном сходстве этих гравюр, – пишет З.А. Абрамова, – говорить не приходится. Очевидно, этот какой-то обобщенный звероподобный облик придавался изображению мужчины намеренно, мужчина как бы воплощался в какое-то животное»⁶⁴⁷.

Различие этих подходов к изображению человека, по мнению А.П. Окладникова, таково, что их следует рассматривать как дополняющие друг друга противоположности, между которыми «абсолютной грани не существует, ... реалистические рисунки дополняются схематическими и наоборот. Образ и символ, как две формы передачи мысли стоят здесь рядом и сливаются воедино»⁶⁴⁸.

Развивая эту мысль, З.А. Абрамова делает вывод, что «эволюция человеческого образа в палеолитическом искусстве отвергает старое, упрощенное положение, что развитие шло от простого к сложному, от реалистического к схематическому. В отдельных фактах причем не единичных, а повторяющихся, могли быть заключены общие идеи»⁶⁴⁹.

И действительно, поскольку между приемами изображения мужчины и женщины имеется существенное различие, и поскольку в одних случаях преобладает своеобразный «натурализм», а в других – «схематизм», то предположение о роли общих идей в творчестве художников палеолита в свою очередь допускает мысль – а не являются ли эти «общие идеи» эпохи палеолита теми идеями, из которых или на базе которых возникли впоследствии мысли о гармонии. Думается, что имеются основания интерпретировать изображение мужчины, наделенного чертами зверя, как подгонку под «идеал» изображения женщины, в качестве первых опытов человека сформировать образ гармоничного человека.

О правомерности такого предположения говорят и другие факты.

им. В.И. Ленина. Т. 83, вып. 4. М., 1954. С. 127–128.

⁶⁴⁵ Говоря о памятниках палеолитического искусства, едва ли было правильным идеи создававших их художников располагать на той же линии, на которой находятся идеи античных философов о согласии разногласного. Однако возможность взаимодействия художественной и философской мысли о совершенном человеке вполне допустима.

⁶⁴⁶ «Изображения женщин, – пишет З.А. Абрамова, – реалистичны именно тем, что в них подчеркиваются черты зрелой женщины-матери, т.е. черты, которые в глазах художника имели, видимо, важнейшее значение. При этом он полностью пренебрегал или исполнял небрежно все другие, с нашей точки зрения “существенные детали”» (Абрамова З.А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.-Л., 1966. С. 31). Описывая палеолитические рисунки женщины, А.П. Окладников характеризует их так: «...Словом перед нами вполне зрелый, вполне выкристаллизовавшийся в сознании автора этих рисунков, но вместе с тем еще примитивный по технике исполнения образ “палеолитической Венеры”» (Окладников А.П. Утро искусства. Л., 1967. С. 36).

⁶⁴⁷ Абрамова З.А. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. С. 158.

⁶⁴⁸ Окладников А.П. Утро искусства. М., 1967. С. 124.

⁶⁴⁹ Абрамова З.А. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. С. 155.

Упоминания о гармонии встречаются в дошедших до наших дней произведениях древнейшей мифологии. Так в древнеиндийском мифе «Ригведа», термину «гармония» соответствует часто встречающийся термин «рита», означающий космический миропорядок, закон. «Прочны опоры риты, совершенен и прекрасен ее образ. Рите принадлежат просторы земли и небес»⁶⁵⁰, – сказано в Ригведе. Таким образом, мифология, вслед за палеолитической живописью, свидетельствует о том, что еще в дофилософских формах сознания возникают представления, которые допустимо рассматривать истоками первых философских идей о гармонии.

Этот экскурс в столь далекие от века Пифагора и Гераклита времена вызван тем, что из высказываний античных философов о гармонии нет ни одного, где говорилось бы о том когда, где и кем был впервые поставлен о ней вопрос. Из философов Древней Греции, рассуждавших о гармонии, никто ни сам не претендует на роль основоположника, ни приписывает этого кому-либо другому. Такое положение понятно, если только учесть, что о гармонии люди стали думать раньше, чем появились соответствующие высказывания Пифагора и Гераклита. И тот факт, что при глубоком различии их мировоззренческих и методологических позиций – принадлежащая им трактовка гармонии оказалась сходной, свидетельствует в пользу предположения, что Пифагор и Гераклит при обращении к вопросу о гармонии имели дело с уже имевшимися к тому времени представлениями о ней. Сравним два высказывания о гармонии, одно из них принадлежит Пифагору, принявшему в качестве исходного начала мира число, а другое – Гераклиту, полагавшему началом мира огонь. Пифагор: «Гармония есть смешение и сочетание противоположностей»⁶⁵¹, Гераклит: «Противоречивость сближает, разнообразие порождает прекраснейшую гармонию»⁶⁵².

Гераклиту, младшему современнику Пифагора, почему-то не помешала поддержать высказывание своего предшественника о гармонии, даже его собственная критическая оценка умственных способностей Пифагора. (Вспомним замечание Гераклита о том, что многознание уму не научает, иначе оно научило бы и Пифагора⁶⁵³.)

О том, что понимание гармонии как особой формы противоречий было широко распространенным, свидетельствует и такой факт. Так Конфуций с помощью шести иероглифов: цун-жун-бу-по-чти-и, которые по своему смыслу означают связь крайностей, проявляющейся в «естественной непринужденности», фактически выражал то отношение, которое древние греки называли гармонией. Деятельность человека будет следовать правильным путем, если ни одна из крайностей не будет иметь ни малейшего преобладания над другой крайностью. По мнению П.С. Попова, переводчика Конфуция, слово «гармония» для выражения данного отношения «было бы здесь также уместно»⁶⁵⁴.

Все это говорит о том, что древнегреческие философы, обратившиеся к проблеме гармонии, едва ли могли пройти мимо уже имевшихся в ту пору, так сказать, «дофилософских» взглядов на природу данного явления.

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ ИДЕИ ГАРМОНИИ КАК ОСОЗНАНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ РАЗНООБРАЗИЕМ И ЕДИНСТВОМ МИРА

⁶⁵⁰ Антология мировой философии. Т. I. М., 1969. С. 74.

⁶⁵¹ Антология мировой философии. Т. I. С. 286.

⁶⁵² Михайлова Э.Н., Чанышев А.Н. Ионийская философия. М., 1966. С. 140.

⁶⁵³ Там же.

⁶⁵⁴ Попов П.С. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. СПб., 1910. С. 5.

Поскольку работа посвящена главным образом историческому пути философского учения о гармонии и, следовательно, в ней будет говориться о вкладе самых разных философов в разработку данной проблемы, то в силу этого основное внимание уделяется развитию только тех идей, которые теснее всего связаны с проблемой гармонии. В связи с этим в ней нет рассуждений связанных с принадлежностью того или иного философа к определенному философскому направлению, временем и местом его жизни, особенностями личности и т.п. «Задача философской историографии, – писал К. Маркс, – заключается не в том, чтобы представить личность философа, хотя бы и духовную, так сказать, как фокус и образ его системы, еще меньше в том, чтобы предаваться психологическому крохоборству и мудрствованиям. История философии должна выделить в каждой системе определяющие мотивы, подлинные кристаллизации, проходящие через всю систему, и отделить их от доказательств, оправданий в виде диалогов, от изложения их у философов, поскольку эти последние осознали себя»⁶⁵⁵.

Первыми философами, с именами которых обычно связывают начало философского изучения гармонии, были Пифагор и Гераклит. Имеющиеся материалы позволяют с этим согласиться. Хотя прямым воспреемником «дофилософских» воззрений на гармонию следует считать Гераклита, тем не менее обзор исторического пути учения о гармонии начинается с Пифагора, поскольку в данном случае оказалось предпочтительнее соблюдать хронологическую последовательность.

По признанию многих авторов, ключевая идея о гармонии как о соразмерном единстве противоположностей принадлежит Пифагору. «Самосец Пифагор, сын Мнесарха, – говорит Аэций, – первый назвавший философию этим именем, признает началами числа и заключающиеся в них соразмерности, которые он называет также гармониями, элементы же, называемые геометрическими, он считает состоящими из тех и других начал. Опять же он принимает в началах монаду и неопределенную диаду. Одно из начал у него устремляется к действующей и видовой причине, каковая есть бог – ум, другая же относится к причине страдательной и материальной, каковая есть видимый мир»⁶⁵⁶. Значит, согласно Пифагору, гармония играет роль внутренне присущего субстанции (числам) атрибута, своеобразного организующего фактора, она представлена структурой числа, состоящего из противоположных компонентов (монады и неопределенной диады), выступая при этом в роли регулятора их соотношения, ответственного не только за соразмерность частей целого, но и за связь в единое целое столь далеких друг от друга противоположностей, какими являются видимая (материальная) и невидимая (духовная) части мира.

Конечно, сама по себе мысль об объединении противоположностей, об их соразмерном соотношении в рамках целого не нова. Выше уже говорилось, что еще художники палеолита, создавая идеальный образ женщины, уделяли особое внимание соразмерности интересующих их частей или органов тела. Здесь соразмерность несла функцию объединяющего фактора и была конкретной формой выражения единства многообразного. При изображении мужчины роль объединяющего фактора художником отводилась дополнительности, поскольку здесь идеал создавался путем дополнения присущих реальному человеку черт такими свойствами, которых у него в действительности

⁶⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 40. С. 136.

⁶⁵⁶ Антология мировой философии. Т. I. С. 286.

не было. Сообразительность и трудовая сноровка человека дополнялись силой и бесстрашием зверя и т.д.

В представлениях о гармонии у пифагорейцев эти подходы в общем-то сохранились, хотя форма их выражения существенно изменилась. Так, важным для пифагорейского учения о гармонии оказался вопрос об особенностях противоположностей, единство и соразмерность которых рассматривались непременным условием их гармонического объединения. Вот как в своей «Метафизике» описывает эти заботы пифагорейцев Аристотель.

«Так называемые пифагорейцы, занявшись математическими науками, впервые двинули их вперед, и, воспитавшись на них, стали считать их начала началами всех вещей. Но в области этих наук числа занимают от природы первое место, а у чисел они усматривали, казалось им, много сходных черт с тем, что существует и происходит, – больше, чем у огня, земли и воды, например, такое-то свойство чисел есть справедливость, а такое-то – душа и ум, другое – удача, и можно сказать, в каждом из остальных случаев точно также. Кроме того, они видели в числах свойства и отношения, присущие гармоническим сочетаниям. Так как, следовательно, все остальное явным образом уподоблялось числам по всему своему существу, а числа занимали первое место во всей природе, элементы чисел они предположили элементами всех вещей и всю Вселенную признали гармонией и числом. И все, что они могли в числах и гармонических сочетаниях показать согласующегося с состояниями и частями мира и со всем мировым устройством; и, если у них где-нибудь того или иного не хватало, они стремились добавить это так, что все построение находилось у них в сплошной связи. Так, например, ввиду того, что десятка (декада), как им представляется, есть нечто совершенное и вместила в себя всю природу чисел, то и несущихся по небу тел они считают десять, а так как видимых тел только девять, поэтому на десятом месте они помещают противоземлю... Во всяком случае и у них, по-видимому, число принимается за начало и в качестве материи для вещей, и в качестве выражения для их состояния и свойств, а элементами числа они считают чет и нечет, из коих первый является неопределенным, а второй определенным. Единое состоит у них из того и другого, оно является и четным и нечетным; число образуется из единого, а различные числа, как было сказано, – это вся Вселенная.

Другие из этих же мыслителей принимают десять начал, идущих каждый раз в одном ряду – предел и беспредельное, нечет и чет, единое и множество, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьму, хорошее и дурное, четырехугольное и разностороннее...

Пифагорейцы указали и сколько противоположностей, и какие они. И в том, и в другом случае мы, следовательно, узнаем, что противоположности суть начала вещей; но сколько их – узнаем у одних пифагорейцев, а также – какие они. А как можно принимаемые пифагорейцами начала свести к указанным выше причинам, это у них ясно не расчленено, но, по-видимому, они помещают свои элементы в разряд материи; ибо, по их словам, из этих элементов, как из внутри находящихся частей, составлена и образована сущность»⁶⁵⁷.

Из текста видно, что не представления о гармонии выведены пифагорейцами из анализа структуры чисел, а, наоборот, саму специфику сложности, структуры чисел пифагорейцы выводят, на основе уже имеющихся к тому времени представления о гармонии («они видели в числах свойства и отношения, присущие гармоническим сочетаниям»).

⁶⁵⁷ Аристотель. Метафизика / Пер. А.В. Кубицкого. М.-Л., 1934. С. 27.

Тем не менее, остается справедливым, что в области развития учения о гармонии пифагорейцам принадлежит не только первое, но и важное место.

То, что основные характеристики гармонии, сформулированные пифагорейцами для обоснования роли чисел как начал мира, встречаются и в современных теоретических трактовках гармонии, показывает, что пифагорейцы, говоря словами Аристотеля, действительно двинули вперед не только математические науки, но также и само учение о гармонии. Заслугой пифагорейцев следует признать также и то, что, поставив гармонию, наряду с числами, на место одного из начал мироздания, они тем самым резко увеличили интерес к гармонии. Гераклит, Эмпедокл, Платон, Аристотель уже не могли в своих учениях обойтись без того, чтобы не выразить своего отношения к проблеме гармонии, поставленной в число важных философских проблем Пифагором и его школой.

Основополагающей является роль пифагорейцев и в понимании сущности гармонии. Развивая идею о том, что носителем гармонии может быть только сложное, пифагорейцы на этом не остановились. В случае гармонического сложного элементы по отношению друг к другу должны выступать как противоположности, например, чет и нечет, неопределенное и определенное, покоящееся и движущееся, духовное и материальное и т.д. Далее, гармоничным может быть лишь целое, символизируемое в их учении десяткой («так как видимых тел только девять, поэтому на десятом месте, – подчеркивает Аристотель, – они помещают противоземлю»).

Противоположное, согласно пифагорейцам, характеризуется соразмерностью, т.е. каждая из противоположностей равнозначным образом противостоит другой противоположности (любопытно, что сходную мысль высказывает в ту же пору и Конфуций).

Следовательно, в числе признаков гармонии Пифагор считает сложность (нет смысла говорить о гармонии простого), наличие противоположностей, и соразмерность, а также целостность как достаточность необходимого и отсутствие лишнего. Одним из определяющих признаков гармонии Пифагор считал шарообразность. Это положение пифагорейцев, «что от кругового движения светил возникает гармония, так как де от этого происходят гармонические звуки, – свидетельствует об остроумии и большой учености высказавших его, – однако, – заключает Аристотель, – истина не такова»⁶⁵⁸.

Идея шаровидности гармонии также имеет свою предысторию. Еще Ксенофан, старший современник Пифагора, утверждал, что «единый бог, величайший между богами и людьми, не подобный смертным ни внешним видом, ни мыслью... есть бог, никогда не рожденный, вечный, шаровидной формы»⁶⁵⁹.

Во времена Пифагора возникал вопрос о правдоподобии таких трактовок гармонии, ответом на который и было утверждение, что свое реальное воплощение гармония вселенной находит в «музыке небесных сфер», услышать которую дано только избранным, например, таким как сам Пифагор, считавшийся «богочеловеком».

Открытая Пифагором зависимость звучания от отношений длин струн музыкальных инструментов была для пифагорейцев важным направляющим фактором в формировании их философских представлений о гармонии. «Свойства, которые присущи числам, – продолжает

⁶⁵⁸ *Маковельский А.* Досократики. Ч. III. Казань, 1919. С. 80.

⁶⁵⁹ *Лукреций К.* О природе вещей. Т. II. М., 1977. С. 668.

интерпретировать воззрения пифагорейцев Аристотель, – даны в музыкальной гармонии; в строении неба и во многом другом»⁶⁶⁰.

В то время проблема гармонии изучалась и материалистической философией Древней Греции. Гераклит также, как и Пифагор, считал эту проблему важной частью своего учения о мире. Будучи прямым противником общей системы взглядов Пифагора, Гераклит, тем не менее, основу гармонии, как и Пифагор, видел в своеобразном проявлении противоречий.

Исходя из представления, что без борьбы противоположностей бытие чего-либо невозможно, Гераклит, по свидетельству Евдема Родосского, порицал Гомера за его призыв к миру и согласию между богами и людьми, утверждая, что «не было бы гармонии, не будь высокого и низкого тона, и не было бы живых существ без противоположностей женского и мужского»⁶⁶¹.

С особым пафосом говорит Гераклит о гармонии как такой форме отношения противоположностей, когда между последними имеет место не любое, а достаточно значительное расхождение. «Враждующее соединяется, из расходящихся – прекраснейшая гармония, и все происходит через борьбу»⁶⁶².

Но важнейшая особенность гераклитовского понимания противоречий, как основы гармонии, заключается в том, что, в отличие от Пифагора (как и Конфуция), Гераклит смысл гармонии видит не в равновесии противоположностей, а в их относительности, вследствие чего борьба противоположностей становится источником движения от меньшего совершенства к большому. Отсюда следует, что, если противоречия между сторонами сложного целого выступают в качестве предпосылки гармонии, то вечно снимающиеся и вновь возникающие противоречия между стадиями или состояниями и есть гармония в собственном смысле этого слова.

Способность достигать гармонии – вот определяющий признак явления, претендующего на гармоничность. Исходя из этого положения, Гераклит не без раздражения удивляется тому, что «они (возможно это пифагорейцы – *В.М.*) не понимают, как расходящееся само с собой согласуется: возвращающаяся к себе гармония, как у лука и лиры»⁶⁶³.

Понимание гармонии как особой формы отношений между противоположностями, как специфического вида противоречий, имеющих место не только между сторонами, но также и между состояниями целого, принадлежащее Пифагору и Гераклиту, впоследствии не могли не учитывать философы самых различных школ. И действительно, Эмпедокл и Платон, Аристотель и Лейбниц, Кант и Гегель, Фейербах и Дарвин, хотя каждый из них по-своему излагал понимание гармонии, тем не менее все они первым ее условием считали наличие определенного вида противоречий.

Таким образом, особенностью гармонии считалось не отсутствие противоречий, а их специфичность. В сохранившихся источниках прямо говорится, что не кто иной, как «Гераклит учит, что вечный круговращающийся огонь есть бог, судьба же – логос (разум), созидаящий сущее из противоположных стремлений... Все происходит по определению судьбы, последняя же тождественна с необходимостью... Одно и то же живое и умершее, проснувшееся и спящее, молодое и старое, ибо первое исчезает во втором, а второе в первом. Следует знать, что борьба всеобща, что справедливость в распре, что все рождается через

⁶⁶⁰ Аристотель. Метафизика. С. 245.

⁶⁶¹ Михайлова Э.Н., Чанышев А.Н. Ионийская философия. С. 102.

⁶⁶² Материалисты Древней Греции. М., 1965. С. 42.

⁶⁶³ Там же. С. 45.

распря и по необходимости. Борьба отец всего и всему царь. Одним она определила быть богами, а другим людьми... Душе присущ самообогащающийся логос»⁶⁶⁴.

В этих высказываниях Гераклита хотя и подчеркивается универсальный характер противоречий – «борьба отец всему и всему царь», тем не менее исход этой борьбы в разных случаях различен, поскольку одним суждено «быть богами, а другим людьми». А из последних, в свою очередь одним приходится стать рабами, а другие оказываются свободными. Но чем объясняются столь глубокие различия исходов борьбы противоположностей – ответа не дали ни Гераклит, ни Пифагор. «Пифагорейцы, – писал Аристотель, – указали и сколько противоположностей, и какие они. И в том, и в другом случае мы, следовательно, узнаем, что противоположности суть начала вещей. <...> А как можно принимаемые пифагорейцами начала свести к указанным выше причинам, это у них ясно не расчленено»⁶⁶⁵.

Гераклит, развивая свое понимание гармонии, выдвинул идею о скрытой и явной гармониях. «Скрытая гармония, – говорил он, – сильнее явной»⁶⁶⁶. Действительно, гармония мира, – как справедливо замечают Э.Н. Михайлова и А.Н. Чанышев, – не лежит на поверхности вещей, во всяком случае настоящая гармония та, о которой Гераклит говорит, что она сильнее явной. Она скрыта за бросающейся в глаза борьбой, и она характерна для мира, взятого скорее в его целостности и единстве, чем в деталях»⁶⁶⁷.

Конечно, сама постановка вопроса о внутренней гармонии предполагает и внешнюю гармонию. Мысль Гераклита о разделении гармонии на «скрытую» и «явную» находится в согласии не только со случайным и необходимым, но и с его мнением что «человек обладает двумя средствами познания истины: чувственным восприятием и логосом»⁶⁶⁸.

Исключительно абстрактный характер, присущий высказываниям Гераклита, создает серьезные трудности в расшифровке смысла этого расчленения. Можно предположить, что одним из более или менее явных внешних признаков гармоничного Гераклит считал наличие в нем некоторых случайных признаков, доступных чувственному восприятию. «Подобен беспорядочно рассыпанному сору самый прекрасный космос»⁶⁶⁹. «Для бога все прекрасно, хорошо и справедливо (т.е. гармонично – В.М.), а люди приняли за справедливое одно, а другое – за несправедливое»⁶⁷⁰, ибо, продолжает Гераклит, «они оказываются незнающими всякий раз, когда они приступают к таким словам и делам, каковы те, которые я излагаю, разъясняя каждую вещь согласно ее природе и показывая, какова она»⁶⁷¹. Причем эта способность существовать согласно собственной природе – это уже внутреннее свойство.

Согласно Гераклиту, быть гармоничным равнозначно существованию по своей природе. Существование по своей природе есть порядок, закон, отступление от которого способно превратить «прекрасный космос» в «рассыпанный сор». Такая трактовка гармонии, принадлежащая материалисту Гераклиту, ставит его значительно выше идеалиста Пифагора, отождествляющего облик гармонии с некой «шарообразностью», либо с «музыкой небесных сфер».

⁶⁶⁴ Михайлова Э.Н., Чанышев А.Н. Ионийская философия. С. 106.

⁶⁶⁵ Аристотель. Метафизика. С. 27.

⁶⁶⁶ Михайлова Э.Н., Чанышев А.Н. Ионийская философия. С. 143.

⁶⁶⁷ Там же. С. 102.

⁶⁶⁸ Там же. С. 107.

⁶⁶⁹ Там же. С. 147.

⁶⁷⁰ Там же. С. 146.

⁶⁷¹ Там же. С. 140.

Оценивая вклад Пифагора и Гераклита в теоретическую разработку проблемы гармонии следует прежде всего отметить, что если начатое ими в VI в. до н.э. изучение гармонии продолжается и по сей день, то это не в последнюю очередь обусловлено тем, что внимание этих великих мыслителей было привлечено жизненно важной для всех эпох проблемой, и что эта проблема, став крупной проблемой философии, уже в период своего зарождения оказалась поставленной на достаточно прочную основу.

Наряду с этим следует отметить, что связав проблему гармонии с проблемой противоречий, Пифагор и Гераклит далее пошли разными путями. Пифагор ограничился утверждением, что гармония возможна и необходима только там, где имеются в наличии противоречия, Гераклит идет дальше этого, стремясь показать, что гармония, которую он называет внутренней, выражает себя через борьбу противоположностей, а не как-нибудь иначе. Гармония, по Гераклиту, – это движение от беспорядочного к упорядоченному, происходящее на основе борьбы противоположностей.

Что касается вклада их ближайших последователей, других приверженцев идеи гармонии, то положительная роль последних состоит в поддержке пифагоровско-гераклитовской идеи гармонии, распространившейся не только на сильные, но, к сожалению, иногда и на слабые ее стороны. Так ученик Ксенофана и Пифагора Эмпедокл стремился как можно ярче выразить мысль Пифагора о связи шаровидности и гармонии. В своей поэме «О природе» Эмпедокл говорит так: «под плотным покровом Гармонии, там утвердился Шару подобный, покоем гордящийся Сферос»⁶⁷². Сферос у Эмпедокла есть воплощенная гармония, представляющая собой итог длительной эволюции. Гармония и хаос – полярные противоположности, переходящие друг в друга в зависимости от того, преобладает ли во Вселенной Любовь или верх одерживает Раздор. Хотя здесь борьба противоположностей выступает основой гармонии, тем не менее не всякие противоречия ведут к гармонии. «Из смешенья стихий бесконечные сонмы созданий в образах многообразных и дивных на вид происходят. К крайним пределам Раздор отступил при их единеньи»⁶⁷³. В этом же произведении Эмпедокл ставит вопрос о принципе, на основе которого разрозненное преобразуется в «единое целое». «Все они – солнце, земля, необъятное небо и море – все стремятся равно к единению всеми частями, сколько бы их не отпрянуло в тленных вещей зароженьи. Так равно и все те, что более склонны к смешенью, страстью взаимной пылают, по воле самой Афродиты. Те же, что сильно враждебны, взаимно с собой разногласят свойствами, способом смеси и формы своей отпечатком: купно сойтись неспособны они, и властвует ими беспрекословно Раздор, такую им давший природу»⁶⁷⁴.

Основой круговращения здесь признается борьба, борьба двух противоположных сил Любви и Раздора, между собой непримиримых, но вследствие ритмического колебания величины присущей им силы, поочередно властвующих во Вселенной.

Гармония, согласно учению Эмпедокла, имеет своим содержанием нечто подобное ритмическому танцу, в котором партнеры – Любовь и Раздор – поочередно создают характерные для каждого из них картины мира. Причем «скрытая», «внутренняя» гармония, гармония борьбы Любви и Раздора, не пропадает от того, что в данный момент в мире воцарился Раздор, поскольку последний не вечен, ему на смену спешит Любовь.

⁶⁷² Лукреций. О природе вещей. Т. II. М., 1947. С. 669.

⁶⁷³ Там же. С. 669.

⁶⁷⁴ Там же. С. 667.

Таким образом, намеченная Гераклитом и Пифагором идея гармонии как определенного мирового порядка в поэме Эмпедокла получила дальнейшее развитие, при этом шар надолго утвердился в качестве наглядного образа гармонии.

К начальному периоду формирования представлений о гармонии относится появление концепции, что носителем гармонии является душа. По свидетельству Макробия, «Пифагор и Филолай сказали, что душа есть гармония»⁶⁷⁵.

Последователь Пифагора Филолай, стремясь развить математический подход к гармонии, вводит понятие гармонической пропорции. «...Пропорция называется гармонической, согласно Филолаю, потому что она соответствует целой геометрической гармонии, геометрической же гармонией называют (следуя Филолаю) куб, потому что устроен одинаково соразмерно по трем измерениям, которые (в нем) одинаково равны. Ибо в целом кубе неупомянутая пропорция отражается как бы в зеркале... В самом деле, число 8 есть среднее 6 и 12 по гармонической пропорции»⁶⁷⁶. Отсюда видно, что еще пифагорейцы стремились сделать представления о гармонии как можно более четкими, ну а когда это им не удавалось, то они не пренебрегали и мистификацией.

Отмечая усилия Филолая яснее выразить свое понимание гармонии, Аристотель писал: «Гармония вообще возникает из противоположностей. Ибо гармония есть соединение разнообразной смеси и согласие разногласного»⁶⁷⁷. И, наконец, еще одно рассуждение Филолая, воспроизведенное Аристотелем: «С природой и гармонией дело обстоит следующим образом... в основе (сущего) лежали эти (два) начала (предел и беспредельное – *В.М.*), которые не подобны и не родственны (между собой), то, очевидно, невозможно было бы образование ими космоса, если бы к ним не присоединилась гармония, каким бы образом она не возникла. В самом деле, подобное и родственное вовсе не нуждалось в гармонии, неподобное, неродственное и различное по количеству необходимо должно было быть соединено такой гармонией, которая была бы в состоянии удерживать их вместе в космосе»⁶⁷⁸. Здесь подчеркнута важная особенность противоположностей – способность создавать новое, более сложное качество.

Итак, Гераклит и Пифагор со своими ближайшими последователями показали, что гармония имеет глубоко диалектическую сущность. Она невозможна и, как пишет Филолай, даже не нужна, когда взаимодействуют подобные и родственные компоненты, но она невозможна также и тогда, когда противоположности оказываются столь далекими друг от друга, что вместе их удержать нельзя. У основателей учения о гармонии не возникает никаких сомнений в реальности гармонических отношений. Носителями гармонии являются, по их мнению, космос, душа человека и даже его тело. Гераклиту принадлежит мысль об относительности гармонии, как и догадка о ее связи с движением, развитием.

В связи с констатацией этих положений, составляющих первоначальный этап в становлении философской идеи гармонии, представляются, по меньшей, странными те суждения о гармонии, в которых она объявляется уже несовместимой с противоречиями. Для столь резкого поворота в понимании гармонии нужны были очень веские основания, которых, как будет показано ниже, никто, однако, не указал.

Говоря о становлении идеи гармонии в античной философии, к которому были причастны и материализм и идеализм, необходимо отметить, что вышеуказанная общность

⁶⁷⁵ *Маковельский А.* Досократики. Ч. III. С. 31.

⁶⁷⁶ Там же.

⁶⁷⁷ Там же. С. 35.

⁶⁷⁸ Там же. С. 34.

взглядов на гармонию, развиваемых материалистической и идеалистической философией, кончается там, где возникает вопрос о внутренних основаниях гармонии. Так, Гераклитом в качестве характерной черты гармонического развития выделяются изменения, происходящие в соответствии с внутренней природой самого явления. Призывы Гераклита «действовать в согласии с природой», разъяснять «вещь согласно её природе» наряду с признанием развития как «самообогащающегося логоса» и утверждением, что «скрытая гармония сильнее явной», свидетельствуют о том, что гармоническое развитие в материалистической трактовке имеет своим источником не внешнее, а внутреннее основание, заключающееся в движении от внутреннего разлада к внутреннему согласию, достигаемому в ходе борьбы («расходящееся с самим собой приходит в согласие, самовосстанавливающуюся гармонию лиры и лука»).

Идеалистическая философия, представленная пифагорейской школой, ограничилась рассмотрением лишь основополагающей роли противоречий в возникновении гармонии и указанием носителей этого свойства, в числе которых была названа душа, не возбуждая при этом вопроса о происхождении и дальнейшей динамике данного явления.

3. ТРАКТОВКА ГАРМОНИИ КАК СОВЕРШЕНСТВА – ПРОГРЕССИВНЫЙ МОМЕНТ В РАЗВИТИИ ИДЕИ ГАРМОНИИ

Было бы преувеличением считать, что сформулированные Гераклитом и Пифагором и поддержанные их учениками представления о гармонии, сразу же получили всеобщее признание и поддержку. Факты показывают, что это не так. Многие выдающиеся философы последующих поколений, в том числе Демокрит, Эпикур, Сократ, хотя и не выступили с критикой идеи гармонии, но и не присоединились к ней. В этих условиях для дальнейшей судьбы складывавшегося учения исключительное значение приобрела та поддержка, которую ему оказали Платон и Аристотель, причем различие в их позициях оказалось столь большим, что фактически с Платона и Аристотеля берут свое начало два пути, два разных подхода к гармонии – тот, что впоследствии перерос в научное осмысление этого явления, и другой – сразу же ставший базой теологии в данной области. Платон и Аристотель не только закрепили философский подход к гармонии, но и раздвоили его.

В русле общих воззрений Платона гармония в подлинном смысле этого слова представляет собой идеал, существующей вне и над миром реальных вещей, гармония – это образец, к которому мир реальных чувственных явлений может лишь в той или иной мере приближаться.

Наиболее отчетливо данные представления Платона изложены им в «Тимее», в форме беседы, в которой участвует Сократ со своими учениками Критием и Тимеем.

Общий смысл этого рассуждения можно определить как попытку раскрыть сущность гармонических отношений между составными частями космоса, который Платон считает не только единственным, но и наиболее совершенным из того, что доступно восприятию. Последней характеристики космос удостоивается на том основании, что он, по мнению Платона, создан в соответствии с идеалом, совершенным образцом.

Исходной субстратной основой для построения Вселенной служили четыре стихии: огонь, вода, воздух и земля. Восприимчива этих стихий – Вселенная – вбирала их в себя не целиком и полностью, а «являла собой как бы сито: то, что наименее сходно между собой, она разбрасывала дальше всего друг от друга, а то, что более всего сходно, просеивала ближе всего друг к другу; таким образом, четыре рода обособлялись в пространстве еще до того, как пришло время родиться устрояемой из них Вселенной. Ранее в них не было ни разума,

ни меры: хотя огонь и вода, земля и воздух являли кое-какие приметы присущей им своеобразности, однако они пребывали всецело в таком состоянии, в котором свойственно находиться всему, до чего еще не коснулся бог. Поэтому последний, приступая к построению космоса, начал с того, что упорядочил эти четыре рода с помощью образов и чисел»⁶⁷⁹.

Важнейшими признаками, указывающими на приближение того или иного явления к гармонии, Платон считает соразмерность частей и целого, а также достигаемую на этой основе согласованность их действий. «Когда могучая и во всех отношениях великая душа, – пишет Платон, – восседает как бы на колеснице слишком слабого и хилого тела, или когда равновесие нарушено в противоположную сторону, живое существо в целом не прекрасно, ибо ему не хватает соразмерности как раз в самом существенном; однако, когда в нем есть эта соразмерность, оно являет собой для каждого, кто умеет видеть, самое прекрасное и отрадное из всех зрелищ. Ведь и тело, в котором либо длина ног, либо величина других членов нарушает меру, не просто безобразно: когда всем его частям приходится работать сообща, оно то и дело подпадает утомлению или судорогам, шатается, падает, оказывается само же для себя причиной нескончаемых бед»⁶⁸⁰.

Платон первым заметил, что движение к образцу достижимо лишь тогда, когда явление, устремляющееся к гармонии, находится в необходимом согласии с окружающим. «Вообще говоря есть только один способ пестовать что бы то ни было: нужно доставлять этому именно то питание и то движение, которые ему подобают. Между тем, если есть движения, обнаруживающие сродство с божественным началом внутри нас, то это мыслительные круговращения Вселенной, им и должен следовать каждый из нас, дабы через усмотрение гармоний и круговоротов мира исправить круговороты в собственной голове, нарушенные уже при рождении, иначе говоря, добиться, чтобы созерцающее, как и требует изначальная его природа, стало подобно созерцаемому, и таким образом стяжать ту совершеннейшую жизнь, которую боги предложили нам как цель на эти и будущие времена»⁶⁸¹.

Конечно, взгляды Платона на гармонию как динамический процесс, по сравнению с трактовкой пифагорейцев, представляют собой определенный шаг вперед: Платон более явным образом сформулировал идею соразмерности, более четко обозначил некоторые признаки дисгармонии, указал на связь гармонического явления со средой. Платон, как и его предшественники, утверждал, что «пропорциональность частей и целого представляет собой “скрепы”, благодаря которым образуются новые промежутки внутри прежних промежутков»⁶⁸², без чего невозможен тот ряд круговращений, который ведет все ближе и ближе к образцу. Но к образцу не может приближаться все, например, тело. Эта возможность присуща лишь душе, поскольку лишь душа «причастна рассуждению и гармонии».

Развивая мысль о символическом образе гармонического, Платон наряду с шаром считает такими символами прямую и треугольник. Стихии, – пишет Платон, – имеют глубину, глубина ограничивается поверхностью, составными частями которой являются треугольники. «Из сложения шести квадратов (каждый из которых, – разъясняет Платон, – состоит из четырех равносторонних прямоугольных треугольников, – В.М.) возникло восемь объемных углов, каждый из которых гармонично охватывается тремя плоскими прямыми

⁶⁷⁹ Платон. Соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1972. С. 496.

⁶⁸⁰ Там же. С. 535.

⁶⁸¹ Там же. С. 539.

⁶⁸² Там же. С. 475.

углами»⁶⁸³. Здесь сущность гармоничности телесного Платоном сводится к некоторому отношению между треугольниками. Отсюда видно, что представления о гармонии чувственного мира, но меткому определению Ленина, сведены к «мистическому вздору»⁶⁸⁴.

У Платона, пользующегося понятием гармонии как интуитивно ясным, речь идет главным образом о том, чему, каким явлениям гармония может быть свойственна, а чему нет, а также о путях, которыми ее можно достигнуть. В числе средств, необходимых для достижения гармонии, Платон называет пропорцию, примером которой он полагает арифметическое равенство произведений средних чисел произведению крайних, а также ритм. В качестве возможного носителя гармонии Платон полагает лишь душу, поскольку только она при определенных условиях может двигаться в направлении к своему идеалу.

И нет ничего удивительного в том, что стремление Платона и других идеалистов рассматривать в качестве носителя гармонии лишь душу, встретила острую критику Аристотеля. В трактате «О душе» Аристотель, говоря о распространенном мнении, будто «душа... есть некая гармония», рассуждает далее так: «гармония же есть смешение и сочетание противоположностей; из противоположностей составлено и тело. Однако, гармония есть определенное соотношение смешанных частей, душа же не может быть ни тем, ни другим»⁶⁸⁵.

Согласно Аристотелю, тот, кто полагает гармонию в определенном соотношении смешанных частей, точнее в смешении и сочетании противоположностей, тот, чтобы быть последовательным, должен с необходимостью признать пригодным для гармонии не душу, а тело, поскольку «говорить о гармонии подобает больше в отношении здоровья и вообще в отношении превосходных телесных свойств, нежели в отношении души. Это станет совершенно очевидным, если попытаться свести состояния и действия души к некоторой гармонии, ибо трудно согласовать их»⁶⁸⁶.

Согласование противоположностей, по Аристотелю, является обязательным условием гармонии, а коль скоро состояния и действия души представляются трудносогласуемыми, то, следовательно, душа не относится к миру гармонических явлений. «Гармония в собственном смысле, – писал Аристотель, – есть сочетание величин, которым свойственны движение и положение, когда они так прилажены друг к другу, что больше уже не могут принять ничего однородного; во-вторых, гармония есть соотношение частей, составляющих смесь. Так вот нет никаких разумных оснований приложить какое-либо из этих значений к душе... Таким образом, ... душа не может быть ни гармонией, ни совершать круговращения...»⁶⁸⁷.

Негативно решая вопрос о гармонии души, Аристотель не удовлетворился однозначностью этого своего ответа, но пошел дальше.

Понятие гармонии призвано охватить собой, с одной стороны, характеристики входящих в сложное компонентов, из которых каждый должен быть вполне индивидуальным, т.е. иметь движение и положение, с другой стороны – характеристику целого, отражающую, как уже упоминавшуюся согласованность, взаимную совместимость входящих элементов, так и необходимое и достаточное их количество.

Аристотель неоднократно обращался к вопросу о соотношении элементов, под которым он понимал нечто их скрепляющее, «Можно было бы поставить вопрос: что же

⁶⁸³ Там же. С. 497.

⁶⁸⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 254.

⁶⁸⁵ Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 1. С. 497.

⁶⁸⁶ Там же. С. 384.

⁶⁸⁷ Там же. С. 384–385.

объединяет эти элементы? Ведь элементы подобны материи, а самое главное есть то, что их скрепляет, каково бы оно ни было»⁶⁸⁸.

Поставив вопрос таким образом, Аристотель тем самым предвосхитил широко теперь известную проблему структуры. Обозначив не названную им по имени «структуру» как «нечто», Аристотель отметил что, если это нечто в свою очередь сложно, «если же оно имеет части, то опять необходимо доискиваться, что такое то, что скрепляет его, и так далее до бесконечности»⁶⁸⁹.

Подчеркнув принципиальное значение правильного решения проблемы соотношения различных элементов системы для понимания гармонии, Аристотель вместе с тем предупреждает о недопустимости поверхностных, не основанных на всестороннем изучении данного явления решений. Так, по его мнению, нельзя какой-либо из единичных признаков гармонии, например, то или иное число, например, десять, или семь, как и какое-то конкретное отношение брать за определяющий признак гармонии вообще. «Есть семь гласных, гармонию дают семь струн, Плеяд имеется семь, семи лет животные меняют зубы... Эти философы (здесь Аристотель имеет в виду тех философов, которые упрощали проблему соотношения элементов гармоничного целого путем указания некоторого его конкретного значения – *В.М.*), напоминают древних подражателей Гомера, которые мелкие сходства видели, а больших не замечали»⁶⁹⁰. Положение не меняется от того, что вместо одного несущественного признака указывается несколько таких. Продолжая об этом свою мысль, Аристотель пишет: «Некоторые говорят, что таких сходств много, например: ... расстояние в алфавите от альфы до омеги равно расстоянию от самого низкого звука в флейтах до самого высокого, причем у этих последних число равно всей совокупной гармонии небес. И можно сказать, что никому бы не доставило затруднений указывать и выискивать такие сходства у вечных вещей, раз они имеются и у вещей преходящих»⁶⁹¹.

В связи с вопросом о существенных признаках гармонии Аристотель не мог не прийти к мысли о ее причине. За прошлые двести лет развития учения о гармонии, предшествовавшие появлению соответствующих идей Аристотеля, в представлениях о гармонии накопилось немало внутренне противоречивого и даже совершенно произвольного. Именно таким противоречивым, а то и произвольным представлялось Аристотелю учение пифагорейцев о числах – эйдосах как основополагающей причине гармонии.

В критическом разборе взглядов своих предшественников Аристотель уделил особенно много внимания анализу соответствующих высказываний пифагорейцев, Эмпедокла и Платона. Он категорически возражает против пифагорейских представлений о числах как началах бытия, в том числе и бытия гармонии. «Числа – эйдосы не составляют причины для гармонического и тому подобного...»⁶⁹². Необоснованность принадлежащего пифагорейцам допущения о числах как первопричине гармонии Аристотель видит в том, «что объяснить возникновение чисел столь мучительно и что свести концы с концами здесь невозможно свидетельствует, по-видимому, о том, что математические предметы, вопреки

⁶⁸⁸ Там же. С. 390.

⁶⁸⁹ Там же. С. 392.

⁶⁹⁰ Там же. С. 366.

⁶⁹¹ Там же. С. 366.

⁶⁹² Там же. С. 367.

утверждениям некоторых, нельзя отделять от чувственно воспринимаемых вещей и что они не начала этих вещей»⁶⁹³.

Но какой выход видит здесь сам Аристотель? Гармоничной, по Аристотелю, вещь становится отнюдь не благодаря мистической силе числа, а в силу её собственной природы. «Как делается каждая вещь, такова она и есть по своей природе, и какова она по своей природе, так и делается, если ничто не будет мешать»⁶⁹⁴. Таким образом, природа вещи представляет собой не что иное, как процесс её формирования. И, если этот процесс происходит без внешних помех, то вещь имеет много возможностей оказаться в числе гармоничных. Свою мысль Аристотель пояснял таким примером. «Если бы дом был из числа природных предметов, он возникал бы так же, как теперь делается искусством; если же природные тела возникали бы не только природным путем, но и путем искусства, они возникали бы соответственно своему природному бытию... Вообще же искусство часто завершает то, что природа не в состоянии сделать, частью подражает ей»⁶⁹⁵.

К этому весьма важному для понимания гармонии положению Аристотеля присоединяется его высказывание о том, что существенной особенностью движения от хаоса к порядку и гармонии является обстоятельство, при котором «последующее и предыдущее и в искусственных и в природных произведениях одинаковым образом относятся друг к другу... Ошибки, – поясняет свою мысль Аристотель, – бывают и в произведениях искусства: неправильно написал грамматик, неправильно врач составил лекарство; отсюда ясно, что они могут быть и в произведениях искусства, в которых “ради чего” (“ради чего” у Аристотеля обозначает причину как цель – *В.М.*) достигается правильно, а в ошибочных “ради чего” намечается, но не достигается, то это самое имеется и в произведениях природы и уродства – суть ошибки в отношении такого же “ради чего”»⁶⁹⁶.

Конечно, установка Аристотеля в его поисках причины гармонии одних явлений и отсутствия таковой, «ошибок природы», уродств у других явлений с помощью вопроса «ради чего» есть либо чисто теологический подход к проблеме, либо самая обыкновенная подмена одного неясного положения другим, столь же неясным.

Однако, в данном случае представляется важным акцентировать внимание не на идеалистических отклонениях, а на том, имеющем непреходящую ценность вкладе Аристотеля в учение о гармонии, который представляет собой фундамент для современных научных способов её изучения. «Идеализм Аристотеля, – писал Ленин, – ...в натурфилософии чаще = материализму»⁶⁹⁷.

С учетом этой оценки необходимо рассматривать и сформулированное Аристотелем положение, согласно которому понять сущность, природу гармонии как мира в целом, так и отдельных его частей вне связи с развитием невозможно. «Необходимо, – писал он, – чтобы все гармонично устроенное возникало из неустроенного и неустроенное из гармонично устроенного и чтобы гармонично устроенное исчезало в неустройстве, притом не в любом случайном, а в противоположном. Безразлично, говорить ли о гармоничном устройстве, порядке или составе; очевидно, что рассуждение одно и то же. Но ведь подобным образом возникает и дом, и статуя и иное прочее; именно дом возникает из предметов, которые были не сложены, а разделены известным образом, а статуи и прочие оформленные предметы – из

⁶⁹³ Там же.

⁶⁹⁴ *Аристотель*. Физика. М., 1936. С. 36.

⁶⁹⁵ Там же. С. 36.

⁶⁹⁶ Там же. С. 37.

⁶⁹⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 255.

бесформенного состояния, и каждый из этих предметов представляет известный порядок или соединение. Итак, если это правильно, то все возникающее будет возникать, а все исчезающее исчезать или из противоположного, или в противоположное, или в промежуточное между ними»⁶⁹⁸.

Отметим, что когда Аристотель говорит о гармоничном устройстве, порядке, составе, то он дает понять, что сами по себе указанные явления (отношения) не тождественны, но что принцип подхода к их пониманию одинаков, поскольку каждое из них может быть понято лишь через движение в свою противоположность, т.е. через развитие, включающее не только стадии возникновения и исчезновения, а также и промежуточные между ними стадии.

Аристотель не ограничился выводом о причастности гармонии к развитию, а первым вплотную подошел к вопросу о специфических чертах того развития, которое может рассматриваться как гармоническое. «Первый вид изменений – это перемещение, а первый вид перемещения – круговое движение. Круговое же движение вызывается первым движущим. Следовательно, первое движущее есть необходимо сущее; и поскольку оно необходимо сущее, оно существует надлежащим образом, и в этом смысле оно начало. (А необходимое, – разъясняет свою мысль Аристотель, – имеет вот сколько значений. Во-первых, нечто необходимо по принуждению, вопреки собственному стремлению; во-вторых, необходимо то, без чего нет блага; в-третьих, то, что иначе существовать не может, а существует единственным образом)»⁶⁹⁹. Учитывая всю совокупность взглядов Аристотеля относительно гармонии, можно заключить, что гармония как форма необходимого имеет своим началом внутренний источник, заключенный в тех сущностях, иерархия которых образует, по его мнению, мировой порядок.

Подводя некоторые итоги развития взглядов на гармонию в древней Греции, необходимо отметить следующее.

Значение взглядов Платона и Аристотеля, разумеется, не исчерпывается принадлежащей им заслугой закрепления вопроса о гармонии как одной из важнейших проблем философии. Эта роль состоит еще и в том большом влиянии, которое оказали их идеи на философов и естествоиспытателей последующих эпох.

Как бы ни складывался дальнейший теоретический путь этого учения, остается неоспоримым, что свое начало он нашел в трудах древнегреческих философов. Именно Пифагор и Гераклит, а вслед за ними Эмпедокл и Филолай, Платон и Аристотель заложили основы того понимания гармонии, которое в своих основных чертах сохраняет значение и в наше время.

Сформулированная Гераклитом идея, что отношения, характеризуемые противоречивостью, могут вести как к хаосу, так и к гармонии, и поныне не утратила актуальности. Такого рода дифференциация позволила Аристотелю сделать вывод, что хотя в мире разнообразие простирается до таких полярных противоположностей, как хаос и гармония, тем не менее между этими крайними состояниями непроходимой грани нет, ибо гармоничное возникает из негармоничного.

В силу большого мировоззренческого значения идея гармонии не могла не стать сферой острой борьбы между материализмом и идеализмом, о чем свидетельствует противоположность взглядов Гераклита и Эмпедокла, с одной стороны, Пифагора и Платона – с другой – относительно того, чем является гармония – свойством ли материальных

⁶⁹⁸ Аристотель. Физика. С. 14.

⁶⁹⁹ Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 1. С. 310.

явлений, или чем-то трансцендентным, неким идеальным образцом, не имеющим аналога в посястороннем мире.

ГЛАВА ВТОРАЯ. КРИЗИС УЧЕНИЯ О ГАРМОНИИ

1. ОТХОД ОТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ГАРМОНИИ – ВЫРАЖЕНИЕ КРИЗИСА ИДЕИ ГАРМОНИИ

Теоретические представления о гармонии, сложившиеся в древнегреческой философии, долгое время служили базой самых разных подходов к ее пониманию.

Важность достигнутых тогда результатов можно правильно оценить, сопоставив их с тем положением, в котором оказалось учение о гармонии в последующую эпоху. Перипатетики и стоики, христианские теологи и даже представители только что начавшей отпочковываться от философии науки, не только не приумножили достижений своих предшественников в области развития теоретической мысли о гармонии, но и, что особенно кажется удивительным, значительно сузили круг и снизили глубину вопросов, традиционно рассматривавшихся в учении о гармонии.

Причин такого положения, которое складывалось у данного учения, не мало. Но в первую очередь следует указать на недостаточно ясное понимание вопроса о связи гармонии и противоречий, о чем выше уже говорилось.

Противоречия самой жизни были налицо: тут и обострившийся в условиях кризиса рабовладения интерес к социальной свободе, столкнувшийся с большими трудностями ее практического достижения в условиях того времени; здесь же и противоречие между осознавшейся потребностью теоретического решения проблемы гармонии и становящейся очевидной непосильностью этой задачи для тогдашней науки. Даже сближение проблемы гармонии с проблемой развития не столько содействовало тогда дальнейшему прогрессу данного учения, сколько затрудняло этот прогресс, поскольку в условиях весьма недостаточной разработки теории развития, мысли о гармонии стали представляться беспочвенными, появились даже сомнения в реальности явления, именуемого гармонией.

Отсюда становится понятным, почему после Аристотеля идея гармонии, хотя и не исчезла полностью из поля зрения философов и естествоиспытателей, но на протяжении многих веков уже не поднималась на ту высоту, на которую её некогда поставили основатели учения – классики древнегреческой философской мысли.

На рубеже двух эпох – дохристианского и христианского летоисчисления, ознаменовавшемся восстаниями рабов, борьбой за утверждение христианства, усилением интереса к положению человека в мире, вопрос о гармонии стал все более смыкаться с вопросом человеческой судьбы. Но и в этих условиях интерес к гармонии как общему миропорядку, ограниченный вышеназванными факторами, полностью все-таки не был утрачен. В эту трудную для науки пору учение о гармонии продолжало свое существование преимущественно в рамках схоластических и теологических концепций мирового порядка.

Так, ранние стоики (Хрисипп, Посидоний и др.), скорее отдавая больше дань традиции, чем развивая соответствующие воззрения, согласились, что «существует... лишь одно мироздание, ограниченное, имеющее шарообразную форму... В мироздании нет пустоты, оно едино; к этому выводу неизбежно приводит согласие и связь небесного и

земного»⁷⁰⁰. По мнению Хрисиппа, «мироздание – это совокупность неба, земли и находящихся на них созданий, или совокупность богов, людей и тех, кто от них родился. Мироздание – божество, от которого возникает и достигает законченности миропорядок»⁷⁰¹. Здесь, как видим, понятие «гармония» уже заменено понятием «миропорядок». Стоики, в свою очередь, продолжившие изучение гармонии, сосредоточились преимущественно на проблеме гармонической жизни человека, переключившись на анализ смысла понятия «счастье», тождественного в рамках указанной проблемы понятию гармонии⁷⁰². Здесь прежде всего надо отметить углубление представлений о связи единства и многообразия. «Все возникает из всего, – писал Сенека, – из воды воздух; из воздуха вода; огонь из воздуха; из огня воздух. Почему, следовательно, не возникает земле из воды и из земли воде? Если земля может превращаться в другие элементы, то она может превращаться и в воду; скорее всего именно в неё; оба этих элемента родственны друг другу: оба тяжелы, оба плотны, оба отнесены в низшую область мира...»⁷⁰³. Отсюда видно, что основой единства многообразия Сенека считает родство («оба тяжелы, оба плотны» и т.д.), благодаря которому оказывается возможным и сам переход одного в другое и наоборот. Но такого рода единство выступает лишь предпосылкой гармонии. «По учению стоиков, – пишет Сенека, – в создании вещей участвуют два элемента: материя и причина. Материя инертна, способна принимать любую форму и мертва, пока ничто не приводит её в движение. Причина же, или разум, придает материи форму, дает ей по своему усмотрению то или другое назначение и производит из нее различные вещи»⁷⁰⁴. Таким образом, всё материальное может оказаться гармоничным, а может и не стать таковым, поскольку все зависит от предписанной ему судьбы. «Закон судьбы совершает свое право... ничья мольба его не трогает, ни страдания не сломят его, ни милость. Он идет своим невозвратным путем, предначертанное вытекает из судьбы»⁷⁰⁵.

Смысл гармонии мира, согласно Сенеке, состоит в единстве природы и человека. «Вселенная, которую видишь, обнимающая весь божественный и человеческий мир, образует единство: мы – члены единого тела. Природа создала нас родными друг другу, поскольку она сотворила нас из одной и той же материи для одних и тех же целей»⁷⁰⁶. Отсюда и «общее правило всех стоиков: “живи сообразно с природой вещей”... жизнь счастлива, если она согласуется со своей природой... Вместо удовольствий... и вредных наслаждений наступает сильная, неомрачимая и постоянная радость, мир и гармония духа, величие, соединенное с кротостью»⁷⁰⁷. Конечно, и в ту пору подобные призывы к гармонии слова и дела – чаще всего не выходили за пределы риторики⁷⁰⁸.

⁷⁰⁰ Антология мировой философии. Т. 1. С. 483.

⁷⁰¹ Там же. С. 486.

⁷⁰² «Еще Демократ и Платон, – отмечал Стобей, – определяют счастье, называя его “хорошим расположением духа, благосостоянием, гармонией, симметрией и невозмутимостью (духа). Возникает же оно (счастье) из (правильного) разграничения и различения удовольствий и оно есть самое прекрасное и самое полезное для людей» (Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты. Баку, 1946. С. 310).

⁷⁰³ Древнеримские мыслители. Киев, 1958. С. 79.

⁷⁰⁴ Там же.

⁷⁰⁵ Там же. С. 80.

⁷⁰⁶ Там же.

⁷⁰⁷ Древнеримские мыслители. С. 80.

⁷⁰⁸ «Мне говорят, писал Сенека, – что моя жизнь не согласна с моим учением. В этом в свое время упрекали и Платона, и Эпикура, и Зенона. Все философы говорят не о том, как они сами живут, но как надо жить. Я говорю о добродетели, а не о себе, и веду борьбу с пороками, в том числе и со

После стоиков свое дальнейшее существование идея гармонии продолжает преимущественно в рамках религиозного миропонимания. Так, согласно «Толкованию семи книг Филона Александрийского», принадлежащему армянскому философу Иоанну Саркавагу, в эклектической философии Филона, соединявшей в себе элементы пифагорейства, платонизма, стоицизма и зарождавшегося христианства, можно встретить следующие рассуждения о гармонии: «Четыре стихии – огонь, воздух, вода и земля – хотя и противоположны друг другу, однако из них возник этот мир. Природа каждой вещи представляет собой гармонию противоположностей, подобно струнам арфы, у которой высокие и низкие тоны, сочетаясь, рождают благозвучие.

Стихии возникают друг от друга, как, например, от кипения воды и гаснущего огня возникает воздух: точно также вода, сгущаясь, превращается в землю, и т.д. Каждая стихия движется согласно своей природе: легкая стремится кверху, а тяжелая – книзу»⁷⁰⁹. Отсюда видно, что основное содержание сложившихся еще в античную эпоху представлений о гармонии продолжало сохраняться даже в противоречивых учениях философов и теологов первого века нового летоисчисления.

Важную роль в судьбе учения о гармонии сыграла позиция Клавдия Птолемея. Автор геоцентрической системы мира, ученый, авторитет которого оставался непоколебимым в течение многих столетий, в своем основном сочинении «Великое математическое построение астрономии в 13 книгах» счел необходимым особо остановиться на проблеме гармонии. Его трактат «О гармонии», как свидетельствует Роджер Бэкон, содействовал тому, что впоследствии учение о гармонии стало рассматриваться в качестве важной части математической науки.

Птоломей, как и философы-стоики, не пошел в понимании гармонии дальше классиков древнегреческой философии. Исходя из представления о гармонии как о деятельной причине, создающей из инертной материи определенный мировой порядок, Птоломей не мало содействовал тому, что в течение длительного времени поддерживался интерес к гармонии не только со стороны философов, но также и со стороны естествоиспытателей. Учение Птолемея «отражало большое число фактов относительно движения Солнца, Луны и планет и обеспечивало теоретические методы его предсказания; но в его рамках сохранялось представление о том, что Земля пребывает в покое, а звезды вращаются вокруг неё на неизмеримых расстояниях. Их орбиты представлялись как окружности или эпициклы... и считались прикрепленными к хрустальным сферам, которые, вложенные одна в другую, и образовывали небо»⁷¹⁰.

Как известно, «гармония хрустальных сфер», будучи исторически первой моделью Вселенной в естествознании, просуществовала вплоть до XVII в., когда сокрушающий удар ей вслед за Коперником нанесли Декарт и Ньютон, Спиноза и Лейбниц. Но прежде, чем это произошло, учение о гармонии испытало на себе противоречивое влияние философов и ученых Средневековья, позиции которых были весьма различными.

своими собственными: когда смогу, буду жить, как должно. Ведь, если бы я жил вполне согласно моему учению, кто бы был счастливее меня...

Про меня говорят: “Зачем он, любя философию, остается богатым, зачем он учит, что следует презирать богатство, а сам их накапливает? Презирает жизнь – и живет? Презирает болезни, а между тем очень заботиться о сохранении здоровья? Называет изгнание пустяком, однако, если ему только удастся – состарится и умрет на родине?» (*Seneca L.A. De vita beata, XVIII, I, XXI, 2*).

⁷⁰⁹ Антология мировой философии. Т. I, ч. 2. С. 645.

⁷¹⁰ Борн М. Эйнштейновская теория относительности. М., 1972. С. 19.

Философская мысль Средних веков, неоднородная по своему идеологическому и методологическому характеру, не была единой и в своем отношении к античному учению о гармонии. Три основных течения средневековой мысли - теология, схоластика и зарождающаяся наука – по-разному воспринимали и саму действительность и те представления о ней, которые уже сложились к тому времени. Новая, и прежде всего научная мысль должна была пробивать себе дорогу в условиях, когда еретиком признавался не только тот, кто «имел ложное мнение, но и тот, кто высказывал новые мысли». Это обстоятельство ставило труднопреодолимые препятствия дальнейшему развитию теоретических представлений о гармонии. Тем не менее и в этих условиях учение о гармонии, не будучи особенно популярным, однако продолжало жить, правда, то отступая назад, то медленно продвигаясь вперед.

2. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОДМЕНЫ ИДЕИ «ГАРМОНИИ МИРА» ДОГМОЙ «ГАРМОНИИ БОГА»

Сенека и другие стоики, а вместе с ними и Птоломей, допустив существенный отход от классических представлений о гармонии, не сумели компенсировать причиненный учению урон, чем заметно ослабили его перед лицом новых испытаний, исходивших от теологии, пытавшейся поставить идею гармонии на службу религии. В средние века теология выступала в виде «...наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»⁷¹¹, – была той осью, вокруг которой концентрировались теоретические и художественные представления о гармонии. Схоластика и богословие, искусство и наука применительно к проблеме гармонии располагали тогда лишь одной возможностью, – исходя из догматического принципа абсолютной гармонии бога, – дискутировать о приложимости понятия гармонии к его творениям.

Центральными проблемами учения о гармонии средневековые мыслители считали не столько изучение гармонии как явления, сколько теологический вопрос о гармонии отношений между душой и телом, верой и разумом. Одну из первых попыток синтеза сложившихся в Древнегреческой философии представлений о гармонии с теологическими концепциями мирового порядка раннего Средневековья предпринял Климент Александрийский.

Климент исходил из идеи гармонии как дополнительности сторон целого. В этом плане он полагал, что нет знания без веры и веры без знания. «Полная гармония их требует изучения всего круга человеческих знаний: семи свободных искусств»⁷¹².

Однако стороны в рамках так понятой дополнительности не считались равноправными, поскольку вера полагалась непосредственным выражением истины бога, а знания – результатом усилий человека, изучающего «семь свободных искусств». «Логос – сын божий – есть премудрость, истина, идея, мысль божия. Через логос бог сотворил мир и управляет им»⁷¹³. Логос, согласно Клименту, неравноправен вере, хотя и то и другое «как бы две ветви одного и того же ствола», а это означает, что сама гармония принимает в этой теологической интерпретации явно ущербный вид.

⁷¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 361.

⁷¹² История философии. Т. 1. М., 1940. С. 389.

⁷¹³ Там же. С. 389.

Теологическая трактовка гармонии содержит и другие искажения сложившегося смысла понятия гармонии. Так, согласно Блаженному Августину, «в красоте и гармонии необходимы и все земные и загробные мучения людей, отверженных божественным произволом»⁷¹⁴. Разъяснение этой мысли можно найти в следующем рассуждении Августина. «...мы уже достаточно сделали для решения великих и весьма трудных вопросов о начале мира, души и самого человеческого рода. Последний мы разделили на два разряда: один – тех людей, которые живут по человеку, другой – тех, которые живут по богу. Эти разряды мы символически назвали двумя градами, т.е. двумя обществами людей, из которых одному предназначено вечно царствовать с богом, а другому подвергнуться вечному наказанию с дьяволом»⁷¹⁵. Такое мироустройство и выражает собой, согласно Августину, гармонию мира.

Вместе с тем необходимо отметить, что, хотя теология раннего Средневековья воспроизводила в своих концепциях античное учение о гармонии в урезанном, и в деформированном виде, все же её несомненной заслугой следует признать то, что основы данного учения, пусть даже в теологической форме, удалось сохранить. Наличие такой основы позволяло, добываемые по мере развития теоретических представлений о мире и человеке, в особенности по мере развития науки, знания использовать в интересах решения проблемы гармонии.

С еще большим основанием можно говорить о положительной роли ранней схоластики в деле предотвращения полной утраты результатов изучения гармонии. Так, один из неоплатоников Прокл Диадок в трактате «Первоосновы теологии», произведении больше спекулятивно-теоретическом, чем теологическом, делает уже определенный шаг вперед в признании роли научного подхода к проблеме гармонии. «В изучении природы, – пишет он, – математика (“математика” в ту эпоху означала “наука”, – *В.М.*) вносит величайший вклад тем, что позволяет обнаружить стройную систему идей, в соответствии с которыми построена Вселенная... и представить простые элементы, на которых зиждутся небеса, принимающие в различных частях соответствующие формы, во всем их гармоническом и соразмерном единстве»⁷¹⁶.

Эта мысль Прокла интересна не только как одно из наиболее ранних признаний важной роли науки в изучении гармонии (не случайно Кеплер сделал приведенную выше фразу эпиграфом своей «Гармонии мира»), она интересна еще и тем, что в ней подчеркнута основополагающая роль принципа единства в понимании гармонии.

Толкованию смысла данного принципа Прокл уделяет особое внимание, объединяя одним названием, по-существу, два различных вида этого отношения. «Всякое множество тем или иным образом причастно единому. Все причастное единому и едино, и не едино. Все становящееся едино, в силу причастности единому. Все объединенное отлично от того, что едино само по себе»⁷¹⁷. В этих тезисах показывается, что единство множества обусловлено некоторой общностью составляющих его компонентов и поскольку практически такая общность свойственна всякому множеству, то признание этого положения служит предпосылкой утверждения об универсальном характере гармонии, в основе которой находятся соразмерность и единство.

⁷¹⁴ Там же. С. 395.

⁷¹⁵ Антология мировой философии. Т. I. С. 603.

⁷¹⁶ Там же. С. 555.

⁷¹⁷ Там же.

А.Ф. Лосев указывает, что Прокл, опираясь на свой триадический метод, вывел также положение о единстве сменяющих друг друга состояний множества, утверждая последовательность трех моментов: «1) Пребывание в себе, причина, неделимое единство, наличие, отчее начало, потенция; 2) выступление из себя, эманация за свои пределы, причинение или действие на иное в виде причины, переход единства во множество, начало делимости, материнское начало, энергия; 3) возвращение из инобытия обратно в себя, возведение расторгнутого множества в неделимое расчлененное единство, эйдос или единократная (т.е. структурная) сущность»⁷¹⁸. Отсюда видно, что триада Прокла не только по названию созвучна триаде Гегеля, призванной выразить динамику развития.

Таким образом, благодаря схоластике раннего Средневековья не утраченные тогда античные представления о гармонии сохранили возможность для дальнейшего развития. Схоластика, истоки которой восходят к античной философии, на протяжении многих веков фактически занималась одной проблемой – строила мост между верой и знанием, религией и философией, придерживаясь при этом явно или неявно формулы Дамиани: «философия есть служанка богословия». Без учета этих обстоятельств было бы трудно понять дальнейший путь учения о гармонии и, в частности, трудно было бы оценить ту роль, которую сыграл в его развитии Фома Аквинский.

По мнению представителей неотомистской философии, схоластика, в лице Фомы, «объективно, ясно и широко признав права разума как бога и откровения», считает своей исторической заслугой «гармоническое разрешение проблемы веры и знания»⁷¹⁹. Правда, сам Фома не часто пользуется понятием «гармония», но там, где об этом все-таки шла речь, как правило, имелось в виду, что им гармония понимается как акциденция бога. Так, разбирая рассуждение Дионисия, Фома заметил: «Как можно заключить из слов Дионисия... в понятие прекрасного или красоты входят ясность и должная пропорция. Ибо он говорил, что бог именуется прекрасным как причина мировой гармонии и ясности. Вот почему красота тела заключается в том, что у человека члены тела хорошо пропорционированы, вместе с тем имея ясность должного цвета. Равным образом и духовная красота заключается в том, что поведение человека или его действие хорошо соразмерно с духовной ясностью разума»⁷²⁰. Отсюда видно, что, согласно Фоме, бог и гармония связаны между собой так, как связаны причина и следствие. Данная трактовка, принадлежащая Дионисию, была для Фомы основой его собственного понимания гармонии. Красота, совершенство, благо, о которых много говорится в его сочинениях, выступают у него в качестве конкретных форм гармонии, ибо и красота, и совершенство, и благо есть лишь следствия первопричины, т.е. бога.

Роль бога как первопричины гармонии предполагалась даже и тогда, когда Фома говорил, что «из движения звезд возникает некая гармония, т.е. согласованное звучание»⁷²¹. Поскольку «бытие божие, коль скоро оно не является самоочевидным, должно быть нам доказано через свои, доступные нашему познанию следствия... первый и наиболее очевидный путь (такого доказательства, – В.М.) – говорит Фома, – исходит из понятия движения. Второй путь исходит из понятия производящей причины... Третий – из понятия возможности и необходимости, а четвертый путь исходит из различных степеней, которые обнаруживаются в вещах, пятый путь исходит из распорядка природы»⁷²².

⁷¹⁸ Лосев А.Ф. Прокл // БСЭ. 3-е изд. Т. 21. С. 66.

⁷¹⁹ Jansen V. Die Geschichti der Erkenntnislihr in neueren Philosophie dis Kant. Paderborn, 1940. S. 127.

⁷²⁰ История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. I. М., 1962. С. 290–291.

⁷²¹ Цит. по: Шестаков В.П. Гармония как эстетическая категория. С. 82.

⁷²² Фома Аквинский. Теология и наука // Боргош Ю. Фома Аквинский. М., 1975. С. 145–148.

Выводы о том, что все пять путей (имеются в виду пути логического следования) ведут с необходимостью опять-таки к логическому выводу о бытии бога, наиболее ярким образом характеризуют само существо схоластического миропонимания, представляя собой, по меткому выражению Маркса, «пустые тавтологии».

Фома постоянно подчеркивает, что его взгляды на совершенство как специфическую форму гармонии находятся в полном согласии с соответствующими представлениями Аристотеля. И действительно, Фома как философ широко использует аристотелевское учение о материи и форме, потенциальном и актуальном, целесообразности, соразмерности, совершенстве, благе, добре и т.д., довольствуясь при этом скромной ролью эпигона. Но там, где Фома выступает как представитель собственно теологии, он решительно претендует на роль провозвестника.

В заслуги Фомы его последователи ставят ему якобы достигнутое «гармоническое разрешение проблемы веры и знания». Конечно, с позиции человека, верящего в бытие бога, философия Фомы может быть и есть не что иное, как гармоническое разрешение проблемы веры и знания. Но поскольку такая «гармония» зиждется на произвольном допущении реальности бога, потому в действительности любая ее трактовка оказывается лишенной научного смысла.

Сам Фома представляет себе гармонию отношений между верой и знанием, представителями которых выступают у него соответственно теология и философия, следующим образом: «Эта наука (теология), – пишет Фома, – может взять нечто от философских дисциплин, но не потому, что испытывает в этом необходимость, а лишь ради большей доходчивости преподаваемых ею положений. Ведь основоположения свои она заимствует не от других наук, но непосредственно от бога через откровение. Притом же она не следует другим наукам, как высшим по отношению к ней, но прибегает к ним, как к подчиненным ей служанкам... и само то обстоятельство, что она все-таки прибегает к ним, проистекает не от ее недостаточности или неполноты, но лишь от недостаточности нашей способности понимания: последнюю легче вести от тех предметов, которые открыты естественному разуму, источнику прочих наук, к тем предметам, которые превыше разума и о которых трактует наша наука»⁷²³. Выходит, что гармония, согласно взглядам Фомы, не означает какого-либо равноправия или взаимодополнительности сторон, а есть некий иерархический порядок, который зиждется исключительно на отношении господства и подчинения.

Сознавая уязвимость такого понимания гармонии, несогласующегося с традиционным представлением о ней, Фома обычно избегал называть отношения в рамках описываемого им иерархического миропорядка гармонией, что, однако, несколько не меняло сути дела. «Гармония между верой и разумом в томистском понимании, – пишет В.И. Гараджа, – означает безусловно подчинение разума религиозной вере. Фома Аквинский не может, конечно, преодолеть действительное и неустранимое противоречие между верой и знанием; иллюзия кажущегося снятия или преодоления этого противоречия основывается на том, что функции разума в конечном счете сводятся к обоснованию религиозных догм»⁷²⁴.

Чтобы иметь более полное представление о том, как Фома представлял себе «гармонический» миропорядок, необходимо обратиться к тем его трактовкам, в которых рассматриваются отношения между компонентами других целостностей.

⁷²³ Боргош Ю. Фома Аквинский. С. 168.

⁷²⁴ Гараджа Р.И. Проблемы веры и знания в томизме // Вопросы философии. 1963. № 9. С. 97.

Надо отметить, что принадлежащая Фоме «Метафизическая теория бытия и теория познания» кажется достаточно цельной, поскольку в рамках развиваемого им теологического миропонимания мировоззренческий и методологический аспекты данного трактата дополняют друг друга. Так, подобно тому, как и части, относящейся к теории познания, в рассматриваемой паре «вера–разум» примат безоговорочно приписывается вере, такое неравноправие сохраняется и в онтологии Фомы, в которой анализируются отношения между «миром вечных вещей» и «миром вещей бранных, преходящих». В обоих случаях основанием для гармонии между различными мирами Фома полагает дополнительность сторон целого.

В гносеологии Фомы «истины веры» и «истины разума» не могут заменить друг друга, поскольку пути постижения их различны, источником первых является откровение, источником вторых – познание сотворённого мира. «Основанием для принятия истин разума служит их внутренняя убедительность, а для принятия истин веры – авторитет возвестившего их бога. Знание есть область истин очевидных и доказуемых, вера – неочевидных и недоказуемых. Согласие с истинами разума оказывается логической необходимостью, принятие же истин веры является актом свободной воли. Это означает, – подчеркивает Фома, – что один и тот же человек и может знать нечто и верить в это же: в тот момент, когда внутреннее убеждение заставляет разум принять нечто в качестве истины, свободное согласие с богом становится иллюзорным» («Сумма теологии» 2/П, I, 5). Связь между этими столь различными истинами состоит только в том, что через них субъект достигает своей главной цели – познания бога.

Современные эпигоны Фомы – неотомисты – стремятся изобразить Фому чуть ли не как поборника науки, будто бы указавшего четкую грань между верой и разумом, теологией и философией, а затем доказавшего существование гармонических отношений между ними. В действительности это совсем не так. Концепция Фомы о двух истинах – истине веры и истине разума – призвана доказать полную зависимость истины разума от истины веры. «Истина, – пишет он, – состоит в соответствии интеллекта и вещи... Но такой интеллект, который есть причина вещи, прилагается к вещи, как наугольник и мерило. Обратным образом обстоит дело с интеллектом, который получается от вещей. В самом деле, когда вещь есть мерило и наугольник интеллекта, истина состоит в том, чтобы интеллект соответствовал вещи, как то происходит в нас. Итак, в зависимости от того, что вещь есть и что она не есть, наше мнение истинно или ложно. Но когда интеллект есть мерило и наугольник вещей, истина состоит в том, чтобы соответствовала интеллекту»⁷²⁵.

Отсюда видно, что в понимании Фомы истина, которая отражает вещь, соответствует ей, т.е. истина разума есть своего рода вторая производная от той истины, которая представляет собой причину самой вещи, так что о независимости науки от религии, будто бы провозглашенной Фомой, здесь не может быть и речи.

Аналогичным является подход Фомы и к тому отношению, которое имеет место между двумя ступенями ступень совершенства. «Одна ступень совершенства состоит в том, что некоторая вещь совершенна и не может выйти из своего совершенства; другая же ступень совершенства состоит в том, что некоторая вещь совершенна, но может из своего совершенства выйти. Эти ступени обнаруживаются в самом бытии, ибо есть вещи, которые не могут утратить своего бытия и потому вечны, а есть вещи, которые могут утратить свое бытие и потому бранны. И вот подобно тому, как совершенство Вселенной требует, чтобы

⁷²⁵ Боргош Ю. Фома Аквинский. С. 178–179.

были не только вечные, но и бранные сущности, точно также совершенство Вселенной требует, чтобы были и некоторые вещи, которые могут отступить от своей благодати; потому что они и в самом деле время от времени делают это. В том, что вещь отступает от блага, и состоит сущность зла. Отсюда явствует, что в вещах обнаруживается зло, как и порча, ибо и порча есть некоторое зло»⁷²⁶.

Отступление от блага, по мнению Фомы, имеет своей целью благо целокупного миропорядка. Таким образом, для полноты блага необходимо зло, для сохранения целокупного миропорядка необходима порча. «Но целокупный миропорядок требует... чтобы некоторые вещи могли впасть в несовершенство и время от времени впадали в него. И таким образом, бог, обуславливая в вещах благо целокупного миропорядка, в качестве следствия и как бы акцидентально обуславливает порчу вещей»⁷²⁷.

Отсюда видно, что теория познания и теория бытия Фомы Аквинского для античного понятия гармонии оказались прокрустовым ложем. То «сжимая», то «растягивая» античные представления о гармонии, богословы и схоласты средних веков нередко втискивали в понятие гармонии все, что было им угодно. И когда современный последователь Фомы Аквинского Ф. Дессауэр заявляет, что «дух нагорной проповеди выше, чем дух Прометея, но оба они друг с другом дружат»⁷²⁸, – становится очевидной не только солидарность современных реакционеров с реакционерами от средневековой схоластики, но и «лицемерие томистской догмы и гармонии разума и веры»⁷²⁹.

Насилие, которое чинилось над понятием гармонии как в прошлом, так и в настоящее время в интересах религии, смыкающееся с открытым обскурантизмом, осуществлялось с целью использовать притягательный образ гармонии для превращения науки в служанку религии, что не могло остаться безвредным как для науки в целом, так и для учения о гармонии. На протяжении длительного времени понятие гармонии нередко применялось там, где оно из-за отсутствия соответствующих объективных отношений не должно было применяться, например шесть веков спустя после «Суммы теологии» Фомы появляется так называемая «Теория гармонии интересов» Кэри и Бастиа, провозгласившая гармоничным мир капиталистической конкуренции, либо там, где вообще нет никакой реальности, так называемый «потусторонний мир». Правда, имелся еще третий мир – мир искусства, сознательно создаваемый человеком на основе его исторически изменявшегося эстетического чувства, отражавшего гармонию наблюдаемых явлений.

Игра человеческой художественной интуиции и игра природы в качестве творцов гармонии все чаще наводили на размышление о наличии общих свойств гармонических явлений в природе и в искусстве, напоминая тем самым человеку о необходимости понять гармонию как явление не только мира человеческих чувств, но и как явление объективное.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ФОРМИРОВАНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ ГАРМОНИИ

1. ВОЗРОЖДЕНИЕ ИДЕИ ГАРМОНИИ МИРА

⁷²⁶ Боргош Ю. Фома Аквинский. С. 178–179.

⁷²⁷ Там же. С. 182.

⁷²⁸ Dessauer F. Prometheus und die Weltubel. Frankfurt a/M., 1953. S. 193.

⁷²⁹ История философии. Т. VI. М., 1965. С. 55.

Одну из главных задач науки Возрождения Энгельс видел в «выщелушивании результатов, добытых в рамках ложной, но для своего времени и для самого хода развития неизбежной идеалистической формы, из этой преходящей формы»⁷³⁰. Особенно трудным было решение этой задачи в области учения о гармонии, поскольку именно здесь почти безраздельно господствовали теология и схоластика. Однако освобождающиеся из теологического плена философия и наука сообщили достаточный импульс дальнейшему развитию общих представлений о гармонии. Весьма важную роль в данном случае сыграли теоретические труды Кузанского и Бруно, а также открытия Кеплера и Ньютона.

Говоря о том вкладе Николая Кузанского в учение о гармонии, необходимо прежде всего отметить, что рациональное содержание его воззрений на природу гармонии было по традициям того времени, облечено в теологическую форму. Рассматривая бога как субстанцию неограниченных возможностей, Кузанский пришел к утверждению идеи гармонии через обоснование смысла и субординации понятий возможности, равенства, единства и подобия, и, что особенно важно, – через обоснование совпадения противоположностей. «Возможностью, – пишет Кузанский, – я называю то, мощнее чего нет, равным и веющим ту же природу, единым исходящее от них и подобным то, что воспроизводит свое начало»⁷³¹. «Совпадение противоположностей Кузанский представляет так: «Абсолютный максимум пребывает в полной актуальности, будучи всем, чем он может быть, и по той же причине, по какой он не может быть больше, он не может быть и меньше: ведь он есть все то, что может существовать. Но то, меньше чего не может быть ничего, есть минимум. Значит, раз максимум таков, как сказано, он очевидным образом совпадает с минимумом»⁷³². В данном случае важно отметить диалектическую по своему характеру идею единства противоположностей. «Разбирая причины гармонии, – подчеркивал Кузанский, – ты тоже найдешь, что различие и здесь может существовать только на основе единства, а поскольку всякое различие отпадает от единства, гармония есть сопряжение единства и различия»⁷³³. Такая трактовка гармонии, особенно если ее сравнивать со взглядами средневековых теологов, согласно которым гармония мыслилась как происходящее в душе человека согласование истин веры и истин разума, представляет собой новый и очень существенный шаг вперед в дальнейшем развитии обсуждаемого учения. О том, что, по Кузанскому, гармония свойственна самым разным явлениям природы, можно судить по следующему его рассуждению: «Все гармонические созвучия точнейшим образом исследуются с помощью веса. Больше того, вес вещи (по отношению к этой вещи) есть, собственно, гармоническая пропорция, возникшая из разных сочетаний. Даже привязанность и вражда животных одинакового вида, людей, их нравы и все подобное можно взвесить на основе гармонических созвучий и дисгармонических диссонансов. Здоровье человека тоже взвешивается как некая гармония. Так и болезнь, точно так же – легкомыслие и серьезность, мудрость и простота и многое подобное, если внимательно рассмотреть»⁷³⁴.

Вклад Кузанского в учение о гармонии противоречив, что обусловлено, с одной стороны, влиянием пифагорейско-платоновских представлений об образе гармонии, а с другой – логическими следствиями из его собственной пантеистической картины мира, допускавшей, что природные явления могут достигать гармонии без вмешательства извне.

⁷³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 513.

⁷³¹ Кузанский Н. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 333.

⁷³² Там же. Т. 1. М., 1979. С. 54.

⁷³³ Там же. С. 227.

⁷³⁴ Кузанский Н. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1979. С. 459–460.

Но было бы натяжкой относить представления Кузанского о гармонии к материалистическим. «Идея, – пишет Кузанский, – дает вещи все ее бытие... гармонические идеи разнообразны; в них через разнообразные различия разнообразно специфицируется всеобщая гармония... Идея есть как бы некое гармоническое соотношение, которое, хоть оно и одно, может сообщаться многим субстратам»⁷³⁵. Говоря о влиянии Кузанского на прогресс учения о гармонии, надо отметить, что им был положен предел длительному отсутствию интереса к данной проблеме.

Представления Кузанского о гармонии оказали влияние на Бруно и Коперника. В «Очерках нового механизма мира» последний, по словам Энгельса, совершил «революционный акт»⁷³⁶, частью которого стал вывод о «гармоническом соотношении между движением и величинами орбит» планет Солнечной системы, означающий, что самый сокрушительный удар по представлению о гармонии как «музыке небесных сфер» нанес именно Коперник.

Отказавшись от старого умозрительного способа описания объективного мира, Коперник совершил «революционный акт» в понимании Вселенной, и не менее революционный акт в методологии научного исследования, в том числе и в исследовании явления гармонии тем, что на место умозрения поставил логику математики. «С радостью и благодарностью мы чтим сегодня память человека, – пишет о Копернике Эйнштейн, – который больше, чем кто-либо другой на Западе способствовал освобождению умов от церковных оков и догматизма в науке... В наше время нелегко постигнуть, какая независимость мысли, редкая интуиция и мастерское владение астрономическими фактами были нужны для доказательства превосходства гелиоцентрических воззрений. Это великое достижение Коперника не только проложило дорогу к современной астрономии; оно способствовало также решительному изменению отношения людей к космосу»⁷³⁷.

Формирование нового отношения к космосу, нового его понимания требовало и нового отношения к гармонии, нового понимания последней. Однако осознание этой необходимости заметно отставало от изменений в понимании структуры Космоса и движения образующих его элементов. Так, если взгляды Коперника на систему отношений между космическими телами, по справедливому определению Энгельса, являются революционными, то этого нельзя сказать относительно воззрений Коперника на смысл гармонии. В понимании последней над Коперником тяготел авторитет пифагоровско-платоновских традиций. Связь этих космологических представлений с аналогичными представлениями пифагорейцев не отрицал и сам Коперник⁷³⁸. Хотя Коперник не сумел полностью преодолеть теологические наслоения Средневековья, относящиеся к пониманию гармонии, тем не менее его вклад на научную трактовку этого явления переоценить невозможно.

Известно, что с момента своего возникновения, идея гармонии опиралась на господствующие представления о форме и о строении Вселенной. Отсюда понятно, почему «одержимость округленностью» была в одинаковой мере характерна для понимания как Вселенной, так и гармонии. Это обстоятельство и объясняет желание Коперника сохранить округность в качестве орбиты планет Солнечной системы.

⁷³⁵ Там же. Т. 2. М., 1980. С. 127.

⁷³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 513.

⁷³⁷ Эйнштейн А. Собр. науч. трудов. Т. 4. М., 1967. С. 343.

⁷³⁸ Коперник Н. Очерк нового механизма мира // Польские делители эпохи возрождения. М., 1960. С. 40.

Вот как объясняет Коперник свое неприятие эксцентриситета: «Изобретатели эксцентрических кругов... даже главное – вид мироздания и известную симметрию между частями оно... не в состоянии вывести на основании этой теории». И когда возникает вопрос, почему Копернику не удалось преодолеть окружность, ответ может быть такой – не каждому удастся преодолеть влияние предшественников. Еще Платон рассматривает «как основное правило, что небесные тела движутся круговыми, равномерными и вполне правильными (то есть направленными всегда в одну сторону) движениями»⁷³⁹. И Коперник не отходит от пифагорейско-платоновских представлений о гармонии мира, символом которой считалась шарообразность. «Прежде всего нам следует принять во внимание то, что Вселенная шарообразна, как потому, что шар имеет самую совершенную форму и является замкнутой целокупностью, но нуждающейся ни в каких скрепах, так и потому, что из всех фигур эта самая вместительная, наиболее подходящая для включения и сохранения всего мироздания»⁷⁴⁰.

Однако главным в понимании гармонии мира Коперник считал «ход мировой машины». «Обдумывая долгое время шаткость переданных нам математических догм касательно взаимного соотношения небесных тел, наконец, стал я досадовать, – пишет Коперник, – что философам, обыкновенно стремящимся к распознаванию даже самых ничтожных вещей, до сих пор еще не удалось с достаточной верностью объяснить ход мировой машины, созданной лучшим и любящим мировой порядок Зодчим»⁷⁴¹.

Из этого замечания видно, что Коперник хорошо понимал декларативный, умозрительный характер утверждений предшествующей ему философии о гармонии мира и потому сделанные им открытия о структуре Вселенной, включая отношения между динамическими и кинематическими характеристиками её элементов, он рассматривал как конкретное выражение принципов симметрии и гармонии. «Исходя из начала, более других приемлемого, что с увеличением орбит планет увеличивается и время обращения, мы получим следующий порядок сфер, начиная с высшей, первая из сфер, заключающая в себе все прочие, есть сфера неподвижных звезд; она неподвижна, и к ней мы относим все движения и положения звезд. Хотя некоторые допускают движение и этой сферы, но мы докажем, что это движение выводится из движения Земли (Коперник не игнорирует полностью мнение о движении звездной сферы, но с присущей ему осторожностью полагает это движение производным от движения Земли – *В.М.*). Под этой сферой – сфера Сатурна, совершающего обращение свое в 30 лет, далее следует Юпитер, обращающийся в 12 лет, потом Марс, совершающий обращение свое в 2 года и далее Земля, обращающаяся в 1 год; Венера обращение свое совершает в 9 месяцев, и, наконец, Меркурий – в 88 дней. В середине этих орбит находится Солнце... Мы находим при этом порядке, – резюмирует Коперник результаты своих открытий, – удивительную симметрию мироздания и такое гармоническое соотношение между движением и величинами орбит, какого мы другим образом найти не можем»⁷⁴².

Именно в обнаруженном порядке, в связи орбит и времени обращения планет видит Коперник смысл симметрии и гармонии. Это не просто другой, а это – революционный

⁷³⁹ Цит. по: Гинзбург В.Л. Гелиоцентрическая система и общая теория относительности // Вопросы философии. 1973. № 6. С. 113.

⁷⁴⁰ Коперник Н. Об обращении небесных сфер // Польские мыслители эпохи Возрождения. С. 44.

⁷⁴¹ Там же. С. 42.

⁷⁴² Там же. С. 60.

подход к до сей поры всегда остававшемуся загадочным явлению, издревле носящему название гармонии.

Таким образом, для учения о гармонии появление теории гелиоцентрической системы мира явилось поворотным пунктом, откуда берет свое начало, во-первых, отказ от старых представлений о гармонии как некоей всеобщей благодати, ниспосланной миру его творцом. А представления о такой благодати, как каком-то неопределенном совершенстве, были настолько широкими, что добро и зло, господство и подчинение – все это «гармонировало» друг с другом в пресловутом «гармоническом сферосе».

Отсюда видно, что историческую заслугу Коперника в разрушении таких архаических представлений о гармонии трудно переоценить. И можно прямо сказать, что новый этап в развитии учения о гармонии берет свое начало с теории Коперника.

Определяющую роль здесь сыграла, прежде всего, та методологическая база, существо которой в своем предисловии «К обращению небесных сфер» Коперник выразил следующим образом: «Ты найдешь, прилежный читатель, в этом недавно законченном и изданном труде движения звезд и планет, представленные на основании как древних, так и современных наблюдений, развитые на новых и удивительных теориях. К тому же ты имеешь полезнейшие таблицы, по которым ты можешь удобным образом вычислять их на любое время»⁷⁴³.

Сознательно найденная связь старых и новых наблюдений с объединяющими их идеями, подтверждаемая исчисленными и имеющими большую практическую значимость таблицами, разве это не новый подход, разве это не та методология, которая сохраняет свое значение и в современной науке.

Таким образом с появлением теории Коперника гармония перестала рассматриваться как счастливый эпизод в истории мироздания, все более приобретая характер установившегося процесса фундаментальных и внутренне упорядоченных отношений между различными динамическими подсистемами Солнечной системы.

Подчеркивая историческую роль Коперника в развитии учения о гармонии, нельзя не принять во внимание и тех обстоятельств, которые содействовали тому, что его сугубо естественнонаучная теория оказалась так тесно связанной с философской концепцией гармонии. Объяснение этому можно найти не только в исторической традиции, о чем говорит пример связи геоцентрической системы Птолемея и его же трактат «О гармонии», но и во влиянии на Коперника современной ему общекультурной атмосферы. В научно-эстетических лекциях Пьетро Помпонацци, прослушанных Коперником в Падуанском университете, уделялось много внимания проблеме гармонии. «Золотая книга... о наилучшем устройстве государства...» Томаса Мора, вышедшая в 1516 г. и претендовавшая на изображение социальной гармонии, – все это, как и многое другое, не могло не приковывать внимание основателя гелиоцентрической системы мира к проблеме гармонии. Созвучной идее гармонии была мысль старшего современника Коперника, Леонардо да Винчи о том, что «Пропорция обретается не только в числах и мерах, но также в звуках, тяжестях, временах и положениях и в любой силе, какая бы она ни была»⁷⁴⁴.

Однако для учения о гармонии еще более важным было то влияние, которое сама теория гелиоцентрической системы оказала на последующие поколения ученых. Новый взгляд на мир, явившийся прежде всего результатом новых методологических установок,

⁷⁴³ Там же. С. 40.

⁷⁴⁴ Леонардо да Винчи. Избр. произв. Т. I. М.-Л., 1935. С. 72–73.

доказав в условиях борьбы со старыми представлениями свою истинность, послужил отправным пунктом дальнейшего развития естествознания, происходившего уже на базе сформулированных Коперником новых мировоззренческих и методологических принципов.

Революционная по своей глубокой сущности теория Коперника не могла не вызвать к жизни столь же глубоких изменений в системе философских воззрений на мир в целом, и, в том числе, на проблему гармонии, о чем свидетельствуют философские идеи Джордано Бруно. Открытие Коперника, приведшее к замене геоцентризма гелиоцентризмом, способствовало тому, что Бруно предпринял радикальный и логически обоснованный шаг к отказу от идеи центра мира. «Утверждение идеи бесконечности мира, равноправности всех его составляющих положило конец не только тем представлениям, согласно которым гармония мира будто бы выражалась его сферической замкнутостью, но позволило обосновать идею, что от различия и противоположности зависят порядок, симметрия, состав, мир, согласие, сочетание, жизнь, следовательно миры составлены из противоположностей»⁷⁴⁵.

Важным для понимания гармонии является развитый Бруно принцип единства противоположностей, включающий в себя единство материи и формы, конечного и бесконечного, части и целого. Бруно неоднократно подчеркивал общность своих взглядов со взглядами Пифагора и Гераклита и потому не удивительно, что единству противоположностей отводится им определяющее место в развитии. «Все существует благодаря спору согласных между собой и любви спорящих»⁷⁴⁶, – так передает Бруно идею Гераклита об основаниях гармонии, акцентируя внимание на согласии, единстве противоположностей. При этом большой интерес представляют сами доказательства того, что между противоположностями существует единство.

Основой единства между противоположностями Бруно считает нечто общее, заключенное в том и другом, которое в своем взаимодействии выступают как противоборствующие стороны. Исходя из постулируемого им принципа единой мировой субстанции, Бруно говорит: «Порожденное и порождающее... всегда принадлежит к одной субстанции. Благодаря этому для нас не звучит странно изречение Гераклита, утверждающего, что все вещи суть единое, благодаря изменчивости все в себе заключающее. И так как все формы находятся в нем, что, следовательно, к нему приложимы все определения и, благодаря этому противоречащие суждения оказываются истинными»⁷⁴⁷.

На основе идеи единой мировой субстанции Бруно делает важный для понимания сущности гармонии вывод: совершенство и гармоничность мира являются следствием того, что между всеми входящей в бесконечный мир конечными его частями обязательно имеет место соответствие. «Знаменитое общепринятое деление элементов и мировых тел есть сон, пустейшая фантазия, – заявляет Бруно, – которая не подтверждается ни природою, ни разумом, которая не может и не должна быть»⁷⁴⁸. Решительно уничтожив противоположность между «совершенным» небом и «несовершенной» Землей⁷⁴⁹, Бруно приходит к выводу о дополнительном характере соответствия существующих противоположностей, развив тем самым в новых условиях аналогичную идею античных философов.

⁷⁴⁵ Бруно Д. Диалоги. М., 1949. С. 164.

⁷⁴⁶ Там же. С. 386.

⁷⁴⁷ Антология мировой философии. Т. 2. С. 164.

⁷⁴⁸ Бруно Д. О бесконечности вселенной и мирах. М., 1936. С. 158.

⁷⁴⁹ История философии: в 3 т. Т. 2. М., 1941. С. 57.

Было бы, конечно, неверным трактовать развиваемый Бруно тезис о единстве мира как утверждение полной слитности всего со всем, как отрицание многообразия. Проницательность Бруно в понимании этого вопроса хорошо видна из следующего высказывания. «Имеется, – пишет он, – двойная субстанция: одна духовная, другая телесная, но... в последнем счете и та и другая сводятся к одному бытию и одному корню»⁷⁵⁰. В сравнении с этим утверждением дуализм Декарта был уже шагом назад. Одним словом, Бруно уверенно шел к более глубокому обоснованию лежащего в основе понимания гармонии принципа «единства и многообразия».

Таким образом, хотя Бруно специально не исследовал проблему гармонии, но его понимание мира, который он считал гармоничным, позволяет заключить, что развиваемое им учение о единстве и многообразии мира, о переходе противоположностей друг в друга, о соответствии друг другу составных частей мира и связи его состояний представляют собой важный вклад в прогресс данного учения. Его интерес к гармонии проявляется даже тогда, когда, исходя из своих гилозоистских воззрений на мир, которому в качестве атрибутов приписывает «могущество, мудрость и благость», Бруно утверждает, что последние находятся между собой в «согласии и симметрии».

Возникновение науки, которую теперь называют «классической», знаменовалось еще и тем, что в ту пору философы, подобно Бруно, пытаются решить проблемы, входящие в компетенцию естествознания (ведь вопросы строения Вселенной – это прежде всего естественнонаучная проблема), а естествоиспытатели в свою очередь штурмуют проблемы исконно философские. Впрочем такая практика и теперь не редкость.

Иоганн Кеплер, которому принадлежит честь открытия названных его именем естественнонаучных законов интересовался и философией, он является автором не только известного труда «Гармония мира», но и более ранней, но менее известной работой «Новые космографические исследования или космографическая тайна», вышедшей в 1597 г.

Эта последняя примечательна тем, что в ней Кеплер следующим образом представляет себе устройство мира. В центре Вселенной располагается Солнце. Ближайшей к Солнцу планетой является Меркурий. Радиусом, равным расстоянию от центра Солнца до центра Меркурия, описывается сфера, вокруг которой описывается правильный восьмигранник, а затем этот последний помещается в сферу большего радиуса, численное значение которого равно расстоянию от Солнца до следующей ближайшей планеты – Венеры. Продолжая таким образом и используя последовательно 20-, 12-, 4- и 6-ти гранники были получены расстояния от Солнца до Земли, Марса, Юпитера, Сатурна. Хотя никаких экспериментальных данных Кеплер не имел, он, тем не менее, был убежден, что только таким путем можно объяснить, почему планет шесть. Это умозрительная модель исключала всякую случайность, создавала впечатление полной завершенности и целесообразности, а, следовательно, и гармоничности «созданного мудрым творцом мира»⁷⁵¹.

Умозрительная в своей основе конструкция мироздания, созданная молодым Кеплером, несет еще на себе печать той «одержимости округленностью», которая была обычной в представлениях о гармонии во времена Пифагора и Платона, и от которой не сразу удалось избавиться даже в новое время. Не мог избежать этой участи и основатель экспериментальной науки Галилей. «Круговое движение, – писал Галилей, – естественно (т.е. без внешнего вмешательства) присуще телам, составляющим Вселенную и

⁷⁵⁰ Бруно Д. О причине, начале и едином. М., 1934. С. 155.

⁷⁵¹ Кеплер И. Новая стереометрия винных бочек. М.-Л., 1935. С. 14.

размещенным в наилучшем порядке. Прямолинейное движение сообщается природой телам и их частям только там, где они размещены в плохом порядке, не на своих естественных местах»⁷⁵².

Приверженность Галилея к кругу как образу гармонии «исключала для него возможность представить себе Солнечную систему в виде сочетания эллипсов». Галилей утверждает, что «даже все движения человека или животных – круговые», на возражение же, что человек может бегать, прыгать, шагать вверх и вниз и т.п., он отвечает: «Да, но это только вторичные движения, зависящие от первичных, происходящих в суставах. Прыжок или бег являются результатом сгибания ног в колоне и ее движения в бедре, а это круговые движения»⁷⁵³.

Однако наиболее примечательной особенностью представлений о гармонии в данном случае является не то, что в качестве ее образа принималась «округленность», а само стремление Кеплера, как и Галилея, вслед за Птоломеем найти ту общую и единственную характеристику, наличие или отсутствие которой позволяло бы однозначно судить о том – является или нет та или иная конкретная система гармоничной.

Находясь под влиянием пифагорейской идеи о «музыке сфер», Кеплер пытался в движении планет обнаружить те же соотношения, которые встречаются в музыкальной гармонии. В «Гармонии мира» Кеплер постоянно обращается к аналогии, будто бы существующей между гармонией творца и гармонией творения, но в конце концов был вынужден отказаться от теологических допущений, и прибегал к понятиям теологии только в крайних случаях, да и то лишь в интересах популярности.

Отбросив представление, что круг, сфера – являются символами гармонии, Кеплер приходит к выводу, что искривленное совершеннее прямого. Если в юношеской работе «Космографическая тайна» он еще писал, что «образ триединого бога есть сферическая поверхность, а именно: бог=отец в центре, бог=сын на поверхности, и святой дух – в симметрическом отношении между центром и описанной вокруг него сферической поверхностью», то в «Гармонии мира» сверхъестественное фигурирует, главным образом, лишь как дань традиции.

В иерархически упорядоченном мире Кеплера человеческое и божественное соотносятся между собой как окружность и сфера. «Отсюда, – пишет Кеплер, – прежде всего следует, что прямая, описываемая при движении точки из центра в какую-нибудь одну точку поверхности (сферы), означает начало творения, подобно вечному зачатию сына (символизируемого лучами, проведенными из центра в бесконечное множество точек всей поверхности; последняя образована этими бесконечными многими линиями совершенно одинаковой длины). Прямая есть элемент телесной формы. Будучи проведенной не только в длину, но и в ширину, она сама дает представление о некоей телесной форме, образуя плоскость. Пересечение плоскости и сферы – есть окружность – унаследованный образ творческого духа, долженствующего руководить телом.

Окружность находится в таком же отношении к сфере, в каком человеческий дух находится к божьему духу, линия к поверхности (та и другая произвольно искривлены); однако, к содержащей ее плоскости окружность находится в том же отношении, какое существует между несоединимыми и несоизмеримыми кривой и прямой.

⁷⁵² У истоков классической науки. М., 1968. С. 26.

⁷⁵³ Там же. С. 28.

Окружность одновременно принадлежит к секущей плоскости, образуя ее границу, и усеченной сфере, будучи местом их встречи, подобно тому, как дух заключен в теле, будучи началом, связующим его внешние формы, и в боге, являясь сиянием, исходящим от божественного лика к телу, и обладая тем самым благородной природой.

Поэтому окружность есть начало, устанавливающее гармоничные пропорции, их высший источник в то же время – предельная абстракция, ибо ни окружности каких-либо определенных размеров, ни столь несовершенной окружности, какими являются материальные, воспринимаемые окружности, не свойственен образ божьего духа, и, что главное, абстрактная окружность должна быть столь же далекой от всего материального и чувственного, как далеки друг от друга и вместе с тем абстракты понятия кривой – символа духовного, и прямой, означающей телесное.

Этой причины совершенно достаточно, чтобы мы искали источник гармонических отношений для объектов, доступных лишь душе, только среди совершенно абстрактных величин»⁷⁵⁴.

Первым ученым, решительно порвавшим с отождествлением модели гармонии с окружностями, кругами, сферами и шарами, был не кто иной, как сам Кеплер, который еще недавно отстаивал позицию, сходную с галилеевой.

После смерти Тихо Браге Кеплер получил не только его должность, но и древники с подробными записями наблюдений неба, где и был найден материал для дальнейшего более углубленного изучения законов движения планет. Кеплер вспоминал – идея нового взгляда на характер взаимосвязи планет и их движение возникла у него внезапно 8 марта 1618 г., а к 15 мая он уже закончил все необходимые вычисления, на основе которых и были сформулированы его знаменитые законы.

«Если бы небесные движения, – писал Кеплер, – были произведением разума, можно было бы с основанием заключить, что орбиты планет совершенные круги... однако небесные движения – произведения не разума, а природы, т.е. природной способности тел или души, действующей в полном согласии с этими телесными способностями...; даже если допустить, что мы наделили планеты сознанием, это сознание не было бы в состоянии достичь того, что хочет, т.е. абсолютного совершенства круга; ибо... поскольку для осуществления движения необходимы, помимо разума, природные и животные качества, последние следовали бы своим собственным склонностям; они не все делали бы согласно велениям разума, которых они не воспринимали бы, и много делали бы в согласии с природной необходимостью»⁷⁵⁵. В этих словах нашла свое выражение новая позиция Кеплера в его взглядах на гармонию, отнюдь не приведшая к отказу от самой идеи гармонии, а означавшая лишь существенную трансформацию прежних представлений о том, что именно следует считать гармоничным.

Быть гармоничным, с точки зрения Кеплера, равнозначно следованию «своим собственным склонностям», т.е. «находиться в согласии с природной необходимостью». Главной целью своей «Гармонии мира» Кеплер считал отыскание «ключа к строению Вселенной, сверхпринципа, позволяющего единым взглядом охватить все богатство явлений, обосновать общность всех членов солнечной системы»⁷⁵⁶. И такой ключ Кеплер нашел, исходя из того эмпирического материала, которым он, в отличие от своих предшественников, теперь располагал.

⁷⁵⁴ *Kepler J. Harmonices mundi. Buch. V., Ed. Frisch. P. 223.*

⁷⁵⁵ У истоков классической науки. С. 30.

⁷⁵⁶ *Данилов Ю.А., Смородинский Я.А. Иоганн Кеплер: От «мистерии» до «гармонии» // УФН. 1973. Т. 109. Вып. 1. С. 202.*

В соответствии с полученным выводом Кеплер имел возможность отказаться от заимствованных им у Пифагора взглядов на гармонию мира как «музыку сфер», но сделать это Кеплеру не удалось, хотя его третий закон, составляет основное содержание «Гармонии мира», о том, что в невозмущенном эллиптическом движении двух материальных точек произведения квадратов времен обращения на суммы масс центральной и движущейся точек относятся как кубы больших полуосей их орбит, мог бы служить достаточным для этого основанием. Третий закон был одним из первых законов, где представления о мировой гармонии выражаюсь в четкой математической форме.

Другим важным результатом кемеровской «гармонии мира» было то, что она, неожиданно для своего автора, стала, последним и окончательным ударом по «музыке сфер» и «одержимости округленностью».

Таким образом, «Гармония мира» Кеплера, по-праву, может считаться одновременно и могильным камнем старым донаучным представлениям о гармонии и первым краеугольным камнем принципиально нового подхода к гармонии, пришедшего на смену старому умозрительно-метафизическому подходу.

При всей важности того вклада в учение о гармонии, который связан с именем Кеплера, нельзя не признать, что кеплеровский подход к пониманию гармонии страдал все-таки весьма серьезным недостатком; заключался этот недостаток в том, что Кеплер даже не ставил перед собой задачи рассмотреть внутреннюю природу, естественное происхождение гармонии, поскольку система «гармонии мира» у него берется исключительно в феноменологически-статическом плане, к тому же отягощенном так или иначе примесью традиционных для того времени теологических допущений. Такой изъян, не столь уж редкий в концепциях предшественников Кеплера, мог бы оказаться роковым, не получи кеплеровское естественнонаучное понимание гармонии той необходимой и основательной поддержки, которая последовала со стороны новой философии.

Философом, глубоко осознавшим истинное значение открытий Коперника и Кеплера, причем не просто осознавшим, а укрепившим и развившим их учение дальше был Декарт. В письме к своему другу Мерсенну, написанном сразу же после осуждения Галилея, Декарт подчеркивает: «Я говорю, откровенно, что, если учение о движении земли ложно, то ложны и все основания моей философии, потому что оно с очевидностью ими доказывается»⁷⁵⁷. Может показаться странным, что Декарт, в чьих трудах нет прямых высказываний о гармонии, ставится здесь в ряд тех мыслителей, которые стояли у истоков нового понимания гармонии. А между тем ничего странного в этом нет, ибо сущность гармонии невозможно понять без правильного, т.е. научного понимания мира как целого, а выдающаяся роль Декарта в формировании последнего несомненна.

И здесь, прежде всего, следует указать на то, что именно Декарт первым показал роль объективных законов, в соответствии с которыми происходит движение материи от хаоса к порядку, поставив тем самым законы природы выше законов бога, а на обратном как раз и настаивала господствовавшая еще и тогда теология. «Допустим, – писал Декарт, – что с первого же момента, как была сотворена материя, одни из ее частей начали двигаться в одну, а другие – в другую сторону, одни быстрее, а другие медленнее (или, если это вам угодно, остались совсем без движения), и что материя сохраняет в дальнейшем свое движение, следуя обычным законам природы. Бог так чудесно установил эти законы, что, если бы мы даже предположили, что им не создано было ничего, кроме уже сказанного, и не вложено в

⁷⁵⁷ Декарт Р. Письмо Мерсенну от ноября 1633 г. // История философии. Т. 2. М., 1941. С. 124.

материал никакого порядка и соразмерности, а наоборот, все перемешано в самый запутанный и сложный хаос, какой только могут описать поэты, то и в таком случае законы эти были бы достаточны, чтобы заставить части материи распутаться и расположиться в весьма стройный порядок. Придя, благодаря этим законам, сама собой в порядок, – еще раз подчеркивает уже указанную мысль Декарт, – материя наша приняла бы форму весьма совершенного мира...»⁷⁵⁸. В представлении Декарта движение от беспорядка к порядку, от хаоса к совершенству происходит на основе внутреннее присущих самой материи свойств. Правила, законы, по которым совершаются эти изменения, т.е. законы движения от хаоса к гармонии, он называет законами природы.

Таким образом он во всех существенных пунктах своего понимания мира со всей определенностью высказывается в пользу самодвижения, саморазвития материи, полагая в качестве фундаментальных принципов развития принцип сохранения материи и принцип сохранения энергии. Поскольку, согласно Декарту, сущность первого «состоит в том, что каждая часть материи... всегда продолжает оставаться в одном и том же состоянии, до тех пор, пока встреча с другими частями не вызовет изменения этого состояния»⁷⁵⁹, то поэтому каких-либо сверхъестественных оснований в изменении состояния материи, в том числе и в тех изменениях, следствием которых является переход от хаоса к гармонии, в учении Декарта не предполагается.

Без учета этого важного положения нельзя, не теряя почвы науки, понять природу гармонии, поскольку то, что таинственным, сверхъестественным образом могло бы возникать, столь же необъяснимым образом могло бы, разумеется, и исчезать, а при этих обстоятельствах можно было бы говорить только лишь о движении от одного хаоса к другому хаосу.

«Второе правило, предполагаемое мною, – продолжает Декарт, – заключается в следующем: когда одно тело сталкивается с другим, оно может ему сообщить лишь столько движения, сколько само одновременно потеряет, и отнять от него лишь столько, насколько оно увеличит свое собственное движение»⁷⁶⁰.

Понятно, что эти сформулированные Декартом «правила», в силу той фундаментальной роли, которую они играют в объяснении мира как основополагающие законы природы, даже независимо от того, в какой мере они согласуются с традиционными взглядами на гармонию, не могут игнорироваться при изучении проблемы гармонии.

Поскольку же в материалистическом истолковании мира еще со времен Гераклита гармония рассматривается как своеобразная форма сохранения (гармония как самовосстановление лука и лиры), то значение идей Декарта состоит не только в том, что он подчеркнул связь принципа сохранения с принципом развития в том числе гармонического, но и в том, что он дал логически строгое обоснование этой связи в тот период, когда предпринимались самые первые попытки научного подхода к исследованию гармонии. Все это свидетельствует о непреходящем значении идей Декарта в формировании научного понимания гармонии.

Такая оценка вклада Декарта в учение о гармонии подтверждается и анализом его понимания движения. Здесь, прежде всего, необходимо подчеркнуть значение идеи соотношения движения и покоя как нормального и аномального. Исходя из

⁷⁵⁸ Декарт Р. Космогония. Баку, 1930. С. 74–75.

⁷⁵⁹ Там же. С. 76.

⁷⁶⁰ Там же. С. 78.

сформулированного Галилеем принципа инерции, Декарт приходит к выводу, что покой есть аномальное состояние. Применительно к соотношению поля и вещества впоследствии аналогичный взгляд развивал Гаусс. «Новым в декартовом законе инерции было понятие инерции движения наряду с инерцией покоя. Это понятие было значительным шагом вперед от учения о первичности покоя к учению о покое как частном случае движения, ибо Декарт впервые поставил здесь вопрос о покое, как о прекращении движения, как о производном явлении, требующем нарушения инерции движения»⁷⁶¹.

В связи с тем, что, согласно Декарту, движение материи может осуществляться правильно и неправильно, принцип сохранения может считаться универсальным лишь применительно к материи и движению в их всеобщности, а не применительно к их конкретным формам. «Бог, – пишет Декарт, – является творцом всех существующих в мире движений, и поскольку они вообще существуют, и поскольку они прямолинейны (кстати – прямолинейное движение, по Декарту, есть нормальный вид движения, а все остальные его виды – аномалии – *В.М.*). Однако, различные положения материи делают эти движения неправильными и кривыми. Точно также теологи нас учат, что бог есть творец всех наших действий и поскольку они содержат нечто хорошее, однако, различные расположения наших воле могут сделать эти действия порочными»⁷⁶².

Мысль Декарта о нормальном движении, в качестве которого он, в соответствии с галилеевым принципом инерции, рассматривает прямолинейное движение, и движению аномальном, а таковым признается криволинейное, в том числе и круговое движение, имеет для понимания смысла гармонии принципиальное значение.

Сам Декарт считал данный аспект проблемы гармонии одним из трех основных законов природы наряду с законами сохранения материи и движения. «В виде третьего правила я прибавлю, что, хотя при движении тела его путь чаще всего представляется в форме кривой линии, и что, хотя невозможно произвести, как это уже было сказано, ни одного движения, которое не было бы в каком-либо виде круговым, тем не менее каждая из частиц тела по отдельности стремится продолжать свое движение по прямой линии. Таким образом, их действие, т.е. склонность к движению, которой они обладают, отлично от их движения. Заставьте, например, колесо вращаться вокруг своей оси: все его части будут двигаться тогда по кругу, так как будучи соединены друг с другом, они не могут перемещаться иначе; однако, склонны они передвигаться не по кругу, а по прямой. Это ясно видно, если случайно одна из частиц его оторвется от других. Как только она очутится на свободе, движение ее перестает быть круговым и продолжается по прямой линии»⁷⁶³. Поэтому важным и, пожалуй, определяющим признаком нормальности прямолинейного движения выступает его свобода от ограничений – причины всевозможных нарушений.

Другим признаком нормальности прямолинейного движения Декарт считает его простоту. «Из всех движений, – говорит он, – только движение по прямой линии вполне просто. Вся его природа может быть понята сразу же, ибо для представления его достаточно предположить, что какое-нибудь тело находится в состоянии движения в определенную сторону, а это имеет место в каждый из моментов, которые могут быть определены за время его движения. Для того же, чтобы представить круговое или какое-нибудь другое возможное движение, необходимо вместо этого рассмотреть по меньшей мере два таких момента, или

⁷⁶¹ История философии. Т. 2. М., 1941. С. 126.

⁷⁶² Декарт Р. Космогония. С. 81.

⁷⁶³ Там же. С. 78–80.

же две из его частей, и отношение, существующее между ними»⁷⁶⁴. Имея в виду выраженную здесь характеристику уместно заметить, что Лейбниц не был прав, когда упрекал Декарта в незнании «закона сохранения направления движения».

В числе выдающихся мыслителей, сыгравших важную роль в решении проблемы гармонии методами науки, по-праву находится и Ньютон. Известно, что понятие гармонии еще со времени Гераклита нередко сопоставляют, а то и отождествляют с понятием закона. Трудно среди ученых найти такого, кто мог бы сравняться с Ньютоном в показе значения закона в научном понимании структуры мироздания. Ньютон в своих трудах понятию «гармония» предпочитал понятие «закон», и тем не менее есть все основания открытые им законы всемирного тяготения рассматривать в качестве той призмы, через которую хорошо просматривается сущность гармонии. В данном случае важным является не декларация ученого, а реальный вклад в решение проблемного вопроса. Для Ньютона, обнаружившего, что в мире царит не произвол, а необходимая законосообразность, именно закон, как своеобразное божество, выражает подлинный смысл гармонии мира.

Ньютон хорошо понимал, что открытые им законы механического движения небесных тел, выражают Вселенную лишь только со стороны присущих ей механических свойств, что сущность мира этими законами полностью не раскрывается. «Мы имеем представление об его (совершенном, законосообразном мире – *В.М.*) свойствах, – пишет Ньютон в «Математических началах: натуральной философии», – но какого рода его сущность, совершенно не знаем»⁷⁶⁵. Найдя математическое выражение силы тяготения и тождество их взаимодействия, Ньютон тем самым построил новую картину мира.

Сообразно закону всемирного тяготения как комбинации закона обратных квадратов и третьего закона Кеплера, Ньютон рассматривает «физическую действительность», т.е. прежде всего Солнечную систему в качестве следствия естественной причины – «заполняющего небеса тяготения». Как пишет известный физик Л. Розенфельд, Ньютон приходит к выводу, что «регулярность явлений природы не может быть делом случая, в ней проявляется наличие верховной мудрости и верховного интеллекта, которые все задумали в соответствии со своим назначением в великой гармонии всего творения»⁷⁶⁶. Пусть в высказанной здесь мысли и содержится, некоторый теологический элемент, все же было бы большой ошибкой отождествлять ньютоновскую трактовку природы с навеянной платоновской философией концепцией идеального мира. Этот рецидив философии Платона видимо объяснялся конкретными политическими условиями Англии в последней половине XVII столетия. «Конечно, – пишет Л. Розенфельд, – это (т.е. импонировавшее Ньютону соотношение объективных законов и божественной воли – *В.М.*) является аккуратным перенесением на теологическую плоскость политической идеологии, которую развивала буржуазия после неудачи ее первого опыта самоуправления и затем реставрации королевской власти. Буржуа не были в состоянии найти в их собственной среде источник достаточного авторитета, и они весь авторитет отдали в руки правителя, не принадлежащего к их собственному классу, но они оградили авторитарность короля законом, чтобы обеспечить свою личную свободу. Итак, поданный подчинен королевской воле, но он

⁷⁶⁴ Ньютон И. Математические начала натуральной философии // Крылов А.Н. Собр. трудов. Т. 7. М.-Л., 1936. С. 661.

⁷⁶⁵ Там же. С. 661.

⁷⁶⁶ Rosenfeld L. Newton and the law of gravitation // Archives for the History of Exact Sciences. Vol. 2. 1962–1965. P. 365–386.

рассчитывает на то, что король будет действовать согласно законам, выработанным для общего блага и гарантирующим свободу личности.

Все это не является натянутой теоретической интерпретацией. У нас есть прямое доказательство того, – заключает Л. Розенфельд, – что политическая философия Ньютона была в точности такой, как только что изложено»⁷⁶⁷.

В данном случае несомненный интерес представляет прежде всего сам факт признания Ньютоном гармонического характера всего мироздания. Но роль Ньютона в развитии учения о гармонии, конечно, этим не исчерпывается.

Чтобы по достоинству оценить вклад Ньютона в теорию гармонии, нельзя не остановиться на тех перипетиях, которые претерпела концепция эфира. Согласно исходным философским установкам Ньютона пространство было вмещалищем не только материальных тел, но и бога. Поскольку Ньютон первоначально намеревался обосновать «руководящую» роль бога, то он должен был в связи с этим рассмотреть проблемы «взаимодействия» бога и материи. Исходя из религиозных представлений об абсолютной противоположности бога и материи, Ньютон вынужденно признал невозможность их непосредственного «взаимодействия», что привело его к мысли об опосредованном характере отношений между материей и божеством. В этой новой схеме роль посредника отводилась эфиру. Здесь Ньютон пытается опереться на утверждение Декарта об одухотворенности эфира. Именно «эфирным духам» Ньютон первоначально отвел роль передатчиков воли бога.

Однако гипотеза эфира пришла в противоречие с теми следствиями, которые должны вытекать из требований закона сопротивления сферы движению находящихся в ней тел. «Столкнувшись с этой трудностью, Ньютон не отказался полностью от своей концепции эфира, но был вынужден рассматривать его в значительно более узких рамках, а в конце своей жизни Ньютон фактически освободился от доставившего ему много бесполезных хлопот эфира, а заодно и от некогда признаваемых им «верховой мудрости и верховного интеллекта». «Достаточно того, – писал он в “Математических началах натуральной философии”, – что тяготение действительно существует и действует согласно изложенным нами законам»⁷⁶⁸.

Эволюция философской позиции Ньютона не затрагивает ранее высказанных им соображений о регулярности явлений природы как объективном признаке гармонии мира, а потому данную перемену можно интерпретировать как признание Ньютона, хотя и несколько запоздалое, что гипотеза о божественном происхождении гармонии столь же несостоятельна, как и порожденная ею гипотеза «об эфирных духах».

Сама же гармония мира нашла свое выражение в регулярном и неукоснительном соблюдении всеми материальными телами таких отношения между собой, которые подчиняются следующим принципам, сформулированным автором закона всемирного тяготения:

- 1) если на тело не действуют силы, то оно либо покоится, ибо совершает равномерное прямолинейное движение;
- 2) если на тело действует сила, то тело будет испытывать ускорение в том направлении, в которую действует сила;

⁷⁶⁷ Ibid.

⁷⁶⁸ *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии // *Крылов А.Н.* Собр. трудов. Т. 7. М.-Л., 1936. С. 658.

3) каждой силе соответствует равная и противоположно направленная сила.

Отсюда видно, как Ньютон пришел к идее тождественности силы тяготения на земле с силой, управляющей движениями планет.

Естественнонаучный подход к пониманию гармонии оказался в принципе несовместимым с теологическим подходом, о чем особенно красноречиво говорит полный провал сознательно предпринятой попытки Ньютона показать «механизм взаимодействия» материальных тел и бога в постулируемом им абсолютном пространстве, с целью спасти именно теологический подход к гармонии. С доверием относясь только к методам науки, Ньютон решительно отбрасывает как ненужный, навеянный чуждой духу науки философской установкой, теологический аспект мировой гармонии, заявив: «Я не измышляю гипотез»⁷⁶⁹.

Картина мира, созданная Ньютоном на основе открытых им законов, свидетельствует о том, что научная трактовка смысла гармонии неотделима прежде всего от признания закономерного характера возникновения и дальнейшего развития мира, причем в рамках такой картины речь может идти о гармонии отношений, которая в свою очередь служит необходимым условием гармонического развития. Впервые эти представления Ньютона были изложены им в переданной 7 декабря 1675 г. для ознакомления членам Королевского общества рукописи, где развивается концепция построения Вселенной на чисто механических принципах, хотя окончательное завершение этого труда относится лишь к середине 1687 г.

Отличительной особенностью ньютоновского понимания гармонии является отказ от тех космологических моделей, согласно которым мир представляет собой нечто стационарное, однородное, завершенное целое. На причастность ньютоновских законов всемирного тяготения к обоснованию гармонии мира обращали внимание многие авторы. Так, неокантианец В. Виндельбанд писал: «Начало гармонического движения, математические законы которого Ньютон объяснил из принципа тяготения, сам Ньютон мог объяснить лишь непонятным толчком, актом божественного движения»⁷⁷⁰.

Как уже отмечалось, идея Кеплера о «чистой гармонии» как обобщенном понятии гармонии, в отличие от бесчисленных «чувственных гармоний», была лишь прологом к новому, теперь уже опирающемуся на достижения естествознания пониманию сущности этого явления. Однако, саму идею гармонии более полно, чем Кеплер, реализовал именно Ньютон.

В открытом им законе отношения между материальными телами, оказались особенно отчетливо выявленными благодаря исключению из рассмотрения физических и химических свойств тела. Законы Ньютона показывают, что гармония разнообразных элементов механической системы зиждется на единстве последних, поскольку каждый из них обладает свойством «тяжести», «тяготения» или «гравитации». Именно благодаря наличию этого объединяющего свойства обеспечивается единство многообразия предельно упрощенной механической системы.

Другим важным моментом ньютоновской теории, играющим полезную роль в понимании самого существа гармонии, является доказательство паритетного характера любых механических взаимодействий. Воздействие одного тела на другое вызывает равное по величине и противоположное по направлению воздействие второго на первое. Поэтому в

⁷⁶⁹ Там же. С. 662.

⁷⁷⁰ Виндельбанд В. История новой философии. Т. 2. СПб., 1905. С. 6.

системе взаимодействующих тел каждое из них в определенном отношении сохраняет и проявляет свою индивидуальность.

Третьим важным признаком гармонии, выявленным с помощью закона всемирного тяготения, является принцип эквивалентности, означающий, что каждое материальное тело создает вокруг себя такое поле гравитации, которое исключает какую-либо «дискриминацию» любого материального тела, обладающего механической массой, поскольку вызываемое этим полем ускорение находящихся в нем тел всегда одинаково.

Отсюда видно, что царство гармонии в системе мира Ньютона реализовано без сверхъестественного вмешательства. На эту сторону дела обратил внимание Энгельс, когда писал, что бесконечная область природы все более завоевывается наукой, «и в ней не остается больше места для творца. Ньютон оставил ему еще “первый толчок”, но запретил всякое дальнейшее вмешательство в свою солнечную систему»⁷⁷¹. Да и подлинным творцом у Ньютона фактически выступает сама природа, лишь по традиции именуемая им божеством. «Признано, – писал Ньютон, – что необходимо существование высшего божества, поэтому необходимо, чтобы он был везде и всегда. Поэтому он весь себе подобен, весь – глаз, весь – ухо, весь – мозг, весь – рука, весь – сила чувствования, разумения и действия, но по способу совершенно не человеческому, совершенно не телесному, по способу совершенно для нас неведомому»⁷⁷². Как хорошо узнаются в этом «высшем божестве» силы и отношения явлений природы.

При всей несхожести субъективного отношения к проблеме гармонии со стороны Кеплера и Бруно, Декарта и Ньютона, объективно каждый из них сыграл неоценимую роль в приближении проблемы гармонии к своему научному решению.

Однако важными оказались не только объективный вклад, но и субъективные позиции – они у философов и естествоиспытателей были существенно различными. И может быть тем обстоятельством, то Кеплер пытался с помощью своих открытий обосновать истинность пифагорейско-платоновского понятия гармонии, и равнодушием Ньютона к античным понятиям гармонии не в последнюю очередь объясняется отсутствие попыток концептуального подхода к данной проблеме. «В поисках гармонии, – пишут Ю.А. Данилов и Я.А. Смородинский, – Кеплер захотел взять у нее (имеется в виду пифагорейско-платоновская трактовка мира, – В.М.) больше, чем она содержала. Но увидеть гармонию в своих так внешне непохожих друг на друга законах было выше его сил. Для этого нужны были уравнения механики... (Ньютона – В.М.), которого гармония уже не интересовала»⁷⁷³. Соглашаясь в целом с данной характеристикой, считаем все же излишне категоричным утверждение об отрицательном отношении Ньютона к проблеме гармонии. В «Докладе о наблюдениях» Королевскому обществу Ньютон высказал мысль, что «гармония между цветами зависит от соотношения... колебаний и подобна музыкальной гармонии»⁷⁷⁴. Это важное положение необходимо учитывать при анализе отношения Ньютона к проблеме гармонии.

Таким образом, период от Коперника до Ньютона в изучении гармонии является примечательным в ряде отношений. Прежде всего для него характерна большая, но

⁷⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 514.

⁷⁷² Ньютон И. Математические начала натуральной философии // Крылов А.Н. Собр. трудов. Т. 7. М.-Л., 1936. С. 661.

⁷⁷³ Данилов Ю.А., Смородинский Я.А. Иоганн Кеплер: от «мистерии» до «гармонии» // Успехи физических наук. 1973. Т. 109. Вып. I. С. 20.

⁷⁷⁴ Вестфал Р.С. Ответ Ньютона Гуку и теория цветов // У истоков классической науки. С. 110.

мотивированная осторожность, проявленная к данной проблеме естествоиспытателями и даже такими, достаточно смелыми в своих суждениях философами, как Бруно и Декарт, хотя те и другие не мало потрудились над обоснованием нового подхода к вопросу о гармонии мира. О том, насколько это было трудно, лучше всего говорят попытки Кеплера доказать научным образом истинность античных представлений о гармоничном. Правда, успех ему здесь не сопутствовал, и тем не менее предпринятые усилия не были напрасными, поскольку с Кеплера берут свое начало стремления ввести проблему гармонии в рамки строгой науки. Другая важная особенность этого периода развития учения о гармонии заключается в возрождении представления о глобальном характере гармонии, в отличие от средневековых представлений о гармонии как свойстве отдельных людей или даже одного лишь бога.

2. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ИДЕИ ГАРМОНИИ В КОНЦЕПЦИЮ ГАРМОНИИ

Успехи классической механики, приведшие к созданию новой, механической, картины мира, не могли не обнажить глубокого внутреннего противоречия в бытовавших тогда представлениях о гармонии. Новая, более ясная и математически обоснованная картина Вселенной, при характеристике которой многие естествоиспытатели того времени (Леонардо да Винчи, Коперник, Кеплер) не могли обойтись без помощи понятия «гармония», продолжала уживаться с довольно архаичной трактовкой последнего.

В этих условиях были возможны два выхода: либо, отвергнув старое понятие гармонии, создать новое, либо вообще отказаться от понятия гармонии как полностью несостоятельного. По первому пути пошел Лейбниц, а его современник Спиноза, избрав второй путь, не смог, однако, не заметить, что неудовлетворенность архаичным понятием «гармония» не может служить основанием для отказа от поиска другого понятия, более отвечающего новым требованиям. В этих условиях и проходила борьба «за» и «против» гармонии, в которой участвовали и философы, и естествоиспытатели. При этом следует отметить, что она шла не столько из-за дефиниций гармонии, сколько за утверждение определенной картины мира, в рамках которой существенная роль принадлежала и понятию «гармония». Наиболее уязвимым оказалось представление о гармонии как о «музыке небесных сфер», породившее негативное отношение к данной проблеме отдельных философов, среди них оказался и Спиноза, которому принадлежат такие слова: «Все то, что способствует их благосостоянию... люди назвали добром, противоположное ему – злом. А так как не понимающие природы вещей ничего не утверждают относительно самих вещей, но только воображают их и эти образные представления считают за познание, они твердо уверены, что в вещах существует порядок...

Остальные понятия, – продолжает свое рассуждение Спиноза, – также составляют не что иное, как различные способы воображения, что, однако, не препятствует незнающим смотреть на них, как на самые важные атрибуты вещей; ибо, как мы уже сказали, они уверены, что все вещи созданы ради них, и называют природу какой-либо вещи хорошей или дурной, здоровой или гнилой и испорченной, смотря по тому, как она на них действует. Так, например, если движение воспринимается нервами от предметов, представляемых посредством глаз, способствует здоровью, то предметы, служащие причиной этого движения, называют красивыми. В противном случае они называются безобразными... Что, наконец, действует на ухо, про то говорят, что оно издает шум, звук или гармонию. Последняя так обезумила людей, что они стали верить, будто и сам бог также услаждается ею. Существуют также философы, убежденные, что и небесные движения образуют

гармонию»⁷⁷⁵. Объяснение этому нигилизму дал Энгельс. «Насколько высоко естествознание первой половины XVIII века поднималось над греческой древностью по объему своих познаний и даже по систематизации материала, настолько же оно уступало ей в смысле идейного овладения этим материалом, в смысле общего воззрения на природу»⁷⁷⁶.

Известно, что исторически проблема гармонии развивалась в тесной связи с проблемой первоосновы. Еще у Пифагора элементы мира – числа – были вместе с тем и элементами гармонии, что означало утверждение идеи, согласно которой истоки гармонии коренятся в отношениях между разнородными началами. У Пифагора это чёт и нечёт. Но иронический намек Спинозы «существуют... философы, убежденные, что и небесные движения образуют гармонию» был адресован прежде всего именно Пифагору.

Но среди античных философов были и такие, к идеям которых Спиноза относился с глубоким уважением, среди них был «Могучий, надменный Парменид, – как пишет о нем Спиноза, – который, по истине, освободил мышление от обмана воображения»⁷⁷⁷.

Какие же идеи Парменида оказались близки Спинозе? «Парменид... полагает, – пишет Спиноза, – что Вселенная едина, безначальна и шаровидна..., принимает два начала кажущегося (мира): огонь и землю, одно в качестве материи, другое же – в качестве действующей причины и утверждает, что все существует согласно необходимости, причем судьба, провидение и творец мира тождественны»⁷⁷⁸. Созвучность этой трактовки спинозовскому пониманию мира не вызывает сомнений, но Спинозе близка и данная Парменидом характеристика бытия:

«Не возникает оно, (бытие) и не подчиняется смерти
цельное все, без конца, не движется и однородно.

Не было в прошлом оно, не будет, но все – в настоящем.

Без перерыва оно, ему ль разыщешь начало?

И все бытие отовсюду

Замкнуто, массе равно вполне совершенного шара»⁷⁷⁹.

А ведь по свидетельству Теофраста Парменид основой совершенства полагал симметрию⁷⁸⁰, нередко отождествлявшуюся с гармонией.

Все это, казалось бы, должно было говорить о том, что будучи поклонником Парменида, Спиноза мог лишь развивать учение о гармонии дальше, а не бороться против него. Но этого не произошло. Дело в том, что в учении Парменида Спиноза обнаружил внутреннее противоречие, заключающееся в противопоставлении сущности и явления. Сущность трактуемая Парменидом как подлинная упомогостагаемая реальность, олицетворяя единство мира, предстает перед человеком как совершенство.

Явление, напротив, будучи независимым от сущности, в силу способности к движению, изменениям, не представляет собой подлинной реальности, воспринимается только чувствами, оно выражает собой разнообразие мира. Итак, согласно Пармениду, есть единство и есть разнообразие, но нет связи между ними. Спиноза считал возможным преодолеть это противоречие только путем отказа от одной из противоположностей, придя таким путем к противопоставлению совершенства гармонии.

⁷⁷⁵ Спиноза Б. Избр. произведения. Т. 1. М., 1957. С. 399–400.

⁷⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 349.

⁷⁷⁷ Маковельский А. Досократики. Ч. 2 (Элеатовский период). Казань, 1915. С. 21.

⁷⁷⁸ Там же. С. 25–26.

⁷⁷⁹ Антология мировой философии. Т. 1. С. 245–296.

⁷⁸⁰ Маковельский А. Досократики. Ч. 2 (Элеатовский период). Казань, 1915. С. 31–32.

Как уже отмечалось, в древности в качестве конкретного образа гармонии фигурировало не только музыкальное созвучие, но и шар, окружность – геометрические образы. «Круговое движение, – писал Аристотель, – первое прямолинейного: оно проще и более совершенно... А совершенное первое несовершенного и по природе, и по понятию, и по времени, также как негибнущее первое гибнущего»⁷⁸¹. Обращаясь специально к анализу понятия «совершенное», Аристотель выделяет три аспекта его смысла: «1) Совершенным называется то, вне чего нельзя найти хотя бы одну его часть...; 2) то, что по достоинствам и ценности не может быть превзойдено в своей области...; 3) то, что достигло хорошего конца...»⁷⁸². Взятые в совокупности, они довольно полно характеризуют понятие гармонии, сформулированное самим же Аристотелем⁷⁸³.

«Совершенное» и «единое» соответствовало понятию «гармоничное» и в ареопагитиках. Фома Аквинский также не различал понятий «гармония» и «совершенное». Отсюда видно, что отношение Спинозы к гармонии не однозначно. Он был против мистики в понимании гармонии, но он стоял за доказательный подход к этой проблеме, предпочитая, однако, понятию «гармония» понятие «совершенство»⁷⁸⁴.

Отношение Спинозы к учению о гармонии оказывается, таким образом, аналогичным отношению Фейербаха к материалистическому учению.

Отправным пунктом спинозовского учения о мире является триединое понятие «бог-субстанция-природа». Эту, пребывающую в трех ипостасях первооснову мира, Спиноза представлял бесконечным совершенством. Бог «есть существо», о котором утверждается, что оно есть все или имеет бесконечные атрибуты, из которых каждый в своем роде бесконечно совершенный»⁷⁸⁵. «Всякая субстанция в своем роде должна быть бесконечно совершенна»⁷⁸⁶. «Природа, которая не происходит ни от какой причины и о которой мы знаем, что она существует, необходимо должна быть совершенным существом»⁷⁸⁷. Сближая, а точнее, сливая в единое нерасторжимое целое такие традиционные, резко различавшиеся начала, как субстанция, природа, бог, Спиноза, казалось бы, тем самым вынуждался полностью отказаться от идеи согласно которой гармония, есть «согласие разногласного» (Филолай). Но он этого все-таки не сделал, ограничившись заменой термина «гармония» более или менее равнозначным по смыслу термином «совершенное».

Основанием для сближения указанного триединого начала Спиноза полагает соответствие каждого из них принципу *causa sui*. «Можно доказать существование бога, – пишет Спиноза, – *a priori* и *a posteriori*. Даже лучше *a priori*, ибо вещи, которые мы доказываем таким способом, мы должны выводить из внешних причин, что указывает на их очевидное несовершенство, поскольку они не могут быть познаны из себя самих, но только из внешних причин. Бог же – первая причина всех вещей, а также причина самого себя – познается из себя самого. Поэтому немного стоят слезы Фомы Аквинского о том, что бог не

⁷⁸¹ Аристотель. Физика. С. 166–167.

⁷⁸² Аристотель. Метафизика. Т. 1. С. 169.

⁷⁸³ Аристотель. Физика. С. 14.

⁷⁸⁴ Эйнштейна однажды спросили: «Вы верите в бога?» – «Я верю в бога Спинозы, который постигается в гармонии всего сущего», – был ответ ученого, который стоит того, чтобы принять его во внимание при рассмотрении роли Спинозы в истории учения о гармонии. (Зоммерфельд А. Пути познания в физике. М., 1973. С. 183.)

⁷⁸⁵ Спиноза Б. Избр. произведения. Т. 1. С. 82.

⁷⁸⁶ Там же. С. 82–83.

⁷⁸⁷ Там же. С. 87.

может быть доказан а priori, ввиду того, что он как бы не имеет причины»⁷⁸⁸. Значит, согласно Спинозе, одним из определяющих признаков совершенства выступила независимость сущности данного явления от внешних условий, причем предпосылка такой независимости – безграничность. «Нет ограниченной субстанции, всякая субстанция в своем роде должна быть бесконечно совершенной именно потому, что в бесконечном разуме бога ни одна субстанция не может быть совершеннее, чем она имеется уже в природе. Нет двух равных субстанций, одна субстанция не может произвести другой. В бесконечном разуме бога нет субстанции, которая не существовала бы в природе формально»⁷⁸⁹. Таким образом, Спиноза со всей определенностью утверждал, что понятие совершенства зиждется на вполне объективных основаниях.

Особенностью спинозовского понимания субстанции является признание ее совершенства в качестве одного из присущих ей модусов. Совершенство не есть результат акта творения, оно не привносится извне, а представляет собой необходимое следствие совершенства присущих субстанции атрибутов. «Что сотворено, – разъясняет свою мысль Спиноза, – никоим образом не может происходить из ничего, но необходимо должно быть сотворено тем, кто действительно существует. Но то, что от действительно существующего произошло нечто, чего он тем не менее не содержал бы, – несмотря на то, что оно произошло от него, – этого мы не можем понять нашим умом. Наконец, если мы захотим искать причину субстанции, которая является принципом вещи, происходящей из ее атрибута, то мы должны искать опять причину этой причины, и так далее до бесконечности. Поэтому, если мы необходимо где-либо остановимся, ибо мы должны сделать остановку, то нам необходимо придется остановиться на этой единственной субстанции»⁷⁹⁰. Отсюда видно, что совершенство выступает у Спинозы как определенное состояние объективной реальности. Поскольку Спиноза из области реального не исключает и того, что причиной своего существования имеет не себя, а нечто иное, внешнее, то постольку не всякая реальность отвечает условиям совершенства.

При анализе воззрений Спинозы, прямо или косвенно относящихся к проблеме гармонии, необходимо учитывать и ту оценку положений Спинозы о внутренних основаниях развития мира, которая дана Энгельсом. «Для греческих философов, – пишет Энгельс, – мир был по-существу чем-то, возникшим из хаоса, чем-то развившимся, чем-то ставшим. Для естествоиспытателей рассматриваемого нами периода (имеется в виду первая половина XVIII в. – В.М.) он был чем-то окостенелым, неизменным, а для большинства чем-то созданным сразу... Нужно признать величайшей заслугой тогдашней философии, что несмотря на ограниченность современных ей естественнонаучных знаний, она не сбилась с толку, что она, начиная со Спинозы... настойчиво пыталась объяснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего»⁷⁹¹.

Взгляд на гармонию как на процесс специфического внутреннего развития, формировавшийся еще в античной философии в материалистическом учении Спинозы, получил крайне необходимую ему поддержку. Важность такого подхода видна из того, что не только Фома Аквинский, но и некоторые ученые, например, Кеплер, творцом гармонии считали бога. Спиноза, подчеркнув (функциональную) зависимость последующего от предыдущего, тем самым оказал полезное содействие делу научного исследования гармонии.

⁷⁸⁸ Там же. С. 81–82.

⁷⁸⁹ Там же. С. 82–83.

⁷⁹⁰ Там же. С. 84–85.

⁷⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 350.

Однако непреодолимой преградой в подлинно диалектическом подходе к проблеме гармонии для Спинозы оказался вопрос о противоречиях.

Представления о единой субстанции, бесконечной в ее абсолютном совершенстве, по мнению Спинозы, несовместимы с представлением о ее внутренней противоречивости. Он считал, что совершенство не может быть противоречивым. «Если бы бог не мог сотворить всего, что сотворимо, то это противоречило бы его всемогуществу, но нисколько не противоречит его всемогуществу, что он не мог сотворить того, что противоречиво в самом себе; это то же, что сказать, что он все сотворил и все-таки мог бы сотворить более»⁷⁹². Так Спиноза объясняет отсутствие внутренних противоречий в природе, чем, по-видимому, и объясняется предпочтение, которое им отдано понятию «совершенства» перед понятием «гармонии». Отказ от признания объективности противоречий приводит Спинозу к отказу от признания объективности связи части и целого. «Часть и целое, – пишет Спиноза, – не истинные или действительные существа, а простые мыслимые существа, и потому в природе нет ни целого, ни частей»⁷⁹³. Спиноза твердо стоит за «единство, которое мы видим повсюду в природе. Если бы в природе существовали различные существа, то одно не могло бы объединиться с другим»⁷⁹⁴. Вот как обосновывает Спиноза отсутствие разнообразия.

Именно в силу непонимания противоречивой природы материи Спиноза остался на стороне той «новой философии», которая «все более и более погрязала... в так называемом метафизическом способе мышления»⁷⁹⁵.

Однако о роли Спинозы в развитии понимания гармонии надо судить не только по слабым сторонам его учения. Исходя из представления, что «сила и мощь природы суть самая сила и мощь бога, а законы и правила природы суть сами решения бога»⁷⁹⁶, следует вывод, что гармония законов познания и законов природы представляет собой не чудо, а естественную необходимость. «Законы природы (включающие в себя и законы познания – *В.М.*), столь совершенны и плодотворны, что к ним ничего придать и ничего отнять нельзя, и, наконец, что чудеса только благодаря людскому незнанию кажутся чем-то новым»⁷⁹⁷, – резюмирует Спиноза свое понимание гармонии между природой и познающим ее человеком.

Теоретическое наследие Спинозы имеет в интересующем нас плане не только исторический интерес. Его идеи о диалектике необходимости и свободы, сущности и существования, об отношениях между предыдущим и последующим состояниями субстанции, о единстве, целостности и бесконечности мира, сыгравшие важную роль в развитии материалистического миропонимания, представляют собой нужный шаг в направлении научного решения проблемы гармонии. Однако при всей важности идей Спинозы для более глубокого понимания гармонии, они не могли восполнить отсутствие концептуальной трактовки гармонии, в которой ощущалась довольно острая потребность. В этих условиях появление концепции гармонии Лейбница должно было, по замыслу ее автора, указанный пробел устранить.

Лейбницу в истории учения о гармонии принадлежит и в самом деле заметное место. Как никто до него, Лейбниц прямо и твердо отстаивает идею о том, что гармония представляет собой важный объект философского исследования; исходя из этой идеи, он

⁷⁹² Спиноза Б. Избр. произведения. Т. 1. С. 85.

⁷⁹³ Там же. С. 87.

⁷⁹⁴ Там же. С. 86.

⁷⁹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 20.

⁷⁹⁶ Спиноза Б. Избр. произведения. Т. 1. С. 90.

⁷⁹⁷ Спиноза Б. Избр. произведения. Т. 2. С. 103.

пишет свою «Теодицею»; идеей гармонии Лейбниц руководствовался и при написании других своих сочинений.

Говоря об особенностях, основном содержании и значении лейбницевого понимания гармонии, необходимо остановиться на каждом из этих аспектов отдельно.

Когда речь заходит о том, что отличает концепцию гармонии Лейбница от прежних взглядов на гармонию, то обычно – как это делали Бейль, Вольтер, Кант и другие – указывают на то, что Лейбниц исходил из тезиса о предустановленном характере гармонии. В том, что Лейбниц представлял гармонию как некоторое состояние, заранее предопределенное богом, сомневаться не приходится. Сам Лейбниц об этом говорил так: «Преднамеренное устройство планет и животных более чем что-либо другое подтверждает мою систему предустановленной гармонии»⁷⁹⁸, или: «бог заранее все навсегда упорядочил». Но ведь этот, разумеется, телеологический подход не нов. Все теологи, да и не только теологи, говорили то же самое задолго до Лейбница.

Телеология, возникновение которой восходит к античному времени, одним из своих принципов всегда считала предустановленность, а потому Лейбниц в этом вопросе шел лишь вслед за мыслителями, повторяя их ошибки.

Подлинную особенность лейбницева концепции «предустановленной гармонии» надо искать, – как полагал Фейербах, – в особенностях того смысла, который вкладывался философом в само понятие «предустановленный». «Выражение “preetable” (“предустановленный”), – писал Фейербах, – не включает в себе ничего метафизически определенного. Злосчастное “заранее” или “наперед” скорее есть не что иное, как просьба, обращенная к мысли, не продолжать своего анализа до конца, дабы не прийти к конечной остановке рассудка»⁷⁹⁹.

Согласуется ли такой вывод Фейербаха с написанным по этому вопросу самим Лейбницем? – Можно со всей определенностью ответить – согласуется. «Всякая вещь, – цитирует Лейбница Фейербах, – идеальным способом, или по идее (а идея и составляет сущность вещи или представляет ее), до того, как она стала существовать, содействовала решению, которое божество приняло относительно существования всех вещей... Каждая монада в божественных идеях обоснованно требует, чтобы бог принял ее во внимание при первоначальном упорядочении остальных монад... Сравнивая две одинаковые субстанции, бог в каждой находит основание, побуждающее его связать одну субстанцию с другой»⁸⁰⁰.

Поскольку согласно этому разъяснению первый импульс на пути к гармонии исходит не от бога, а от монады, обращающей свое требование, свою заявку на гармонию к богу, и поскольку сущностью монады является идея, то в свете всего этого выходит, что концепция, именуемая предустановленной, фактически является самой обыкновенной идеалистической концепцией. Богу в концепции Лейбница отведена никак не большая роль, чем у Аристотеля и Николая Кузанского, Бруно и Ньютона в аналогичных ситуациях. В том, что бог в концепции Лейбница играет роль обязательной в ту пору дани традиции, можно еще раз убедиться, если обратиться к его высказыванию о некоей роли бога, будто бы имеющей место лишь в «начале вещей», а где это «начало», автор идеи непрерывности всего существующего, разумеется, не указал и указать не мог.

⁷⁹⁸ Лейбниц Г.В. Теодицея // Вера и разум. 1887. № 13. С. 45.

⁷⁹⁹ Фейербах Л. История философии // Фейербах Л. Собр. произв.: в 3 т. Т. 2. М., 1967. С. 223.

⁸⁰⁰ Там же. С. 224.

Характеризуя свою собственную концепцию гармонии, Лейбниц решительно подчеркивал: сознательно допускается здесь сверхъестественное только в «начале вещей, в отношении к первому формированию животных или в отношении к первоначальному установлению предустановленной гармонии между душой и телом: после же того, как это совершилось я признаю, что формирование животных и соотношение между душой и телом является делом столько же естественным, как и другие естественные действия самые обыкновенные»⁸⁰¹. Яснее, кажется, трудно сказать.

Конечно, в условиях, когда наука не могла еще объяснить ни возникновения явлений, ни их последующего развития, ссылка на бога призвана была восполнить эту зияющую пустоту. Правда, к тому времени идея спонтанного зарождения организмов имела не мало сторонников, среди которых можно назвать Фалеса, Платона, Эпикура, Демокрита, Цицерона, Плутарха, Августина, Фому Аквинского, Дамиани, Коперника, Галилея, Гарвея, Ф. Бэкона, Декарта, Спинозу. Однако имевшиеся тогда материалистические, а тем более идеалистические интерпретации не могли удовлетворить Лейбница.

Отсюда видно, что наличие в концепции гармонии Лейбница ссылок на бога – не столько вина автора, сколько его беда. Поэтому несмотря на наличие авторских деклараций, кстати дающих возможность рассматривать лейбницеvскую «систему предустановленной гармонии» и как концепцию теологическую, а также и как атеистическую, судить о ее подлинном характере следует не по декларациям, а по характеру содержащихся в ней теоретических положений.

Согласно провозглашенным замыслам Лейбница, убедительное свидетельство того, что в мире наличествует гармония, должно было бы служить неопровержимым свидетельством бытия бога. Однако выполнял этот замысел автор «системы предустановленной гармонии» без должного в таком трудном деле рвения. «Популярное представление об особом внемировом существе, вступающем во внешнюю, механическую связь с вещами; бросает здесь, как и в других пунктах, тень на метафизику Лейбница, по существу весьма глубокую; но эта тень не затрагивает существа его философии. Лейбниц считался с теологией своего времени, но так, как умный, образованный человек с чувством своего превосходства считается с дамой и в беседе с ней переводит свои мысли на ее язык, делая даже парафразы; к сожалению, правда, нельзя отрицать того, что это... (почтительное отношение) к теологии сопровождалось внутренними и бесспорно весьма отрицательными последствиями для его философии»⁸⁰². Так характеризует отношение Лейбница к теологии Фейербах в принадлежащем ему «Изложении, развитии и критике философии Лейбница». Можно к этому добавить, что если Бейль, Вольтер, Кант, а в наше время Рассел, критикуя Лейбница за уступки теологии, отвергают при этом и всю концепцию «предустановленной гармонии», то материалист Фейербах, выступающий против идеалистической интерпретации гармонии, считает, однако, возможным поддержать и развить имеющийся в ней рациональный аспект.

Философия Лейбница, и, в частности, содержащиеся в ней диалектические идеи, высоко ценили и классики марксизма. Маркс в письме к Энгельсу от 10 мая 1870 г. писал о своем «преклонении перед Лейбницем», на что обратил внимание Ленин⁸⁰³.

⁸⁰¹ Лейбниц Г.В. Теодицея // Вера и разум. 1887. № 15. С. 46.

⁸⁰² Фейербах Л. История философии // Фейербах Л. Собр. произв.: в 3 т. Т. 2. М., 1967. С. 223.

⁸⁰³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 68.

Переходя к рассмотрению тех представлений Лейбница, в которых выражено его понимание гармонии, следует отметить, что круг входящих сюда вопросов достаточно большой. Здесь получили свое толкование объективность и универсальность гармонии, выражение гармонии с помощью категорий сущность, свобода, необходимость, разнообразие, единство, непрерывность и некоторых других, среди которых наибольшую значимость имеет предложенное Лейбницем доказательство объективности и универсальности гармонии. «Предустановленная гармония» Лейбница, – пишет И.С. Нарский, – оказывается одним из принципов его метода⁸⁰⁴. Фундаментальной идеей, на которой зиждется концепция Лейбница, является эмпирический факт всеобщей связи явлений. «Все находится в связи в каждом из возможных миров; Вселенная, какова бы она ни была, в своей совокупности есть как бы океан; малейшее движение в нем распространяет свое действие на прямое отдаленное расстояние, хотя это действие становится менее чувствительным по мере расстояния»⁸⁰⁵. Уверенность в объективности провозглашенного им принципа всеобщей взаимосвязи Лейбницу придавали не только наблюдаемая эмпирия, но и строго обоснованные законы Ньютона. Гармония, согласно представлениям Лейбница, есть нечто такое, что устанавливает именно такую связь. «Гармония, – подчеркивал Лейбниц, – производит связь будущего с прошедшим и настоящего с ненастоящим. Первый вид связи объединяет времена, а второй – места»⁸⁰⁶. В итоге можно сказать, что гармония, по мнению Лейбница, является свойством материи, поскольку она обладает пространственно-временными свойствами.

Разумеется, будучи идеалистом, Лейбниц не был склонен уделять много внимания обоснованию объективности гармонии, поскольку как раз в этом вопросе в его концепции имелось замеченное еще Кантом серьезное внутреннее противоречие: гармония вещей – свидетельство бытия бога, а бытие бога – причина гармонии. Гораздо большее внимание Лейбниц уделял обоснованию тезиса о всеобщем характере гармонии.

Существует много прямых высказываний Лейбница о том, что гармония не знает исключений. Она присуща органическому и неорганическому миру, всему физическому и всему духовному, включая отношения между ними. Отвечая на возражения Бейля, отрицавшего всеобщность гармонии, Лейбниц писал: «нет ни одного основания, почему бы была невозможна эта всеобщая гармония, в силу которой всякая субстанция точно выразит другие субстанции, путем отношений, какие она имеет к ним»⁸⁰⁷. Исходя из принципа непротиворечивости мира, Лейбниц, в отличие от Ньютона, не считал возможным допускать существование пустого пространства, поскольку «полнота мира» дает больше возможностей для более ясного и непротиворечивого объяснения Вселенной. «Так как все наполнено (что делает всю материю связною) и так как в наполненном пространстве всякое движение производит некоторое действие на удаленные тела, всякое тело чувствует все, что совершается во Вселенной, так что тот, кто все видит, мог бы в каждом теле прочесть, что совершается повсюду, и даже то, что совершилось или еще совершится, замечая в настоящем то, что удалено по времени и месту; все дышит взаимным согласием, как говорил Гиппократ,

⁸⁰⁴ Нарский И.С. Готфрид Лейбниц. М., 1972. С. 137.

⁸⁰⁵ Лейбниц Г.В. Теодицея // Вера и разум. 1888. № 3. С. 122.

⁸⁰⁶ Лейбниц Г.В. Теодицея // Вера и разум. 1887. № 13. С. 50.

⁸⁰⁷ Лейбниц Г.В. Монология // Лейбниц Г.В. Избр. философ. соч. Труды Моск. психол. общ-ва. Вып. IV. М., 1908. С. 354.

*symphonia panta*⁸⁰⁸. Отсюда видно, что Лейбниц, развивая свою концепцию, говорил именно о всеобщности гармонии.

Надо сказать, что утверждение о всеобщем характере гармонии, взятое в своем прямом смысле, должно означать отсутствие явлений, не наделенных гармоничностью. «Не вижу, – писал Лейбниц, – почему бы вечному осуждению не быть в согласии с гармонией вещей. Может случиться, что осуждение окажется бесконечным по продолжительности, но – определенным, и согласие этого с гармонией вещей можно доказать»⁸⁰⁹. Выходит, что Лейбниц стоит за *harmonia panta*?

В то же время Лейбниц не мог не знать, что признание гармонии абсолютным свойством всех без исключения явлений, делает само понятие гармонии в силу приписанной ему необъятной смысловой широты малосодержательным. И потому он стремится избавить понятие гармонии от выхолащивания.

Гармонию вещей Лейбниц понимает как принцип, в силу которого существует как можно более сущности и все является взятым, так сказать, предельно, ибо для того, чтобы нечто существовало так, а не иначе, имеется наибольшее основание⁸¹⁰. Лейбниц говорил об этом так: «Обдумав дело надлежащим образом, я в качестве принципа устанавливаю гармонию вещей, т.е. что существует как можно больше сущности. Следовательно, имеется больше основания для существования, чем для несуществования, и все, раз оно могло быть, есть самое предельное. Ибо раз нечто существует, и раз не могло бы существовать все возможное, то, значит, существует то, что больше всего включает сущности, так как нет никакого другого основания для выбора и для исключения остального»⁸¹¹. Лейбниц таким образом является одним из первых, кто пытался решить вопрос о разделении гармоничного и негармоничного на основе надлежащего критерия. Выдвигая в качестве критерия в таком разделении меру сущности, Лейбниц тем самым отделил себя от Гиппократы, утверждавшего пансимфонизм. По Лейбницу, тезис «пангармонизма», если бы таковой выдвигался, представлялся несостоятельным.

Другое ограничение, накладываемое Лейбницем на носителей гармонии, состоит в том, что гармоничным не может быть нечто, существующее лишь в возможности. Значение этого положения состоит в том, что, поскольку переход возможности в действительность представляет собой необходимое звено развития, то, следовательно, проблема движения от негармоничного к гармоничному оказывается лишь частью проблемы развития.

Сам Лейбниц относит проблему связи гармонии и развития, наряду с вопросом о свободе и необходимости, к числу не только наиболее важных, но и теоретически трудноразрешимых. «Есть два знаменитых лабиринта, в которых наш ум часто блуждает, – пишет Лейбниц. – Один касается великого вопроса о свободе и необходимости, преимущественно же происхождения и начала зла; другой состоит в соображениях о непрерывности и неделимых предметах, составляющих, по-видимому, элемент этой непрерывности, куда должно входить также исследование и о бесконечном. Первый лабиринт запутывает почти весь род человеческий, второй же затрудняет одних только философов»⁸¹². Лейбниц хорошо видел, что гармония представляет собой состояние, вид отношения, достигаемое в процессе движения от старого к новому, т.е. в условиях развития.

⁸⁰⁸ Там же. С. 355.

⁸⁰⁹ Лейбниц Г.В. Элементы сокровенной философии о совокупности вещей. Казань, 1913. С. 39.

⁸¹⁰ Там же. С. 29.

⁸¹¹ Там же. С. 29.

⁸¹² Лейбниц Г.В. Теодицея // Вера и разум. 1887. № 15. С. 26.

«Гармония производит связь будущего с прошедшим, и настоящего с ненастоящим. Первый вид связи объединяет времена, а второй – места»⁸¹³. Данное высказывание Лейбница делает более понятным его замечание, что идея предустановленной гармонии могла бы найти свое место в учении Декарта о естественном происхождении Вселенной, если бы последний «вместо того, чтобы дробить материю и изобретать разные пути образования Солнца, неба и Земли, руководствовался бы в своей картине мироздания законом сохранения направления движения. – Если бы Декарт знал этот закон, – писал Лейбниц, – он пришел бы к моей системе предустановленной гармонии»⁸¹⁴. Тезис Лейбница о направленном характере процесса развития, конечно, дает возможность ближе подойти к выяснению специфики гармонического развития, если, разумеется, при этом не абсолютизировать саму эту направленность. Хотя он сам на такой абсолютизации не настаивает, однако, в своей полемике с Декартом, признававшим равноправие двух начал дал, некоторый повод для понимания смысла своей «предустановленной гармонии» в духе именно абсолютизации сохранения направления движения.

Не соглашаясь с Декартом в том, «что душа может изменять направление тел», Лейбниц объясняет заблуждение своего предшественника тем, что «в его время не знали закона природы, по которому в материи существует... сохранение одного и того же направления в целом»⁸¹⁵. Правда, упомянутый здесь Лейбницем «закон природы» остается неизвестным даже современной науке, если, разумеется, в качестве такового не иметь в виду галилеевский принцип инерции или более поздний закон возрастания энтропии. Поэтому не случайно при изложении своей концепции Лейбниц в качестве отправного пункта принимает не этот «закон природы», а своеобразно им истолкованную категорию сущности.

Связав таким образом проблемы гармонии и сущности, Лейбниц при этом стремится рассматривать их в рамках общих идеалистических взглядов на природу сущности, поскольку с его точки зрения именно «идея и составляет сущность вещи».

Но было бы неверным считать, что «система предустановленной гармонии» была задумана Лейбницем только лишь как средство спасения идеалистического миропонимания. Наоборот, в данном случае, по-видимому, логичнее исходить из того, что к идеалистической трактовке сущности Лейбниц прибегает для избавления своей системы от внутренних противоречий, так как уязвимым пунктом всего учения о мире, и, в частности, учения о его движении оставался и для Лейбница вопрос об источнике движения. Выход из этого затруднения, в которое попадали многие философы и естествоиспытатели того времени, обычно искали прежде всего во всевозможных допущениях. Не избежал подобной участи и Лейбниц, хотя всегда считал себя противником той «философии, которая, – как он писал, – спасала явление тем, что выдумывала для них специально скрытые качества или способности, считавшиеся похожими на небольших демонов или домовых, способных выполнять беспрекословно все то, что они них требуют, – вроде того, как если бы карманные часы указывали время благодаря некоей часопоказывающей способности, не нуждаясь ни в каких колесиках, или как если бы мельницы мололи зерно, благодаря некоторой размалывающей способности, не нуждаясь в таких вещах как жернова»⁸¹⁶.

⁸¹³ Там же. С. 50.

⁸¹⁴ Лейбниц Г.В. *Монадология* // Лейбниц Г.В. Избр. философ. соч. Труды Моск. психол. общ-ва. Вып. IV. М., 1908. С. 360–361.

⁸¹⁵ Там же. С. 360–361.

⁸¹⁶ Лейбниц Г.В. *Новые опыты о человеческом разуме* // Антология мировой философии. Т. 2. С. 480.

Сам Лейбниц полагает, что ему удалось избежать указанных трудностей путем постулирования активности в качестве внутреннего свойства всякой субстанции. «Я утверждаю, – пишет Лейбниц, – что нельзя понять субстанций (материальной и нематериальной) в их сущности без всякой активности, что активность свойственна сущности субстанции вообще...»⁸¹⁷, что трудности, с которыми обычно сталкиваются, когда приходится «представлять себе нематериальную субстанцию... легко устранить (в значительной мере), перестав говорить о субстанциях, отделенных от материи, которых, по моему мнению, нигде не существует естественным образом»⁸¹⁸.

Отсюда видно, что в «системе предустановленной гармонии» Лейбница, решающая роль отводится активности, находящей свое выражение в идеалистически истолковываемой им сущности вещей. Именно этим путем Лейбниц и надеется избавиться от неминуемых внутренних противоречий не только «систему предустановленной гармонии», но и свою философскую систему в целом, краеугольным камнем которой, по его собственному признанию, является принцип непрерывности.

Опираясь на этот принцип, в данном случае представляющий собой всего лишь умозрительное обобщение односторонне подобранных фактов, Лейбниц видит свою цель в том, чтобы объяснить «изумительную предустановленную гармонию души и тела и даже всех монад или простых субстанций – учение, которое заменяет несостоятельную теорию о их взаимодействии...»⁸¹⁹.

Несовместимость гармонии и взаимодействия, с точки зрения Лейбница, обусловлена тем, что гармония будто бы представляет собой выражение идеи непрерывности, в то время как взаимодействия имеют своим результатом скачки. Но «ничего не происходит сразу, – пишет Лейбниц, – и одно из моих основных и наиболее достоверных положений это то, что природа никогда не делает скачков, я назвал это законом непрерывности»⁸²⁰.

«Не трудно, – пишет И.С. Нарский, – обвинить “предустановленную гармонию” в метафизичности, т.к. она утверждает всеобщую приспособленность вещей друг к другу без каких-либо противоречий. Мотив схождения и любви как бы заменяет принцип несхождения, различий и противоположностей... Каждая монада в ходе бесконечной истории своего существования разворачивает в себе только изначально присущее ей содержание, что и объясняет, между прочим, ориентацию автора этой концепции на трансформистское понимание органической эволюции, которое впоследствии выродилось в безусловно реакционный антиэволюционизм, но в XVII в. не лишено было прогрессивных моментов»⁸²¹. Полагая выраженный здесь подход к оценке «системы предустановленной гармонии» вполне приемлемым, считаем необходимым, со своей стороны, подчеркнуть, что в развитии философских представлений о гармонии Лейбницу по праву принадлежит выдающаяся роль. Именно Лейбниц возродил в полной мере объем понятия гармонии, почти совсем захиревшего в течение тысячелетнего господства средневековой теологии и в учении о данном явлении.

Важность усилий Лейбница по возрождению теоретических исследований проблемы гармонии особенно хорошо видна на фоне все-таки достаточно равнодушного отношения к ней Ньютона и отчетливо скептического отношения Спинозы, пытавшихся, но так и

⁸¹⁷ Там же. С. 477.

⁸¹⁸ Там же. С. 480–481.

⁸¹⁹ Там же. С. 471.

⁸²⁰ Там же. С. 472.

⁸²¹ Нарский И.С. Готфрид Лейбниц. С. 138, 141.

неосуществивших своего намерения, заменить понятие гармонии в одном случае понятием закона, в другом – понятием совершенства. Лейбниц убедительно показал, что понятие гармонии отражает вполне определенную область реальности, в чем с ним можно полностью согласиться, хотя ему и оказалось не по силам установить научно строгую границу между гармоничным и негармоничным. Однако его аргументы в пользу объективности гармонии, еще и теперь оставаясь необходимым активом учения о гармонии, продолжают стимулировать научную разработку остающейся во многом дискуссионной проблемы гармонии.

Лейбниц рассмотрел и ряд других важных вопросов. Так, в его представлении гармония есть не что иное, как такая последовательность состояний того или иного объекта, в которой получают свое последовательное выражение наиболее существенные черты последнего, поскольку сущность объекта «не может с одного раза раскрыть в себе все свои изгибы, ибо они идут до бесконечности»⁸²². Гармония здесь выступает в качестве формы самораскрытия сущности. Правда, признание второстепенной роли отношений между монадами в «системе предустановленной гармонии», в отличие от признания первостепенности отношений между состояниями одной и той же монады, проистекает из его идеалистического и иерархического принципа миропонимания; назначением первого вида отношений – отношения между монадами – является отражательная функция (каждая монада лишь отражает все другие, являясь «постоянным живым зеркалом Вселенной, но не может иметь физического влияния на внутреннее бытие другой»), отношение между состояниями носит функциональный характер и представляет собой движение монады за счет внутренне присущей ей активности от более низкой степени совершенства к более высокой и в этом, по мнению Лейбница, реализуется «право» на существование каждого мира, определяемое в свою очередь «мерой совершенства, которое он заключает в себе».

Отсюда видно, что понятие «совершенного», приверженцем которого был Спиноза, не чуждо и Лейбницу, и что, с точки зрения Лейбница, гармония есть такое движение к совершенству, которое происходит за счет внутренне присущей явлению (монаде) активности при сохранении направления непрерывных изменений его состояний. «В силу своей гармонии, – писал Лейбниц, – вещи ведутся к благодати собственными путями природы и наш земной шар, например, должен быть разрушаем и восстанавливаем естественными путями»⁸²³. Нельзя не признать, что в данном случае Лейбниц, не покидая своей позиции в вопросе о фундаментальности принципа непрерывности, делает существенный шаг в направлении к диалектике. «Всякая машина природы в отдельности, – писал он Кларку, – подвержена разрушению; однако это не относится ко Вселенной в целом, совершенство которой не может убывать»⁸²⁴. Отмечая положительный вклад Лейбница в учение о гармонии, необходимо учитывать, что развиваемая им концепция гармонии все-таки была идеалистической. Лейбниц нанес своей системе непоправимый удар именно тем, что для него «материя, – по меткой характеристике В.И. Ленина, – нечто вроде инобытия души или киселя, связующего их (монады – *В.М.*) мирской, плотской связью»⁸²⁵.

3. УКРЕПЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ГАРМОНИИ ИДЕЯМИ ДИАЛЕКТИКИ

⁸²² Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме // Антология мировой философии. Т. 2. С. 459.

⁸²³ Лейбниц Г.В. Избр. философ. соч. Труды Моск. психол. общ-ва. Вып. IV. М., 1908. С. 363.

⁸²⁴ Полемика Г. Лейбница и С. Кларка по вопросам философии и естествознания. Л., 1960. С. 58.

⁸²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 69.

Новые теоретические достижения в представлениях о гармонии, ставшие возможными благодаря значительному прогрессу науки и философии, в особенности благодаря трудам Декарта и Ньютона, Спинозы и Лейбница, оказались настолько значительными, что теперь уже философы XVIII–XIX вв. не могли не отнестись так или иначе к ставшему популярным учению, в особенности к «системе преустановленной гармонии» Лейбница. Правда, отношение к ней не было однозначным. Одни из философов составили круг ортодоксальных последователей этой «системы», среди которых наибольшую активность проявляли Вольф и Баумгартен, другие образовали группу непримиримых ее противников, известнейшими из них стали Бейль и Вольтер.

Но была и третья группа, состоявшая из тех, кто критически относился только лишь к тезису Лейбница о предустановленности гармонии, но отнюдь не к учению о гармонии в целом. В числе сторонников последнего направления прежде всего необходимо выделить Канта, Гегеля и Фейербаха, сообщивших учению о гармонии новый импульс.

Отмечая роль Канта в развитии теоретических воззрений относительно природы гармонии, необходимо отметить, что он, как и Лейбниц, исходит из того, что гармония представляет собой объектное явление, встречающееся во всех областях действительности – в неживой и живой природе, человеческом обществе, включая сферу духовной деятельности людей. Однако отсюда не следует, что к проблеме гармонии Кант подходит будто бы как материалист.

Кант не упускает ни одного случая, чтобы показать насколько незыблима его вера в бога и его мудрость. «Я столь убежден в непогрешимости божественных истин, – писал Кант во “Всеобщей естественной истории и теории неба”, – что если бы признал этот упрек (которого, как полагает автор, может заслужить со стороны религии сама тема произведения – *В.М.*) основательным, то счел бы все, что им противоречит, вполне опровергнутым ими... Но именно то согласие, которое я нахожу между моей системой и религией, возводит мою уверенность перед миром всех трудностей до степени неустрашимого спокойствия»⁸²⁶. Неубедительность этой декларации ранее всех увидел сам Кант, что и вынуждало его к новым заверениям о своей лояльности к богу, отчего сомнения в их истинности еще более возрастали. «Защитник религии, – писал Кант, – опасается, что та гармония, которую можно объяснить естественными свойствами материи, может доказать независимость природы от божественного провидения. Он открыто признает, что если можно найти естественные причины всего порядка мироздания, способные породить этот порядок из самых общих и существенных свойств материи, то нет надобности ссылаться на верховное миропонимание. У натуралиста свои соображения, по которым он не хочет оспаривать это предположение... Он осмысливает приметы, доказывающие плодотворность всеобщих законов природы по их совершенно гармоническим результатам»⁸²⁷. Легко заметить, что аргументы, которые могли бы быть выдвинуты против религиозных допущений и которые Кант объявляет несостоятельными, на самом деле отличаются гораздо большей основательностью по сравнению с заявлением о «премудрости божией».

В связи с этим возникает вопрос – коль скоро Кант, как и Лейбниц, лишь декларирует свою приверженность религии, то не являются ли тождественными и их взгляды на гармонию? Факты не подтверждают этого предположения. Более того, подход Канта к проблеме гармонии существенно отличается от соответствующего подхода Лейбница. Выше

⁸²⁶ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 1. М., 1963. С. 118.

⁸²⁷ Там же. С. 119.

отмечалось, что носителем гармонии у Лейбница выступают некие изолированные, невзаимодействующие друг с другом монады. Носителями гармонии в кантовском понимании выступают субстанции, которые «могут подвергаться изменениям, лишь поскольку они связаны с другими, и их зависимость друг от друга определяет тогда взаимное изменение их состояния»⁸²⁸.

Поскольку именно связь в понимании Канта является определяющим условием гармонии («чем больше связи, тем больше гармонии и согласованности в мире»), то, следовательно, говорить о сходстве кантовской и лейбницевской трактовки гармонии не приходится. Да и сам Кант по этому поводу говорил так: «Мой принцип (имеется в виду принцип связи различных субстанций друг с другом – *В.М.*) совершенно опрокидывает... предустановленную гармонию Лейбница, но не так, как это обычно делается, – не по поводу конечных оснований..., а потому что она сама внутренне невозможна»⁸²⁹. Кант, как и Лейбниц, конечным основанием гармонии провозглашает бога; и как в лейбницевской «системе предустановленной гармонии» постулирование бога позволяет автору придать своей «системе...» заверченный вид, ту же роль выполняет постулат бога и в концепции гармонии, развиваемой Кантом.

Правда, согласно Лейбницу, гармония является непосредственной целью бога («бог заранее все навсегда упорядочил»), а у Канта гармония, будучи непосредственной целью природы, как цель бога выступает лишь постольку, поскольку природа наделена им мудростью. «Если принять во внимание, – писал Кант в своей диссертации, – что природа и вечные законы, управляющие взаимодействием субстанций, не самостоятельное начало, необходимое помимо бога; что именно согласие и стройность всего производимого природой по всеобщим законам в таком изобилии показывает, что сущность всех вещей должна происходить от одной основной сущности; что их постоянная взаимная связь и гармония обусловлены тем, что их свойства имеют своим источником единый высший разум, чья мудрая идея замыслила их бытие во всеобщих связях и укоренила в них ту способность, обладая которой они, хотя и представлены в своих действиях сами себе, производят одно лишь прекрасное и стройное, – если, говорю я, принять все это во внимание, то природа предстанет перед нами более достойной, чем она представляется обычно, и от ее эволюций можно будет ожидать только гармонии, только порядка»⁸³⁰.

В данном высказывании Кант, еще раз продемонстрировав всего лишь формальный характер своего отношения к «высшему разуму», как никто другой из его предшественников, совершенно определенно говорил о гармонии как результате эволюции самой природы. Таким образом выясняется, что хотя Кант и стремился не вступать в конфликт с теологией, однако объективное содержание его идей было настолько противоположно догмам теологии, настолько прочными узами связано с естествознанием, что было бы несправедливым не признать значительности вклада Канта в научную, диалектическую разработку проблемы гармонии.

Говоря об этом вкладе, необходимо прежде всего подчеркнуть, что, понимая гармонию как единство в многообразии, Кант достаточно тонко исследовал смысл последнего. Расширив пределы гармоничного до области возможного, что считалось недопустимым в концепции Лейбница, Кант сделал и другой шаг, идя навстречу

⁸²⁸ Там же. С. 304.

⁸²⁹ Там же. С. 72.

⁸³⁰ Там же. С. 227–228.

диалектическому пониманию гармонии. В сферу гармоничного Кантон включено не только необходимое, но и случайное.

По Канту, смысл гармонии выражается формулой – единство в многообразии, – первым автором которой был Аристотель. Но что именно заключает в себе эта формула, как надо ее раскрывать, – четкого ответа до Канта никто не дал. Выше говорилось, что выражением гармонии Кант считает связь, а поскольку выражением связи служит закон, то, следовательно, формула «единство в многообразии» означает, что различные явления подчиняются единому закону. Так, говоря о всеобщем тяготении, Кант отмечал, что оно «порождается той же самой связью субстанций, посредством которой определяется и само пространство, и, по-видимому, представляет собой самый первичный закон природы, которому подчинена вся материя»⁸³¹. Конечно, Кант и в понимании гармонии не является материалистом, поскольку, по его мнению, материальные отношения, физические влияния не играют определяющей роли в установлении гармонии, так как последняя становится фактом «лишь в силу связи, которой они (субстанции – *В.М.*) соединены между собой в представлении бесконечного существа...»⁸³². Именно таким образом, согласно Канту, «между вещами существует всеобщая гармония»⁸³³. Но в понимании гармонии Кант проявил себя не только как идеалист. В данном случае особенно важно подчеркнуть – подход Канта к решению проблемы гармонии был в значительной мере диалектическим.

Именно диалектика помогла Канту сделать вывод, что подлинной сущностью гармонии является реализация явлением заключенных в нем возможностей. И хотя Кант и здесь не упускает случая вспомнить о якобы определяющей роли «мудрости высшего разума», тем не менее логика фактов не дает ему возможности игнорировать вопрос о возможностях, присущих материальным вещам.

При рассмотрении вопроса о том, каким образом достигается единство многообразных явлений, и настаивая на определяющей роли бога, Кант вместе с тем признавал и то, «что не всякое совершенство природы искусственно, а что весьма полезные правила также связаны с необходимым единством и, что это соединение заложено в возможностях самих вещей»⁸³⁴.

Заслуживает также внимания и та трактовка, которую Кант дает «мудрости», как конечной причине гармонии. И здесь Кант, в свое время упрекавший Лейбница за то, что последний, пытаясь доказать реальность бытия бога, как на основной аргумент ссылался на наличие в мире гармонии, а когда надо было назвать причину гармонии, то указывал на бога, оказался и сам не в лучшем положении.

Гармония в качестве своей первопричины, по мнению Канта, имеет «мудрость творца», а выражением этой «мудрости» оказывается не что иное как та же гармония. «И вот если задать вопрос, – писал Кант, – как эти вещи природы (и вещи, единство которых представляет гармонию – *В.М.*) могут зависеть от такого существа, чтобы стало понятным их согласие с правилами мудрости, то я отвечу: они зависят от того в этом существе, что, заключая в себе основание возможных вещей, есть также основание его собственной мудрости; ибо мудрость вообще предполагает возможность»⁸³⁵.

⁸³¹ Там же. С. 313.

⁸³² Там же.

⁸³³ Там же.

⁸³⁴ Там же. С. 463.

⁸³⁵ Там же. С. 463.

Считая такую трактовку «мудрости» недостаточно ясной, Кант дополнил ее следующим комментарием: «Мудрость предполагает и единство. То существо, природа которого совершенно независима, может быть мудрым, лишь поскольку в нем содержатся основания даже такой возможной гармонии и таких совершенств, которые служат к его собственному раскрытию. Если бы в возможностях вещей не было такого отклонения к порядку и совершенству, то мудрость была бы химерой. Если же сама эта возможность не имела бы основания в мудром существе, то эта мудрость не могла бы быть независимой во всех отношениях»⁸³⁶.

Отсюда ясно, что Кант хорошо видел – смысл гармонии в реализации явлением присущих ему возможностей, но поскольку возможности заложены в сущности вещи, то, принимая во внимание позицию Канта в отношении между сущностью и явлением, становится понятным, что Канту было трудно обойтись без «мудрого существа».

Размышляя о свойствах гармонии, Кант анализировал вопрос, который Лейбниц решал с метафизических позиций, – это вопрос о том, необходимым или случайным явлением следует считать гармонию. Лейбниц, как выше показано, ответил на этот вопрос однозначно – гармоничное не может быть случайным. Кант в данном случае менее прямолинеен и более осторожен.

Содержанием гармонии Кант полагал связь, выражением общего в связях – закон, а потому, казалось бы, между ответом Канта и ответом Лейбница не должно быть разницы. В действительности же различие есть. В своих доказательствах необходимого характера гармонии Кант, как на конкретный факт проявления закономерного характера гармонии опирается на законы науки, законы Ньютона, принцип наименьшего действия Мопертюи и т.д. «Дабы показать, в каких отношениях к порядку и гармоничности находятся простые и весьма общие законы движения в силу необходимости самой их сущности (эта часть рассуждения Канта аналогична лейбницевскому пониманию – *В.М.*), я, – писал Кант, – бросил взгляд на незначительную часть природы, а именно на действия воздуха (Кант разбирает перед этим пример с терморегулирующей ролью воздуха в условиях пустыни, моря и его побережья – *В.М.*). Нетрудно заметить, что все бесчисленные устройства природы открыты передо мной в таком же смысле... В данный момент я упустил из виду нечто существенное, если бы не упомянул о важном открытии г-на Мопертюи, касающемся согласованности необходимых и самых общих законов движения»⁸³⁷. Кант, утверждая необходимый характер гармонии, обосновал это тем, что общность имеет своим следствием необходимость, причем большая общность влечет за собой большую необходимость. Но поскольку как бы ни было велико различие между материальными вещами, между ними всегда имеется та или иная общность, то, подлинной случайности не бывает, а потому сфера гармоничного, по мнению Канта, распространяется не только на необходимое, но она охватывает собой и область случайного. «Если случайность, – писал Кант, – понимается в реальном смысле, т.е. состоит в зависимости материальной стороны возможности от чего-то другого, то, очевидно, что законы движения и общие свойства материи, им подчиняющиеся, должны зависеть от некоторого великого, всеобъемлющего первосущества как основания порядка и согласованности. Ибо кто стал бы считать, что в большом многообразии, в котором отдельная вещь имела бы свою собственную, совершенно независимую природу, все, однако, по некоторой странной случайности устроилось как раз так, чтобы все

⁸³⁶ Там же. С. 463–464.

⁸³⁷ Там же. С. 432.

находилось в согласии со всем и обнаруживало бы в целом единство»⁸³⁸. Таким образом вопрос о связи проблемы гармонии с проблемой взаимосвязи случайного и необходимого решается Кантом в согласии с его общей диалектической позицией, на которой он стоял в области глобального развития.

Поскольку проблема гармонии исторически и логически обычно рассматривалась в связи с проблемой диалектических противоречий, то было бы целесообразным выяснить, как понимал подобную связь Кант. Наиболее отчетливо свое отношение к роли противоречий в гармоничных явлениях Кант выразил в критике Лейбница. Пожалуй, в понимании гармонии ни один другой вопрос так сильно не разъединял взгляды Лейбница и Канта как вопрос о противоречиях. Ведь именно непонимание роли и значения противоречий в развитии материального мира можно считать главной причиной того, что Лейбниц постулировал предустановленный характер гармонии. Коль творец позаботился заблаговременно о том, чтобы вещи были независимы друг от друга, то в этих условиях никаких противоречий быть не может. «По этой причине, – писал о взглядах Лейбница Кант, – в учении Лейбница принципом возможного общения между субстанциями не могло быть физическое влияние, а должна была быть предустановленная гармония»⁸³⁹.

Критический дух кантовской философии не способствовал, конечно, позитивному восприятию системы предустановленной гармонии Лейбница. Увлечение поиском антиномий затруднило Канту возможность дифференцированного подхода к тем идеям, которые в ней содержались, что было одной из причин тех трудностей, с которыми Кант не в состоянии был справиться при обращении к проблеме гармонии. Кант не сумел совместить традиционные представления о гармонии как некоторой противоречивой целостности со своим убеждением в глубокой раздвоенности объективного мира.

Однако независимо от своих субъективных намерений, Кант внес в представления о гармонии ценный вклад, вследствие чего разрыв между философским и научным пониманием гармонии заметно сократился. «Кант, разрушивший своей космогонической теорией основы теологии, исходившей из абсолютизации гармоничного порядка в природе..., продолжает с позиций своей субъективно-идеалистической философии традицию телеологии, сочетавшей идею целесообразной гармонии природы с представлением о ее эстетической ценности»⁸⁴⁰.

Особенности кантовского понимания гармонии нашли свое выражение также и в социологических воззрениях философа. Кант считал, что находящийся в согласии с «самим устройством человеческих склонностей... вечный мир», гарантируется самой природой человека, но надежность этой гарантии еще недостаточна для того, чтобы можно было теоретически точно предсказать время его наступления»⁸⁴¹. «Эту гарантию, – писал Кант, – дает великая в своем искусстве природа... в механическом процессе которой с очевидностью обнаруживается целесообразность, состоящая в том, чтобы осуществить согласие людей через разногласие даже против их воли»⁸⁴². Таким образом, Кант исходит из того, что движение от хаоса к гармонии, составляющее содержание процесса развития, осуществляется путем борьбы противоположностей, в процессе разрешения противоречия. Кант был против того, чтобы гармония представлялась как исключаящее противоречия

⁸³⁸ Там же. С. 433.

⁸³⁹ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 323.

⁸⁴⁰ Макаров М.Г. Категория «цель» в домарксистской философии. Л., 1974. С. 127.

⁸⁴¹ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 288.

⁸⁴² Там же. С. 259.

абстрактное чистое согласие. «Удивляешься, – писал Кант, возражая против попытки выводить нравственный закон из удовольствия, – как это разумным людям могло придти в голову выставлять стремление к счастью как всеобщий практический закон, исходя из того, что стремление к счастью, следовательно и максима, при помощи которой каждый ставит счастье определяющим мотивом своей воли, всеобщи. Так как в остальном всеобщий естественный закон все делает единогласно, то, если бы захотели максиме придать всеобщность закона, последовала бы самая крайняя противоположность единогласия, именно отчаянная контрверза и полное уничтожение самой максимы и ее намерений. Ибо воля всех тогда имеет не один и тот же объект, а каждый человек имеет другой (свое собственное благополучие), который может, правда случайно, уживаться с другими намерениями воли, но этого далеко недостаточно для закона, так как исключения, которые можно делать при случае, бесконечны и их совсем нельзя охватить определенным всеобщим правилом. Таким образом, получается гармония, подобная той, которую рисует известная пародия на душевное согласие двух кончающих собою супругов: 0, дивная гармония, чего он хочет, того и она хочет»⁸⁴³. Но, конечно, Кант понимал, что не всякая борьба, не всякий вид движения, не любое развитие ведут к гармонии, а только такие, результатом которых оказывается реализация развивающимся явлением всех заложенных в нем возможностей. «...Если только повсеместно обращать внимание на гражданское устройство, на его законы и на внешние политические отношения, поскольку они благодаря тому доброду, что содержалось в них, в течение долгого времени способствовали возвышению и прославлению народов (и вместе с ними также наук и искусств), в то время как то порочное, что было им присуще, приводило эти народы к упадку, однако, так, что всегда оставался зародыш просвещения, который развиваясь все больше после каждого переворота, подготовлял более высокую ступень совершенствования, то, я полагаю, – заключает Кант, – будет найдена путеводная нить, способная послужить не только для объяснения столь запутанного клубка человеческих дел или для искусства политического предсказания будущих государственных изменений... но и для открытия утешительных перспектив на будущее (надеяться на что, не предполагая плана природы, нет основания): когда-нибудь, не очень скоро человеческий род достигает наконец того состояния, когда все его природные задатки смогут полностью развиваться и его назначение на земле будет исполнено»⁸⁴⁴.

Итак, совершенный порядок, вечный мир, одним словом – гармония не представлялись Канту чем-то загадочным, мистическим, а были закономерным осуществлением в условиях свободного развития всех возможностей.

Применительно к гармонии общественной жизни Кант не упускал случая подчеркнуть проблематичность такой задачи. Даже идеал республиканского устройства представлялся ему практически достижимым лишь при значительном усечении понятия гармонии. «Республиканское устройство – единственное, вполне соответствующее праву людей устройство, но установить, а тем более, сохранить его до такой степени трудно, что по мнению многих, оно должно было бы быть государством ангелов, так как люди со своими эгоистическими склонностями не способны к столь возвышенному по форме устройству»⁸⁴⁵. Выход Кант видит в том, чтобы «направить силы этих склонностей таким образом, чтобы

⁸⁴³ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4, ч. 1. М., 1965. С. 343–344.

⁸⁴⁴ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 22.

⁸⁴⁵ Там же. С. 285.

каждая из них сдерживала разрушительное действие другой, или уничтожала его»⁸⁴⁶. В достижении социальной гармонии Кант видел и другую трудность. «Из той кривой тесины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого. Только приближение к этой идее вверила нам природа. Роль человека, – уточняет свою мысль Кант, – таким образом весьма сложна. Как обстоит дело с обитателями других планет и их природой, мы не знаем; но если мы это поручение природы хорошо исполним, то можем тешить себя мыслью, что среди наших соседей во Вселенной имеем право занять не последнее место. Может быть у них каждый индивид в течение своей жизни полностью достигает своего назначения. У нас это не так; только род может на это надеяться»⁸⁴⁷.

Хотя Кант и не считал, что достижение социальной гармонии противоречит объективным законам, однако на практике оно представлялось ему маловероятным.

Канту принадлежит также мысль о том, что для гармонического сложного целого необходимым условием является гармоническое простое.

При характеристике вклада Канта в учение о гармонии необходимо не только правильно понять природу скепсиса, адресуемого, главным образом, концепции «предустановленной гармонии» Лейбница, но и избежать другой крайности – представлять Канта чуть ли не основоположником научной теории гармонии. Между тем увлечение некоторых поклонников Канта приводит их к тому, что Канту начинают приписывать обнаружение гармонии там, где в действительности он изображает не гармонию, а разрыв сторон целого и противопоставление их друг другу.

Наглядным примером такой интерпретации при рассмотрении взглядов Канта на отношения между чувственным и логическим в познании может служить следующее рассуждение Виндельбанда: «Отношение гармонии между чувствительностью и рассудком окажется, очевидно, наиболее целесообразным для чистого созерцания; и целесообразность эту мы ощущаем в виде того чувства, руководясь которым мы называем предмет прекрасным. Но соединение интуитивной и сообразной с рассудком функции, как это тоже показала критика чистого разума в трансцендентальной аналитике, есть дело «способности воображения»; и потому именно последняя-то и заключает в себе почву, единственно на которой и может развиваться это гармоническое отношение. Красота есть та функция способности воображения, в которой интуиция и мышление находятся в полной гармонии друг с другом»⁸⁴⁸. В действительности Кант избегал квалифицировать отношение между чувственной и логической сторонами познания как гармонию, поскольку эту возможность он закрыл себе сам метафизическим противопоставлением сущности и явления как объекта познания.

Противоречивую, непоследовательную позицию Канта в понимании гармонии и особенности присущего ему истолкования данного явления убедительно показали Маркс и Энгельс, когда писали о том тупике, в котором оказался Кант в своих рассуждениях о перспективах социальной гармонии. «Кант успокоился на одной лишь “доброй воле”, даже если она остается совершенно безрезультатной, и перенес осуществление этой доброй воли, гармонию между ней и потребностями и влечениями индивидов, в потусторонний мир»⁸⁴⁹.

⁸⁴⁶ Там же.

⁸⁴⁷ Там же. С. 15.

⁸⁴⁸ Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Т. 2. СПб., 1905. С. 136.

⁸⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 182.

Важным этапам в развитии взглядов на гармонию являются идеи Гегеля. Отношение Гегеля в проблеме гармонии определялось, прежде всего, его общим подходом к философии прошлого. «Каждая система философии необходимо существовала и продолжает еще и теперь необходимо существовать: ни одна из них, следовательно не исчезла, а все они сохранились в философии как моменты целого... Принципы сохранились, новейшая философия есть результат всех предшествовавших принципов; таким образом, ни одна система философии не опровергнута. Опровергнут не принцип данной философии, а опровергнуто лишь предположение, что данный принцип есть окончательное, абсолютное определение»⁸⁵⁰. Этот подход к философскому наследию прошлого был полностью сохранен Гегелем и при анализе исторически сложившихся взглядов на гармонию.

Согласно Гегелю, движение философской мысли есть развертывание абсолютного духа – той исходной субстанции, законам которой соответствует развитие природы и общества. Поскольку Гегель рассматривал гармонию как качественное и количественное изменение сторон (противоположностей, в том числе старого и нового) динамического целого, то его взгляды на гармонию являлись органической частью созданной им философской системы.

Новое в гегелевском понимании гармонии состояло в признании им гармонии в качестве выражения наиболее адекватного проявления в природе и обществе диалектики развития абсолютного духа. Обращая внимание на то, что «в высшей степени важно уяснить себе, как следует понимать и познавать диалектическое», и подчеркивая, что диалектическое «является вообще принципом всякого движения, всякой жизни и всякой деятельности в действительности», что оно «есть тоже душа всякого истинно научного познания»⁸⁵¹. Гегель тем самым не мыслит гармонию как нечто свободное от требований тех законов, которые составляют суть самой диалектики. В отличие от Спинозы и Лейбница и даже от Канта, он без обиняков признавал, что проблема противоречий есть главная проблема в понимании гармонии. «Простое повторение одного тона не есть гармония, для гармонии требуется непременно различие, определенная противоположность, так как гармония именно и есть абсолютное становление, а не одно лишь изменение»⁸⁵².

Общий ход рассуждений Гегеля показывает, что практически носителем гармонии он считал конечное, которое гармонично лишь постольку, поскольку конечным (в смысле ограниченным) оно является по внутренним основаниям. Отношение таких противоположностей как жизнь и смерть – это тоже гармония... «Более строгое рассмотрение, – писал Гегель, – показывает нам, что конечное ограничивается не только извне, а снимается посредством своей собственной природы и само собой переходит в другое. Так, например, говорят: «человек смертен» и рассматривают смерть как нечто, имеющее свою причину лишь во внешних обстоятельствах, согласно этому способу рассмотрения, существуют два самостоятельных свойства человека: свойство быть живым и, кроме того, свойство быть смертным. Но истинное понимание состоит в том, что жизнь как таковая, носит в себе зародыш смерти и что вообще конечное противоречит себе внутри самого себя и вследствие этого снимает себя»⁸⁵³.

Следовательно, истинное существование у Гегеля представляет собой признак подлинной объективной диалектики. А что значит быть истинным в представлении Гегеля?

⁸⁵⁰ Гегель Г. Соч. Т. 9. М., 1930–1958. С. 40.

⁸⁵¹ Гегель Г. Соч. Т. 1. С. 133–135.

⁸⁵² Гегель Г. Соч. Т. 4. С. 251.

⁸⁵³ Гегель Г. Соч. Т. 1. С. 133–135.

Истинным предмет был тогда, когда он соответствовал своему понятию, т.е. его проявления соответствовали своему понятию (сущности). «Мы говорим, например, об истинном друге и понимаем под этим такого друга, способ действия которого соответствует понятию дружбы; точно также мы говорим об истинном произведении искусства. Неистинное означает в этих выражениях дурное, несоответственное самому себе. В этом смысле плохое государство есть неистинное государство. О таком плохом предмете, – заключал Гегель, – мы можем себе составить правильное представление, но содержание этого представления неистинно внутри себя»⁸⁵⁴.

Еще в учениях древних философов о гармонии одним из признаков последней считалось соответствие вещи как явления своей первооснове, своей сущности. И Гегель сохранил этот подход, перевернув, однако, говоря словами Маркса, вопрос «с ног на голову»⁸⁵⁵.

Другим признаком истинности Гегель считал целостность. «Истинное есть целое, но целое есть только сущность, завершающаяся через свое развитие»⁸⁵⁶. Поскольку конечное является относительно целым, то и гармоничность целого остается относительной.

Для Гегеля не было вопроса принимать или не принимать учение о гармонии. Вопрос состоял в другом: что именно можно принять и развить дальше, а от чего следует отказаться. Он категорически возражал против субъективизма в понимании гармонии, против произвольных конструкций гармонии, примеры чего видел прежде всего у Канта. «Добро, – писал Гегель, – которое признается конечной целью мира, с самого начала определяется в кантовском учении как лишь наше добро, как моральный закон нашего практического разума, так что единство не идет дальше согласованности между состоянием мира и совершающимися в нем событиями и нашей моральностью. Кроме того, даже с этим ограничением конечная цель – добро – есть неопределенная абстракция, каковой вынужден оставаться также и долг. Далее, Кант снова выдвигает против этой гармонии противоположность между субъективностью и объективностью, которая в содержании гармонии была уже объявлена неистинной, так что гармония между долженствованием и действительностью определяется Кантом как лишь субъективная гармония, которая должна быть, т.е. которая вместе с тем не обладает реальностью, как гармония, в которую верят, которая имеет лишь субъективную достоверность, а не истинность, т.е. как гармония, которой не присуща соответствующая идее объективность»⁸⁵⁷.

В своей полемике с Кантом, Гегель обращал внимание на коренной порок кантовской трактовки гармонии между добром и долгом, поскольку и то и другое, будучи лишенными определенности абстракциями, не обладают в силу этого объективным содержанием.

Отсюда видно, что Гегель настаивал на необходимости относиться к гармонии как объективному явлению. Некоторые попытки такого подхода к гармонии, обнаруженные им у Канта с точки зрения Гегеля, надлежащего развития не получили. «Постулируя гармонию природы (или необходимости) с целями свободы, которая мыслится им как конечная цель мира, Кант выдвигает идею, значительную также и по своему содержанию. Но леность мысли, как это можно назвать, доходя до этой высшей идеи, находит лазейку в долженствовании и вместо действительной реализации конечной цели цепко держится за

⁸⁵⁴ Там же. С. 57.

⁸⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 21.

⁸⁵⁶ Гегель Г. Соч. Т. 4. С. 10.

⁸⁵⁷ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. С. 180.

раздельность понятия и реальности»⁸⁵⁸. Конечно, в понимании Гегеля объективность гармонии мыслилась как соответствие некоторой реальной (материальной) действительности определенной идее, в данном случае идее гармонии.

Отстаивая идею гармонии и развивая дальше представления о ней, Гегель упрекал Канта в том, что тот не воспользовался возможностью увидеть «конкретную идею» гармонии, хотя, по мнению Гегеля, «наличие живых организмов в природе и прекрасного в искусстве уже показывает действительность идеала (идеи гармонии, – *В.М.*) даже чувству и созерцанию»⁸⁵⁹.

Синтезируя воззрения мыслителей прошлого относительно того, что такое гармония, Гегель говорил: «Гармония есть именно соотношение качественных различий и притом совокупности таких различий, как они находят свое основание в сущности самой вещи»⁸⁶⁰.

Чтобы иметь более ясное представление о смысле такой трактовки гармонии, необходимо помнить, что, с точки зрения Гегеля, понятие выражает сущность, а сущность находит свой аналог в понятии, и поэтому, если вещь в своем движении, изменяясь, базируется на одной и той же сущности, то такое движение или такое развитие и есть развитие гармоническое. «Существует только один тип животного, – утверждал, например, Гегель, – и все различия суть лишь его модификации»⁸⁶¹. Поскольку у всех живых систем общей основой, по Гегелю, является «жизненность», то животный мир Земли, взятый в целом – это гармоническая система. Гегель признавал гармонию и в неживой природе. Имея в виду процессы химического взаимодействия, он писал: «Гармония или дисгармония в таком круге соединений составляет его качественную природу, которая в то же время основывается на количественных отношениях»⁸⁶².

Рассматривая гармонию как вид отношения, Гегель обращал внимание не только на взаимодействия внутри данной целостности, включая связи, складывающиеся между сменяющимися друг друга системами, но также и на те отношения, которые складываются у них с внешней средой. Сложность тех и других отношений вынуждала Гегеля к поискам принципов, на основе которых можно было бы классифицировать все это многообразие. Например, исходя из идеи существования лишь одного типа животного, Гегель хотел найти способ, который позволил бы раскрыть сущность единства многообразия – этой основной традиционной формулы гармонии. «В основе главных различий, – пишет Гегель, – лежат те самые определения, которые мы видели в неорганической природе в качестве стихий. Эти ступени (ступени развития стихий – *В.М.*) служат также и ступенями развития животного типа вообще, так что в названных определениях можно распознать ступени животных родов. Мы имеем, таким образом, два разных принципа, определяющих различие животных родов. Один принцип классификации животных, более близкий идее, заключается в том, что дальнейшая ступень есть только дальнейшее развитие единого типа животного, другой принцип в том, что лестница развития органического типа существенно связана со стихиями, в круг которых брошена животная жизнь»⁸⁶³. Эти два принципа – принцип временного последования и принцип одновременного сосуществования (взаимодействия) – призваны, по мысли Гегеля, дать путеводную нить, с помощью которой впечатления, полученные при

⁸⁵⁸ Там же. С. 178.

⁸⁵⁹ Там же.

⁸⁶⁰ Гегель Г. Соч. Т. 12. С. 143.

⁸⁶¹ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 2. М., 1975. С. 544.

⁸⁶² Гегель Г. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 449.

⁸⁶³ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 2. М., 1975. С. 544.

поверхностном взгляде на мир, кажущийся то разорванным, то слитным, могут быть трансформированы в диалектическую формулу – «единство многообразия». С точки зрения Гегеля, гармоническое развитие представляло собой не цель, а лишь средство развития. Цель развития – достижение совершенства – лежит через гармоническое развитие, которое есть в одном случае – движение от низших ступеней организации к высшей, а в другом – отношение избирательного сродства, являющегося условием, необходимым для взаимодействия простых компонентов сложного целого.

Вот как раскрывал Гегель смысл сформулированных им принципов классификации отношений в системе, характеризующейся единством многообразия. «В ступенчатом ходе развития, образуемом родами и видами, можно начать с неразвитых животных, у которых различия еще не существуют с такой определенностью в трех системах – чувствительности, раздражительности и воспроизводства. Человек как наиболее совершенный живой организм стоит на высшей ступени развития. Эта форма классификации по ступеням развития получила в зоологии особенное значение в последнее время, ибо считают естественным восхождение от неразвитого к высшему организму. Но для понимания ступеней необходимо знакомство с высшим организмом, ибо он является масштабом и первообразом для менее развитых; так как в нем все дошло до своей развитой деятельности, то ясно, что лишь из него можно познать неразвитое. Инфузории не могут быть положены в основу, ибо в этой глухой жизни зачатки организма еще настолько слабы, что их можно постигнуть только исходя из более развитой животной жизни. Но, когда говорят, что животное совершеннее человека, то это неудачный способ выражения. Одна какая-либо сторона может быть, конечно, лучше развита у животного, но ведь совершенство состоит в гармонии организации»⁸⁶⁴. Значит гармония мыслилась Гегелем как кумулятивная форма развития, когда прогресс объясняется не чудом, а таким порядком перехода от старого к новому, при котором не утрачиваются ценные приобретения предшествующих ступеней. Такого рода идея, однако, не была открытием Гегеля. Еще Робинэ говорил, что высшей целью развития природы является человек⁸⁶⁵.

Что касается самого Гегеля, то мысль о кумуляции как необходимом условии гармонического развития возникла у него не только при исследовании развития животного мира; еще более категорическим образом он говорил об этом, когда рассуждал о развитии духовного мира, в частности, развития науки. Развиваясь, «наука не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения, не только ничего не оставляет позади себя, но и уносит с собой приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя»⁸⁶⁶. Не случайно в вышеприведенном рассуждении о принципах классификации Гегель ставил принцип движения от низшей ступени к высшей на первое место как «более близкой идее» развития.

Конечно, Гегель не был бы выдающимся диалектиком, если бы в трактовке гармонии он не пошел дальше идеи, известной еще восточным мыслителям – «только продолжение пути ведет к цели». Гегель понимал, что новое может быть только результатом взаимодействия. Но всякое ли взаимодействие может стать причиной более свершенного нового?

⁸⁶⁴ Там же. С. 544–545.

⁸⁶⁵ Робинэ Т.В. О природе. М., 1935. С. 506.

⁸⁶⁶ Гегель Г. Соч. Т. 4. С. 315.

Гегель полагает, что взаимодействующие компоненты лишь тогда образуют более совершенное новое, если они удовлетворяют некоторым условиям, по терминологии Гегеля, требованиям «избирательного сродства». Избирательное сродство в качестве необходимого фактора гармонического развития, имеющее место в живой и неживой природе, искусстве (например, музыке), будучи установленным фактом, позволяло Гегелю рассматривать гармонию как универсальное явление, дополнением которой является дисгармония.

Говоря о роли избирательного сродства в движении от менее к более совершенному, Гегель писал: «Не только в химической области специфическое выявляет себя в некотором круге соединений; отдельный тон также имеет свой смысл лишь в отношении и соединении с другим и с целым рядом других; гармония или дисгармония в таком круге соединений составляет его качественную природу, которая в то же время основывается на количественных отношениях, образующих некий ряд показателей и представляющих собой отношения обоим специфическим отношениям, которые каждый из соединенных тонов есть в самом себе. Отдельный тон есть основной тон некоторой системы, но равным образом и один из членов в системе каждого другого основного тона... Гармония, – резюмировал Гегель, – суть исключают избирательные сродства, качественная особенность которых, однако, точно также разрешается во внешность чисто количественного нарастания»⁸⁶⁷. Эту же мысль, подробно и наглядно Гегель излагал не однократно⁸⁶⁸, что свидетельствует о больших усилиях, прилагавшихся им с целью понять «загадку» возникновения нового.

В поисках ответа на этот далеко не простой и тем более не новый вопрос, Гегель не раз обращался к тому пути, который был уже пройден учением о гармонии. И здесь он обнаружил, что такие его предшественники, как Спиноза и Лейбниц, занимая в данном вопросе взаимоисключающие позиции, вместе составляли так называемую «рассеянную полноту», которую Гегель стремится сконденсировать в единое диалектическое представление о сложном целом. «Отсутствие рефлексии в себя, характерное для развертывания абсолютного у Спинозы, равно как и для учения об эманации, восполнено Лейбницем в понятии монады – односторонности одного философского принципа обычно противопоставляется противоположная односторонность и, как бывает всегда, целокупность наличествует по крайней мере как рассеянная полнота. – Монада – это “одно”, рефлексированное в себя отрицательное; она целокупность содержания мира; различное многообразие в ней не только исчезло, но и сохранено отрицательным образом (спинозовская субстанция – это единство всякого содержания; но это многообразное содержание мира имеется как таковое не в ней, а во внешней для нее рефлексии). Поэтому монада по существу своему – представляющая монада; но в ней, хотя она и конечна, нет никакой пассивности, а изменения и определения в ней – это обнаружение ее в ней самой... Это ограничение монады необходимо относится... к ее в-себе-бытию... Далее, так как ограниченное дано лишь как соотносящееся с другим ограниченным... то гармония этих ограничений, а именно соотношение монад друг с другом, имеет место вне их и также представлена другой сущностью или в себе»⁸⁶⁹. Но такого рода гармония Гегеля не удовлетворяла, а потому он дал отрицательную характеристику лейбницевской концепции гармонии. «Принцип индивидуации не получает своего более глубокого обоснования; понятия о различии разных конечных монад и об их отношении к их абсолютному не

⁸⁶⁷ Гегель Г. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 449.

⁸⁶⁸ См., например: Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 2. М., 1975. С. 194–202.

⁸⁶⁹ Гегель Г. Наука логики. Т. 2. С. 184.

вытекают из самой этой сущности или вытекают не абсолютным образом, а принадлежат резонирующей, догматической рефлексии и потому не достигли внутренней связанности»⁸⁷⁰.

Главным в понимании гармонии Гегель считал поиск принципа целостности. Согласно гегелевской трактовке, гармонически развивающаяся система должна характеризоваться не превалирующим значением одной или нескольких своих сторон, но обязательно всеми сторонами одновременно. Только в том случае, когда в системе все представленные стороны более или менее одинаковым образом подучили свое достаточно полное определенное (развитие), т.е. когда система достигла относительной целостности (завершенности), только тогда она может реально представлять собой некоторую достаточно выраженную качественную определенность, что и служит одним из важных признаков ее гармонического состояния.

Увлечение Гегеля поиском абсолютной гармонии как средства для достижения высшей степени совершенства помешало ему увидеть гармонию в диалектическом единстве угаданных им двух принципов, связь которых отражает единство данного состояния (данной ступени), взятого как система внутренних и внешних связей, с предыдущим и последующим состояниями (ступенями), рассматриваемыми как следствия прошлых и будущих взаимодействий, осуществляемых на основе «избирательного средства». Имеющиеся существенные недостатки гегелевской трактовки гармонии не могут, конечно, заслонить того большого вклада этого классика немецкой философии в прогрессе учения о гармонии, благодаря которому вновь изданная концепция гармонии становилась все более диалектической, оставаясь, правда, по своей сути идеалистической. Последнее обстоятельство было главной помехой на пути научного решения проблемы гармонии, что делало крайне актуальной борьбу материалистической философии против идеализма за утверждение своих принципов, проходившей и в области учения о гармонии. Эта борьба отличалась большой остротой и, начавшись в античную эпоху, продолжается и до сих пор.

В своей борьбе против материализма идеализм обычно опирался в первую очередь на аргументы теологии и телеологии, материализм же за поддержкой мог обращаться в начале только к наблюдаемым фактам, а в последствии – к достижениям науки. Исход борьбы на каждом этапе определялся, как правило, внутренней логикой, этой философской силой, присущей не только материализму, но и идеализму. Внутренняя логика философской системы не есть нечто самодавляющее, и, хотя она обладает некоторой свободой, известной самостоятельностью, однако ее свобода и независимость весьма и весьма относительны, поскольку «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»⁸⁷¹. Успехи борьбы материализма против идеализма в учении о гармонии в значительной мере определялись уровнем, глубиной связи принципов материалистического миропонимания с наукой. Успехи же идеализма базировались не только на идеологической поддержке господствующих классовых сил, но и на постоянной склонности философов-идеалистов в решении трудных вопросов, прятаться за различного рода мистификациями. Об этом полезно помнить при изучении пути развития представлений о гармонии. Из числа материалистов существенный вклад в теоретическое изучение гармонии принадлежит виднейшему представителю классической немецкой философии Фейербаху. Философ, утверждавший, что «наш идеал – не кастрированное, лишенное телесности, отвлеченное существо, наш идеал – это цельный, действительный, всесторонний, совершенный, образованный человек. К нашему идеалу

⁸⁷⁰ Там же. С. 185.

⁸⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 25.

должно относиться не только духовное совершенство, но и совершенство телесное, телесное благополучие и здоровье»⁸⁷², не мог не принять идеи гармонии. Наиболее четко взгляды Фейербаха на проблему гармонии были им выражены в критике=идеалистической концепции «предустановленной гармонии» Лейбница.

В этой критике, испытывавшая уже критику Бейля, Вольтера и др., концепция гармонии Лейбница, как ни странно, получила весьма важную для себя поддержку. Она выразалась в том, что Фейербах, попрощавшись более чем ста лет со дня смерти Лейбница, стремился к тому, чтобы изложить основные идеи его концепции, не прибегая к карикатурному сгущению красок даже тогда, когда речь шла о положениях, которые критиком полностью отвергаются. Фейербах пытается отделить рациональное, т.е. имеющее научное значение, в этой концепции, от всего идеалистического и потому ложного, что было привнесено в нее Лейбницем. Кроме того Фейербах пытался сохранить для науки то, что было положительного в идеалистической концепции Лейбница и что могло бы послужить интересам материализма. И, наконец, Фейербах при анализе взглядов Лейбница на гармонию высказывает ряд новых соображений, продвигавших вперед дело научного решения проблемы гармонии.

По мнению Фейербаха, имеющиеся в концепции Лейбница ошибки были неоднородными по своему характеру. «Предустановленная гармония, – писал Фейербах, – не только любимое детище, но и слабая сторона Лейбница, в особенности если истолковывать ее во внешнем смысле, как она обычно и трактуется; как бы то ни было, в этом виноват сам Лейбниц»⁸⁷³. И далее он добавлял: «Популярное представление об особом внемировом существе, вступающем лишь во внешнюю, механическую связь с вещами, бросает здесь, как и в других пунктах, тень на метафизику Лейбница, по существу весьма глубокую; но эта тень не затрагивает существа его философии. Лейбниц считался с теологией своего времени, но так как умный, образованный человек с чувством своего превосходства считается с дамой и в беседе с ней переводит свои мысли на ее язык»⁸⁷⁴. Данная оценка согласуется с высказываниями по этому вопросу самого Лейбница⁸⁷⁵. Конечно, – из концепции Лейбница не только можно, но и нужно было изъять теологические привнесения.

К сожалению, Фейербах поступает здесь, как Прокруст: все, что не влезало в рамки приемлемых для него представлений, он отбрасывал. А после завершения такой работы в концепции обнаруживалась зияющая брешь. Но Фейербах был все-таки прав, когда говорил, что Лейбниц для придания своей системе законченного вида «прибегает к поверхностным формулировкам, как, например: “Бог заранее все навсегда упорядочил”»⁸⁷⁶. Вопрос же об источнике движения и гармонии не потерял своего значения и после отказа от идеи бога. Казалось бы, что история учения о гармонии должна бы подсказать Фейербаху надлежащий выход. Ведь Пифагор, и особенно Гераклит, Платон и более всего Кант и особенно Гегель говорили о гармонии как особой форме противоречия. Однако будучи метафизиком, Фейербах этой возможностью не воспользовался.

Напротив, как о слабой стороне концепции «предустановленной гармонии» он говорил о заимствовании Лейбницем картезианской идеи о гармонии противоположностей души и тела. «У Лейбница предустановленная гармония коренится в неизжитых еще

⁸⁷² Фейербах Л. Соч. Т. 3. С. 282.

⁸⁷³ Фейербах Л. История философии. Собр. произв.: в 3 т. Т. 2. М., 1967. С. 223.

⁸⁷⁴ Там же.

⁸⁷⁵ Лейбниц Г.В. Теодицея // Вера и разум. 1887. № 15. С. 46.

⁸⁷⁶ Фейербах Л. История философии. Собр. произв.: в 3 т. Т. 2. М., 1967. С. 223.

элементах картезианства. Ее основание и источник, собственно, в том, что... различие между деятельной и страдательной, мыслящей и бессознательной душой он сводит к картезианской противоположности между мышлением и протяженной массой и имеет ввиду только эту противоположность. Поэтому следует принять во внимание и то, что Лейбниц пришел к своей предустановленной гармонии, исходя лишь из механических предпосылок»⁸⁷⁷.

Фейербах разделял и взгляд Лейбница на несовместимость гармонии со скачками. Соглашаясь с утверждением Лейбница о том, что «так как природа всякой субстанции... такова, что ее последующее состояние есть результат ее предшествующего состояния, то в этом и заключается причина всякой гармонии»⁸⁷⁸. Фейербах без возражений принимал и тезис о том, что «природа не делает скачков»⁸⁷⁹, обнаружив свою неспособность понять не только диалектику единства и борьбы противоположностей, но также и диалектическую взаимосвязь прерывного и непрерывного, постепенного и скачкообразного.

Таким образом фейербаховская критика концепции «предустановленной гармонии» в отдельных местах переходила в апологетику, что объяснялось не только метафизичностью его воззрений, но и тем, что «Лейбниц писан Фейербахом в 1836 г., когда он был еще идеалистом»⁸⁸⁰.

Однако основное достижение лейбницевого учения о гармонии Фейербах сумел оценить достойным образом, сделав при этом важный новый шаг в направлении материалистического истолкования не только лейбницевого, но и других имевшихся в ту пору представлений о гармонии. Можно сказать, что, благодаря Фейербаху, концепция гармонии еще более укрепилась в системе материалистического миропонимания, сделав еще один шаг навстречу более широкому использованию науки в ее дальнейшей теоретической разработке.

4. ИДЕАЛИСТИЧНОСТЬ ДИАЛЕКТИКИ – главная преграда научному решению проблемы гармонии

Однако, чтобы яснее представить значение идей основоположников диалектического материализма в решении вопроса о соотношении гармонии и противоречий необходимо еще раз вернуться к Канту и Гегелю, поскольку ни тот, ни другой, так и не смогли довести данную проблему до научного решения. Как диалектик Кант не мог игнорировать внутреннюю объективную противоречивость мира, но как идеалист он не мог также отказаться от импониовавшей ему концепции мирового порядка – концепции мирового развития – идеи гармонии. «Постулируя гармонию природы (или необходимости) с целями свободы, которая мыслится им как конечная цель мира, – пишет Гегель, – Кант... цепко держится за раздельность понятия и реальности»⁸⁸¹. Отсюда видно, что Гегель, в общем-то, разделяет идею Канта о том, что противоречия между необходимостью и свободой не являются помехой гармонии.

Но Канта в данном случае отличает от Гегеля только то, что последний полагает гармонию в истинности движения от необходимости к свободе через восхождение от абстрактного к конкретному, в то время как у Канта гармония между свободой и

⁸⁷⁷ Там же. С. 229.

⁸⁷⁸ Там же.

⁸⁷⁹ Там же. С. 215.

⁸⁸⁰ Лейбниц Г.-В. Элементы сокровенной философии о совокупности вещей. С. 33.

⁸⁸¹ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. С. 178.

необходимостью не выходит за пределы желаемого идеала, т.е. гармонии по Канту – не более чем абстракция, точнее – абстрактно понимаемое добро. «Но добро, – пишет Гегель, – которое признается конечной целью мира, с самого начала определяется в кантовском учении как лишь наше добро, как моральный закон нашего практического разума, так что единство не идет дальше согласованности между состоянием мира и совершающимися в нем событиями и нашей моральностью. Кроме того, даже с этим ограничением конечная цель – добро – есть неопределенная абстракция, каковой вынужден оставаться также и долг. Далее Кант снова выдвигает против этой гармонии противоположность между субъективностью и объективностью, которая в содержании гармонии была объявлена неистинной, так что гармония между долженствованием и действительностью определяется Кантом как лишь субъективная гармония, которая должна быть, т.е. которая вместе с тем не обладает реальностью, как гармония, в которую верят, которая имеет субъективную достоверность, а не истинность, как гармония, которой не присуща соответствующая идее объективность»⁸⁸².

Как Кант, так и Гегель стремились найти основания для положительного решения вопроса, т.е. и Кант, и Гегель основу гармонии усматривали как раз в специфике присущих некоторому динамичному явлению противоречий. Там же, где нет противоречий, там нет и гармонии.

Но сама специфика противоречий, отличающая гармоничное от негармоничного, согласно Канту, остается исключительно в лоне сознания субъекта, в лоне его опыта. В одном случае – это, к примеру, опыт гения-творца, создающего гармонию, в другом – имеется в виду уже опыт субъекта-созерцателя, от «суждений вкуса» которого только и зависит, является ли данное явление гармоничным или нет.

Таким образом, сущность противоречия, являющегося основой гармонии, в понимании Канта сводится к противоречию между эстетическими чувствами субъекта, творящего гармонию, и субъекта, ее воспринимающего.

По Гегелю, ущербность кантовского видения связи гармонии и противоречий состоит в том, что «представления свободной силы воображения, служащие идее (идее гармонии – *В.М.*) и дающие пищу мышлению... не выражены и не могут быть выражены в понятии»⁸⁸³.

Что же касается взглядов относительно связи гармонии и противоречий, принадлежащих самому Гегелю, то о них лучше всего судить по собственному высказыванию философа: «гармония представляет собой соотношение качественных различий, взятых в их совокупности и вытекающих из сущности самой вещи»⁸⁸⁴. Выразив столь ясным образом свое положительное отношение к вопросу о связи гармонии с противоречием, Гегель не преминул при этом подчеркнуть, что подлинная гармония представляет собой «идеал», обладающий, несмотря на отягощающие его противоречия, «непомутненным единством, спокойствием и завершенностью в самом себе».

Гегель, однако, не ограничился указанием тех условий, при которых гармония возможна, но и высказал заслуживающую глубокого внимания мысль об обстоятельствах, при которых она оказывается невозможной. «Коллизия, – продолжает Гегель, – нарушает эту гармонию истинно действительного... и заставляет единый в себе идеал перейти к состоянию разлада и антагонизма»⁸⁸⁵.

⁸⁸² Там же. С. 180.

⁸⁸³ Там же. С. 178–179.

⁸⁸⁴ Гегель Г.-В. Эстетика. Т. 1. М., 1968. С. 149.

⁸⁸⁵ Гегель Г.-В. Соч. Т. 12. С. 209.

Следовательно, по Гегелю, движение вещи к этому идеалу, что в пределе должно означать соответствие (совпадение) вещи своему понятию, – это и есть гармония, а точнее – гармоническое развитие. Отсюда видно, что различие кантовской и гегелевской позиции по отношению к вопросу о связи гармонии и противоречий не выходит за рамки того различия, которое обычно имеет место между идеализмом субъективным и идеализмом объективным.

Наиболее важной особенностью взглядов Канта и Гегеля было не то, что оба философа рассматривали гармонию как специфическую форму противоречий (подобные взгляды высказывались и до них), а то, что условием гармонии они считали не просто наличие противоречий, а противоречий особого рода. Так, Гегель, прямо указывал, что противоречия в форме коллизии не имеют ничего общего с гармонией, поскольку коллизия приводит систему в состояние разлада, доводя отношение противоположностей до состояния антагонизма. Это безусловно важное положение, хотя оно и базируется на идеалистической трактовке гармонии, исключающей правильное понимание соотношения гармонии с законом борьбы за существование.

Классики материалистической диалектики в своих размышлениях о гармонии имели не только заслуживающие положительного отношения идеи философских предшественников, но и такие положения последних, которые в силу их метафизичности и идеализма нуждались в пересмотре и преодолении. Во взглядах не только Канта (о чем уже говорилось), но также и Гегеля были и «шатания», примером чего служат такие слова Гегеля: «Всемирная история не есть арена счастья. Периоды счастья являются в ней пустыми листами, потому, что они являются периодами гармонии, отсутствия противоположности»⁸⁸⁶.

Если сравнить это рассуждение Гегеля с другим, выше уже приводившимся, где утверждается, что «для гармонии требуется непременно различие, определенная противоположность»⁸⁸⁷, то становится ясным – упрек в «шатании», адресованный Гегелю необоснованным не назовешь. Однако в данном случае глубокие идеалистические, а то и метафизические изъяны представлений Канта и Гегеля о гармонии, как и примеры их логической непоследовательности, констатируются лишь с целью показать, что хотя Кант и Гегель сделали много для диалектического подхода к гармонии, но тем не менее ни тот, ни другой в силу довлевшего над ними идеализма не смогли создать научной в строгом смысле этого слова теории гармонии. Эти замечания необходимы для того, чтобы при анализе вклада классиков марксистско-ленинской философии в учение о гармонии имелась достаточная ясность относительно того, что уже было сделано их предшественниками, а также и относительно того, чего и предшественникам сделать все-таки не удалось.

Подводя итоги развития представлений о гармонии в течение многих веков домарксистской эпохи, следует отметить следующее.

Труды виднейших мыслителей домарксовской эпохи показывают, что, хотя ко времени появления марксизма учение о гармонии прошло более, чем двухтысячелетний путь развития, тем не менее многие из его вопросов продолжают оставаться открытыми. Как и во времена античности, спорным оставался вопрос, является ли гармония объективной реальностью или она всего лишь идеал, существующий только в сознании людей. Не лучше обстояло дело с самим понятием гармонии, не было ясности и в вопросах о носителе гармонии, а также о путях ее достижения. Существовало не мало и других трудностей.

⁸⁸⁶ Гегель Г.-В. Соч. Т. 8. С. 26.

⁸⁸⁷ Гегель Г.-В. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 67.

Надо сказать, что сама постановка таких вопросов – это тоже важный результат, а потому нет никаких оснований делать вывод о бесполезности тех огромных усилий, которые были предприняты многими мыслителями прошлого для правильного понимания сущности гармонии. Тем более такой вывод ошибочен еще и потому, что в процессе решения проблемы гармонии были получены данные о неверных путях решения многих ее вопросов, что служит предостережением для будущих философов.

Думается, что возврат к таким представлениям, согласно которым гармония – это «музыка сфер» или «чередование четных и нечетных чисел» и в будущем едва ли возможен. Маловероятно и возрождение идеи гармонии как «равновесия добра и зла». Вместе с тем, многое из того, что волновало древнегреческих философов, представителей классической науки Нового времени, виднейших предшественников философии марксизма сохранило свою актуальность и явилось источником, теоретической базой дальнейших творческих поисков в решении фундаментальных проблем гармонии.

Проведенный обзор развития домарксистских представлений о гармонии показывает, что проблема гармонии с самого начала складывалась и в дальнейшем прогрессировала как относительно самостоятельная проблема диалектики, оставаясь, однако, составной частью теории развития, в особенности теории о единстве и борьбе противоположностей. Чет и нечет у Пифагора, расходящееся и сходящееся, прекрасное и безобразное у Гераклита, разрозненное и целостное, рассеянное раздором и объединенной дружбой у Эмпедокла, совершенное и несовершенное, вечное и преходящее у Платона, естественное и искусственное, завершенное и незавершенное у Аристотеля и т.д. представляют собой вехи исторического пути идеи гармонии во времена античности. В дальнейшем идея гармонии продолжала свое существование в теориях схоластики и теологии Средних веков.

Наука и философия Нового времени и, прежде всего классическая немецкая философия, не только не отвергли старые представления древнегреческих философов о гармонии как особой форме противоречия, но и развили эти представления дальше, опираясь на достижения предшествующей философии и данные новой науки.

Результатом такого развития можно считать начатое Кеплером и Бруно, Коперником и Декартом, продолженное затем Ньютоном и Спинозой, широко развернутое Лейбницем, Кантом и Гегелем преодоление влияния теологии на представления о смысле понятия гармонии и путях его изучения.

Учение о гармонии с самого начала было полем ожесточенной битвы материализма и идеализма. Борьба, которую вел материализм за освобождение учения о гармонии из религиозно-идеалистического плена всегда была трудной, так как благодаря широко распространенной вере в бога, религиозно-идеалистические конструкции гармонии казались более убедительными, чем схемы гармонии философов-материалистов.

По мере развития науки, особенно естествознания, сдвиг в этой борьбе в пользу материализма становился все более значительным, хотя до полной победы материализма над идеализмом в домарксовский период было еще далеко. Телеология – это ответвление теологии, продолжала искушать даже выдающихся естествоиспытателей, а существовавший разрыв между диалектикой и материализмом делал борьбу с телеологией не всегда эффективной. Но даже и в этих условиях материалистическая тенденция крепла и углублялась.

Заключение Спинозы о совершенстве как выражении объективной необходимости, фактический отказ Лейбница от сверхъестественного как определяющего фактора гармонического развития, диалектический подход Канта и Гегеля к гармонии, четкое

фейербаховское размежевание между идеалом гармонии, созданным лишь воображением человека, и гармонией как объективным явлением, характеризуют реальные успехи прогрессивных для своего времени философских подходов к гармонии в их борьбе за вытеснение из данного учения теологии и идеализма.

Важным достижением домарксовской философии в ее трактовке гармонии является мысль о том, что гармония, а точнее гармоническое состояние, есть результат некоторого процесса, а поскольку последний бесконечен, то, следовательно, гармония как конкретное состояние конкретной системы всегда относительна.

Обзор пройденного учением о гармонии пути показывает, что упорство, с которым философия и наука ищут способы теоретического решения проблемы гармонии вызвано вескими основаниями. Для тех, кто верил в бога, было необходимо найти доказательства, что бесконечным достоинствам творца мира может соответствовать лишь бесконечно совершенный, т.е. гармоничный мир. Мыслители, больше полагавшиеся на разум, чем на веру, стремились выработать удовлетворяющее их понятие гармонии, чтобы с его помощью в хаосе вещей находить нечто рационально упорядоченное. Встречались и такие философы, которые исходили из того, что, если в природе нет гармонии, это не значит, что ее нет и не может быть в обществе. Социалисты-утописты создали несколько моделей социальной гармонии. Например, Фурье считал, что согласие таких трех сил мироздания, как бог, материя и математика могли бы, используя динамику страстей, привести общество к гармоническому состоянию⁸⁸⁸.

Все это говорит о том, что сплошь и рядом в поисках ответов на старые вопросы возникало много новых. Однако отсюда не следует, что усилия, направленные на изучение гармонии были напрасными.

Как показано выше, домарксистская теоретическая мысль имеет ту бесспорную заслугу, что она билась над решением реальной и практически важной проблемы, и хотя при этом не во всем преуспела, тем не менее принадлежащие ей, многие теоретические результаты имеют непреходящую научную ценность.

Преодолевая препоны теологического и телеологического характера, все более и более освобождаясь из плена общего идеалистического миропонимания, представления о гармонии становились все более глубокими, благодаря все возрастающему перевесу имеющегося в них материалистического содержания над идеалистическим. Все более и далее отходя от абсолютизированных моделей, прогрессировавшее в научном отношении понимание гармонии неуклонно тяготело к диалектическим представлениям об ее относительности. Однако эти шаги в направлении к материализму и диалектике нередко терялись в лабиринте идеалистических спекуляций и, говоря словами Лейбница, порой даже противоречили «закону сохранения направления движения».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГАРМОНИЯ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Обзор домарксистских представлений о гармонии показывает, что к данному вопросу в прошлом обращались многие выдающиеся представители философской и научной мысли. В силу этого, даже при отсутствии других оснований, марксистско-ленинская философия не

⁸⁸⁸ Фурье Ш. Избр. соч. Т. 3. М.-Л., 1951–1954. С. 123–126.

может обойтись без того, чтобы не выразить своего отношения к этим исторически сложившимся представлениям. Кроме того, имеются и такие причины изучения проблемы гармонии, которые связаны с решением важных и актуальных задач современной социальной практики. При анализе коммунистического и капиталистического путей развития важную методологическую функцию могли бы играть научные представления о гармонии, они были бы полезны и в решении экономических вопросов, в процессе воспитания нового человека, в ряде других случаев социального и природного развития, где бы научная диалектико-материалистическая концепция гармонии выступала в качестве методологической основы. «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот, – подчеркивал В.И. Ленин, – неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя наткнуться на эти общие вопросы. А наткнуться слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность»⁸⁸⁹.

Поскольку проблема гармонии актуальна и теоретически и политически, то ее разработка, призванная давать однозначные ответы на многие нерешенные вопросы, должна осуществляться без дальнейшего отлагательства.

Данные историко-философского обзора учения о гармонии показывают, что еще философы домарксистской эпохи убедительно показали, что гармония является одним из феноменов развития. Этот, ныне никем уже не оспариваемый вывод, позволяет считать, что проблема теории гармонии является составной частью теории развития, в силу чего созданная Марксом, Энгельсом, Лениным диалектико-материалистическая концепция развития относится к теоретическим вопросам гармонии как их общая мировоззренческая и методологическая база.

Конкретным содержанием данной базы выступают основные принципы, законы и категории материалистической диалектики. Отсутствие последних в домарксистское время нередко обрекало философов, размышлявших о гармонии на указанные В.И. Лениным «шатания и беспринципность». В понимании гармонии непреодолимой трудностью для домарксистской философии остался фундаментальный вопрос о соотношении гармонии и противоречий. Пример такой трудности был хорошо описан Энгельсом. «До Дарвина его теперешние сторонники подчеркивали как раз гармоническое сотрудничество в органической природе, – указывая на то, как растения доставляют животным кислород и пищу, и наоборот, животные доставляют растениям углекислоту и удобрения. Но лишь только было признано учение Дарвина, как эти самые люди стали повсюду видеть только борьбу. Обе эти концепции, – резюмировал Энгельс, – правомерны в известных узких границах, но обе одинаково односторонни и ограничены»⁸⁹⁰. Показанная здесь Энгельсом односторонность и ограниченность проистекает не только из незнания смысла гармонии, но также и из незнания более общего вопроса о противоречиях. Для материалистической диалектики вопрос о соотношении гармонии и противоречий имеет принципиальное значение. Известно, что учение о противоречиях потому считается «ядром диалектики», что содержащееся в ней признание борьбы противоположностей в качестве источника развития дополняется признанием того, что в мире нет явлений, свободных от противоречий. «Тождество противоположностей (“единство” их...), – пишет Ленин, – есть признание

⁸⁸⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 368.

⁸⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 622.

(открытие) противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе)»⁸⁹¹.

В этих условиях оставаться на позициях дилеммы, согласно которой «либо гармония, либо противоречия» может означать лишь полный и безусловный отказ от идеи гармонии.

История представлений о гармонии показывает, что проблема соотношения гармонии и противоречий всегда оставалась центральной в учении об этом явлении. И решали эту проблему различные философы по-разному, вследствие чего в ней накопилось, наряду с ценными идеями, немало ложного, чаще всего идеалистического и метафизического по своему существу материала. Имел место и прямой отказ от гармонии, опиравшийся на широко известный принцип Гоббса: «война всех, против всех..., когда каждый является врагом каждого... Состояние войны всех против всех характеризуется также тем, что при нем ничто не может быть несправедливым. Понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют здесь места»⁸⁹².

Альтернативной этой форме нигилистического отношения к гармонии была позиция, ярче всего выраженная Лейбницем. «Существовать есть ни что иное как быть гармоничным»⁸⁹³. Кстати сказать, Лейбниц считал, что даже существование грешников, обреченных на вечные муки в аду, есть существование гармоничное. «Не вижу, почему бы вечному осуждению не быть в согласии с гармонией вещей. Может случиться, что осуждение окажется бесконечным по продолжительности, но – определенным, и согласие этого с гармонией вещей можно доказать»⁸⁹⁴. Это еще один пример совпадения крайностей.

Односторонность гоббсовского и лейбницевского взглядов безуспешно пытались преодолеть, каждый на свой лад, Кант и Гегель.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИДЕЯ ГАРМОНИИ В ТРУДАХ КЛАССИКОВ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ИДЕЙ МАРКСА О СПЕЦИФИКЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ГАРМОНИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Отсутствием целостной научной концепции гармонии можно объяснить противоречивое отношение к данной проблеме не только философов. Многие естествоиспытатели, иногда неосознанно, а порой и умышленно становившиеся по конъюнктурным соображениям то сторонниками идеи гармонии, то ее противниками, создавали тем самым новые трудности в решении вопроса. Неопределенностью в понимании гармонии пользовались и буржуазные социологи, одни из которых, подобно Гоббсу, абсолютизируя противоречия, полностью отрицали гармонию, другие, напротив, абсолютизируя гармонию, стали использовать понятие о ней для характеристики явлений, в действительности – как это убедительно было показано Марксом – не имевших с ней ничего общего.

Переходя к рассмотрению того вклада в понимании гармонии, который был осуществлен Марксом, отметим, что Маркс чаще всего важные теоретические проблемы

⁸⁹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 316–317.

⁸⁹² Гоббс Т. Избр. произв. Т. 2. М., 1965. С. 149–154.

⁸⁹³ Лейбниц Г.В. Элементы сокровенной философии о совокупности вещей. С. 33.

⁸⁹⁴ Там же. С. 39.

анализировал на имеющих практически-политическую значимость вопросах. Именно таково было положение, когда Маркс обратился к так называемой «теории гармонии интересов».

Эта «теория» должна была, по мнению ее адептов, составить основание содержания «социальной науки», которая будто бы занимается законами, управляющими человеком в его старании развить свои способности и тем приобрести полный контроль над великими силами природы, обращая против нее же самой ее батареи, с целью еще более подчинить ее себе.

Один из наиболее видных авторов «теории гармонии интересов» был американский социолог Кэри, который считает, что «задача ее служителей (“социальной науки” – В.М.) убедить государей, законодателей, капиталистов, рабочих в том, чтобы они считали целью их деятельности – устранение препятствий к ассоциации, возникающих от нежелания признать существование полнейшей гармонии международных интересов»⁸⁹⁵. Отсюда видно, что главное внимание Кэри уделяет не столько теоретическому обоснованию самой гармонии, сколько, подобно богословам, прививавшим веру в бога, тому, чтобы привить капиталистам и рабочим, особенно последним, веру в некую, неведомым образом возникшую «полнейшую гармонию международных интересов».

Кэри не делает различия между гармонией социальной и гармонией космической и, когда пытается показать, в чем она выражается, то не находит для себя иной возможности как обратиться к услугам архаического тезиса о равенстве притяжения и отталкивания, который, применительно к условиям общественной жизни в северной Америке того времени, был им трансформирован в равновесие между процессами «централизации и децентрализации». «Мы видим здесь, – писал Кэри, – как бы подобие той системы законов, которая поддерживает гармонию во вселенной: каждый штат составляет отдельное тело с местным центром притяжения, который поддерживает его форму и, в то же время, противодействует притяжению главного общего центра, около которого вращаются все отдельные штаты»⁸⁹⁶.

Эта далеко не новая трактовка гармонии была призвана служить классовым интересам буржуазии. С ее помощью имелось в виду убедить «капиталистов в том, что между ними и теми, коим они дают работу, существует полная гармония истинных и постоянных интересов... Рабочих в том, что чем полнее они уважают права собственности и чем больше стремятся к гармонии и миру, тем должно быть быстрее развитие производительной силы, при соответственном увеличении их собственной доли в возросшем количестве произведенных потребностей»⁸⁹⁷. Умозрительное сотворение такой «гармонии» в сущности представляло собой обман не только рабочих, но и капиталистов. Правда, класс капиталистов в связи с этим претензий не заявляет. Но Кэри, который, по словам Маркса, «является единственным оригинальным экономистом Северной Америки»⁸⁹⁸, не хотел обманывать себя сам, ибо хорошо видел, что в действительности никакой «гармонии международных интересов» нет. Желая, как говорится, «и невинность соблудности, и капитал приобрести», Кэри стал писать не столько о гармонии, сколько о «противозаконно» возникшей дисгармонии, воцарившейся в капиталистическом мире, якобы в нарушение «присущей капитализму гармонии».

Уповая на сознание государей, законодателей, самих капиталистов и даже на сознание рабочих, Кэри в «Политико-экономических письмах президенту Американских соединенных

⁸⁹⁵ Кэри Г.Ч. Руководство к социальной науке. СПб., 1869. С. 666.

⁸⁹⁶ Там же. С. 48.

⁸⁹⁷ Там же. С. 666.

⁸⁹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. С. 1, 4.

штатов» показывает отнюдь не некую гармонию, а погрязшую в хаосе бесчисленных социальных пороков капиталистическую Америку. «Везде, куда я не обращался, – писал Кэри, – слышал постоянно возрастающие опасения за нашу будущность между мыслящими людьми, питавшими доселе надежду найти в Новом Свете осуществление своих любимых планов о прогрессе человечества. С беспокойством смотрят они через океан, страшась ежеминутно услышать о новых ужаснейших мятежах, новых междуусобицах, новых нарушениях народных прав, новых разбойнических экспедициях, новых грабительских войнах»⁸⁹⁹.

Какие же причины породили столь «негармоничную» действительность? По мнению Кэри, это «низкий тариф таможенных пошлин». О том, насколько убедителен такой ответ, в свое время хорошо сказал Н.Г. Чернышевский: «Кэри все бедствия приплетают к низкому тарифу, а все блага связывает с высоким тарифом... Кажется, будь человек ослеплен до какой угодно степени, все же он не мог бы забыть, что существуют в Соединенных Штатах и другие причины недостатков, нужны и другие средства к их отстранению, кроме таможенных мер. Кэри не замечает ничего. Тариф для него альфа и омега всех вопросов; он, кажется, готов лечить тарифом лихорадку, возвращать молодость старухам и давать гений идиотам»⁹⁰⁰.

Что же касается отношения Маркса к «теории» Кэри, то оно примечательно не только своей острой критикой ее идеологического подтекста, но, что в интересующем нас плане особенно важно, – глубоким пониманием существа самого явления гармонии.

Известно, что в старом учении о гармонии так и остался открытым вопрос о границе, отделяющей гармоничное от негармоничного. Как уже отмечалось, многие философы домарксовского периода, в той или иной степени сходясь во мнении, что гармония есть отношение противоположностей, обычно не шли далее этого признания.

В борьбе против «теории гармонии интересов» Маркс острее своей критики направлял не против гармонии и даже не против учения с гармонией, а исключительно против имевшихся в этом учении ошибочных положений, например, против тезиса о «предустановленном» характере гармонии, а также против других, столь необоснованных идеалистических или метафизических произвольных допущений.

В своей критике «теории гармонии интересов», Маркс боролся против попыток новоявленных «теоретиков гармонии» приписывать гармонию таким системам, которым в действительности она не свойственна.

Кэри и его французский последователь Бастиа, пытаясь обелить капитализм, приписывали ему то, чего он не имел. «Кэри и Бастиа понимают, – пишет Маркс, – что противники (буржуазной – В.М.) политической экономии социализм и коммунизм – находят свою теоретическую предпосылку в трудах классической политической экономии, особенно в трудах Рикардо, которые надо рассматривать как ее наиболее законченное и последнее выражение. Поэтому тот и другой считают необходимым объявить ошибочным и подвергнуть нападкам то теоретическое выражение, которое буржуазное общество исторически получило в современной политической экономии, и доказывать гармонию производственных отношений там, где экономисты-классики наивно обрисовывали их

⁸⁹⁹ Кэри Г.Ч. Политико-экономические письма к президенту Американских соединенных Штатов. М., 1860.

⁹⁰⁰ Чернышевский Н.Г. Избр. эконом. произвед.: в 3 т. Т. 2. М., 1948–1949. С. 542.

антагонистичность»⁹⁰¹. Речь, таким образом, шла о двух позициях: позиции защитников буржуазии, Кэри и Бастиа, с одной стороны, и позиции противников буржуазии, социализма и коммунизма, с другой. Согласно первой из них, капиталистические производственные отношения представляют собой гармонию, согласно второй, т.е. позиции социализма и коммунизма, ни о какой гармонии производственных отношений при капитализме не могло быть и речи, поскольку эти отношения антагонистичны.

Но может быть, как это пытались доказывать Кэри и Бастиа, век гармонии капитализма в силу каких-то случайных обстоятельств миновал, а в прошлом гармония, якобы была присуща и капитализму? И на этот вопрос Маркс дает отрицательный ответ. Ремесленный пролетарий и мелкий хозяйчик в период зарождавшегося капитализма были первоначально настолько близки друг другу, что казались во многом тождественными, но это тождество скрывало зерна будущих острейших конфликтов. По поводу этой характеристики раннего капитализма можно сказать, что капитализм уже в момент своего возникновения был отягощен, пусть пока еще лишь потенциально, несовместимыми с гармонией антагонизмами; во-вторых, видимость тождества рабочего и начинающего капиталиста говорит об отсутствии достаточного и обязательного, по крайней мере в рамках сложившихся представлений о гармонии, разнообразии. Следовательно, гармонии нет не только в развитом капитализме, но ее не было и в слаборазвитом, раннем капитализме.

Можно ли говорить о гармонии якобы присущей капиталистическому обществу, если это «общество, основанное на противоположности классов, приходит к последней развязке, к грубому противоречию, к физическому столкновению людей»⁹⁰². Одним из наиболее обязательных признаков гармонии как единства в многообразии является отсутствие антагонизма. Но отсутствие антагонизмов – необходимое, но еще недостаточное условие гармонии, поскольку существует огромное количество систем, в которых антагонизмов нет, и тем не менее, эти системы не принадлежат к числу гармонических.

Критикуя Кэри за его отношение к гармонии, Маркс доводит анализ его ошибок до вскрытия их объективных истоков. Согласно взглядам Кэри, быстрое экономическое развитие Северной Америки есть следствие совершенства самой экономической системы капитализма, а последовавший затем спад темпов этого развития и наступивший вслед за этим застой, переросшие в катаклизмы всей общественной системы, по мнению Кэри, вызваны случайными факторами, например, внешней экономической экспансией других стран.

Согласно Марксу, случайными, т.е. обусловленными внешними причинами, являются, как раз, небывалые успехи в экономическом развитии Америки, а наступивший затем застой в этом развитии, деградация экономической системы капитализма – явление для капитализма обычное, поскольку он вызван присущими этой системе, закономерными по своему характеру антагонизмами. «Кэри, – пишет Маркс, – принадлежит такой стране, где буржуазное общество развивалось не на основе феодализма, а начинало с самого себя; где оно выступало не как переживший старое общество результат некоторого стародавнего движения, а как исходный пункт некоторого нового движения; где государство, в отличие от всех прежних национальных образований, с самого начала было подчинено буржуазному обществу, буржуазному производству и где оно никогда не могло предьявлять претензий на то, чтобы быть самоцелью, где само буржуазное общество, соединяя в себе

⁹⁰¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 4.

⁹⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 184.

производительные силы Старого света с огромными природными богатствами Нового света, развивалось в неслыханных до сих пор размерах и с невиданной до сих пор свободой движения; где оно так далеко превзошло всю проделанную до сих пор работу по овладению силами природы и где, наконец, антагонизмы самого буржуазного общества выступают всего лишь как мимолетные моменты»⁹⁰³.

Таким образом в понимании Маркса гармония не совместима не только с явными антагонизмами, но и с такими ситуациями, когда антагонистичность системы вуалируется некоторыми случайными для системы обстоятельствами.

Маркс и Кэри, стоящие и в данном случае на противоположных идеологических позициях, сходятся, однако, в том, что в действительности никакой гармонии в Америке нет, но только этим признанием указанное сходство и кончается. Кэри считает, что «гармония интересов» некогда имела место в Америке, но из-за помех, чинимых капитализму собственными государством и экономической экспансией, эта гармония была утрачена.

Маркс, опираясь на точные факты, показывает, что любой капитализм, в том числе и американский, коль скоро он отягощен внутренними антагонизмами, с гармонией ничего общего не имеет, поскольку данный объект, говоря словами Гегеля, не соответствует своему понятию, он не адекватен даже тем нестрогим представлениям о гармонии, которые уже имелись в ту пору.

Изобличая Кэри в преднамеренном искажении действительного положения, Маркс пишет: «Мешающее воздействие традиционных, не выросших из лона самого буржуазного общества, влияний на его естественные отношения, сводится у Кэри в последнем счете к влиянию государства на буржуазное общество, к его вмешательству и к превышению им своих полномочий. Например, согласно природе вещей, заработная плата должна возрастать вместе с ростом производительности труда. А если мы находим, что действительность не соответствует этому закону, то мы должны, – происходит ли это в Индостане или в Англии, – лишь отвлечься от влияний правительства, от налогов, государственных монополий и т.д. Если рассматривать государственные отношения сами по себе, т.е. если сбросить со счетов влияния, оказываемые государством, то буржуазные отношения на деле всегда мол, подтвердят гармонические законы буржуазной политической экономии. В какой мере эти государственные влияния, государственные долги, налоги и т.д. сами вырастают из буржуазных отношений..., в какой мере... вместе с централизацией капитала растет власть центрального правительства – этого, конечно, Кэри не исследует»⁹⁰⁴. Отсюда видно, что не только Маркс, но и Кэри, считает антагонизм отношений между противоположностями несовместимым с гармонией. Что же касается Кэри, то он, в отличие от Маркса, пытался доказать, что капиталистической экономической системе такой антагонизм будто бы не присущ, а если он все-таки иногда наблюдается, то причина этого, по мнению Кэри, заключается в неблагоприятных внешних обстоятельствах.

Развивая фундаментальный для понимания гармонии вопрос о ее соотношении с противоречиями, Маркс, на основе исторических фактов показал, что характер противоречий решающим образом определяет возможность или невозможность гармонии. Если присущие системе противоречия антагонистичны, то в данном случае вопрос о гармонии отпадает, т.к. антагонистичность выступает явным антиподом необходимого для гармонии органического

⁹⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 4.

⁹⁰⁴ Там же. С. 5.

единства. Единство принудительного характера, конечно, возможно и в условиях антагонизма, но это иллюзорное единство.

Но гармонии нет и тогда, когда противоположности, в силу своей неразвитости оказываются неспособными выразить собой другой, необходимый для гармонии признак – разнообразие.

Среди сторонников идеи гармонии встречались и такие, которых не останавливала и явно выраженная и хорошо им известная антагонистичность противоположностей капиталистической системы.

Исходя из формулы – гармония есть единство многообразия – они считали, что и единство и многообразие лучше всего достигаются в случае равновесия присущих системе противоположностей. Перенеся центр тяжести в понимании гармонии с единства как несовместимого с антагонизмами, на равновесие, новоявленные реформаторы надеялись тем самым спасти полюбившуюся им идею гармонии капиталистической системы. Среди тех, кто особенно активно доказывал, что гармония – это равновесие, был Прудон, который видел ключ к социальной гармонии именно в равновесии взаимоисключающих сторон. Как известно, Маркс резко критиковал Прудона за его попытку найти «новое сочетание», которое устраняло бы вредные стороны разделения, сохраняя при этом его полезные действия»⁹⁰⁵. Разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, т.е. сам антагонизм, не тревожил Прудона, для него важным было, как пишет Маркс, – «найти примиряющий принцип..., найти равновесие»⁹⁰⁶ между теми и другими.

Решение данного вопроса Маркс видел в возможностях диалектического подхода к проблеме единства разнообразного, в умении отличать единство многообразия от единообразия.

Критикуя подмену научного анализа грубыми построениями так называемого «здорового человеческого смысла», который черпает из «гущи жизни» и не калечит своих естественных склонностей никакими философскими или другими научными занятиями», – Маркс показывает, что непригодность «здорового человеческого смысла», к которому апеллирует Прудон при обсуждении единства разнообразного, «сказывается в том, что там, где ему удаётся заметить различие, он не видит единства, а там, где он видит единство, он не замечает различия»⁹⁰⁷.

Задача науки, по мнению Маркса, заключается как раз в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению, но поскольку внутренние движения у эксплуататоров и эксплуатируемых диаметрально противоположны, то существующее между ними иллюзорное единство оказывается несовместимым с гармонией. Только то единство сторон, в основе которого лежит общность их «внутреннего движения», которое исключает как синкретизм, так и единообразие, может рассматриваться как одно из основных условий гармонии.

Известно, что основоположники марксизма были против прудоновской модели равновесия, в основе которой должно быть «строгое обоюдное ограничение нашего производства и потребления». Сам Прудон именовал такое равновесие «скудостью, третьим из органических законов, данных нам природой»⁹⁰⁸. «Всюду – одна декламация и простое утверждение вместо доказательств и развития мысли», – написал о прудоновском

⁹⁰⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 147.

⁹⁰⁶ Там же. С. 161.

⁹⁰⁷ Там же. С. 299.

⁹⁰⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. С. 111.

«равновесии скудости» Энгельс. По мнению Прудона, социальный прогресс можно мыслить только как «переход ко все более равномерному распределению знаний, услуг и продуктов. Это – закон равновесия, величайший, можно сказать, единственный закон политической экономии»⁹⁰⁹. Следовательно, превратно понятое Прудоном единство фактически представляет собой заурядное единообразие, а не то единство, которое может обеспечить необходимую взаимосвязь разнообразных частей целого. «Пролетариат и богатство – это противоположности, – пишет Маркс, – как таковые они образуют некоторое единое целое»⁹¹⁰. Только авторы «Теории гармонии интересов» могли видеть в таком единстве основу гармонии.

Маркс показывает полную несостоятельность и попытки Кэри использовать равновесие для обоснования концепции гармонии. В отличие от Прудона, Кэри попытался подойти к данному вопросу с другого конца. Он хотел доказать, что гармония в форме равновесия может быть установлена не путем превращения всего общества в пауперов, а посредством перевоплощения рабочего в капиталиста.

Обсуждая утверждения Кэри, что рост производительности труда якобы ведет к тому, что воспроизводство капитала требует меньше рабочего времени, Маркс замечает: «вместо того, чтобы сделать тот вывод, что рабочий должен произвести больше капитала, для того, чтобы быть занятым в течение того же самого рабочего времени, он (Кэри – *В.М.*) заключает, что рабочий должен меньше работать для того, чтобы приобрести капитал (присвоить себе условия производства)... Впрочем, г-н Кэри, для которого важна гармония, сам приходит к тому, что при понижении нормы прибыли масса прибыли возрастает, так как требуется все больший капитал по сравнению с применяемым живым трудом»⁹¹¹.

Вскрывая ложные основания концепции равновесия, Маркс одновременно показывает и несостоятельность покоящегося на них вывода, поскольку «логика г-на Кэри, проповедника гармонии» (Маркс) подчинена предвзятой идее – доказать недоказуемое.

На невозможность гармонии противоположностей при сохранении их антагонистической сущности Маркс указывал и тогда, когда критиковал позицию социал-демократической партии (горы) в период революции 1848 г. во Франции. «Своеобразный характер социально-демократической партии, – писал Маркс, – выражается в том, что она требует демократически-республиканских учреждений не для того, чтобы уничтожить обе крайности – капитал и наемный труд, а для того, чтобы ослабить и превратить в гармонию существующий между ними антагонизм»⁹¹².

Было бы, конечно, неверным утверждать, что гармония ни при каких обстоятельствах не совместима с равновесием. В соответствии с подходом К. Маркса, гармония несовместима только с равновесием антагонистических противоположностей. В борьбе противоположностей, как антагонистических, так и неантагонистических, соотношение сил, влияющих на динамику целого, с течением времени не остается постоянным, что позволяет рассматривать равновесие сторон как частный случай в общем процессе борьбы между противостоящими сторонами. Таким образом, в трудах Маркса содержатся достаточно ясные ответы на вопрос о соотношении гармонии и равновесия. Решающим здесь оказывается не количественная сторона (больше, меньше, равно), а качество отношений, хотя конечно, и

⁹⁰⁹ Там же. С. 112.

⁹¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 38.

⁹¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 2. С. 75.

⁹¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 148.

количественная характеристика остается важной, но она важна и применима преимущественно для сопоставления качественно тождественных отношений.

Подытоживая содержание осуществленного Марксом критического анализа «теории гармонии интересов», необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства: Маркс, как это видно из его высказываний о гармонии, не только не отвергает исторически сложившихся представлений о гармонии, а, напротив, решительно борется против их искажения. Именно на вопиющее несоответствие имевшимся тогда представлениями о гармонии и тем объектом, на который теоретики «гармонии интересов» пытались их распространить, указывал Маркс в своих работах. Так, согласно Кэри, имманентные свойства капитализма полностью отвечают требованиям гармонии; согласно же Марксу, ничто так не противоречит гармонии, как капитализм. Развивая эту идею, Маркс показывает, что требованиям гармонии не отвечает ни ранний капитализм, ни поздний; первый из-за недостатка разнообразия, второй – из-за отсутствия единства. Положение не меняется и тогда, когда антагонистические противоположности взаимно уравнивают друг друга. Ведь некое подобие единства в обществе, разделенном на угнетателей и угнетённых, всегда есть, но поскольку для гармонии требуется качественно другая форма единства, то, следовательно, антагонизм в принципе не совместим с гармонией, он является ее антиподом. Равновесие антагонистических противоположностей, оставаясь маловероятным, этого положения не меняет.

Анализ позиции Маркса в понимании соотношения гармонии и противоречий показывает, что Маркс придавал важное значение правильному пониманию сущности гармонии. Его борьба против «теории гармонии интересов», апологетической по своей идеологической сущности, идеалистической и метафизической в своих теоретических основаниях, показывает, что основу основ гармонии Маркс видит в характере противоречий. Уместно в этой связи вспомнить, что еще пифагореец Филолай говорил о том, что то, что не имеет противоречий, не нуждается и в гармонии. Между тем это основополагающее для учения о гармонии положение многими философами либо искажалось, либо игнорировалось. По существу никто из мыслителей домарксовской эпохи вопроса о соотношении гармонии и противоречий должным образом не решил.

Маркс, критикуя научную несостоятельность «теории гармонии интересов», разработал методологическую базу для диалектико-материалистического решения этого старого, долгое время остававшегося спорным вопроса, чего не могли сделать не только Лейбниц, но также Кант, Гегель и Фейербах.

Только незнанием позиции Маркса в понимании соотношения гармонии и противоречий можно объяснить приводившиеся во введении отдельные примеры неправильной трактовки некоторыми авторами, в том числе советскими, вопроса о специфике противоречий, удовлетворяющей требованиям гармонии.

Как известно, вопрос о противоречиях представляет собой «ядро диалектики», ядром он остается и в понимании гармонии. Осуществленная Марксом критика «теории гармонии интересов», позволившая выяснить диалектическую сущность противоречий между единством и разнообразием, способствовала преодолению того нового кризиса в учении о гармонии, в который оно было ввергнуто авторами упомянутой «теории».

2. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ГАРМОНИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КЛАССИКОВ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Наряду с вопросом о противоречиях, внимание классиков материалистической диалектики привлекали такие проблемы как условия возникновения гармонии, ее основные свойства и связи с другими явлениями.

Важным положением представлений о гармонии всегда был вопрос о направленности процесса, ведущего к состоянию гармонии. Критикуя относящиеся к этому вопросу рассуждения Кэри, Маркс пишет: «Положение... гармонично, если внутри какой-либо страны патриархальное производство уступает место промышленному: процесс разложения, сопровождающий такое развитие, рассматривается только с его положительной стороны. Но положение становится дисгармоничным, когда английская крупная промышленность ужаснейшим образом кладет конец патриархальным или мелкобуржуазным формам национального производства других стран»⁹¹³. Может показаться, что гармония, по мнению Маркса, исключает какую-либо последовательность движения, коль скоро переход от патриархального производства к промышленному он явно не считает проявлением гармонии. В действительности же Маркс выступает только против того, чтобы любую последовательность, всякую непрерывность рассматривать как признак гармонии.

В приведенном высказывании Маркса речь идет также и о том, что Кэри явно несовместимые с гармонией свойства капитализма пытается объяснить не имманентными причинами, а неблагоприятными внешними факторами. О допускаемой здесь Кэри путанице Маркс пишет: «В концентрации капитала внутри какой-либо страны и в разлагающем действии этой концентрации Кэри видит только положительные стороны. Но воздействие, оказываемое концентрированным английским капиталом на другие национальные капиталы, что разоблачает как монополию Англии, – это – сама дисгармония»⁹¹⁴. И далее Маркс заключает: «Кэри не находит другого средства, как призвать в конце концов на помощь разоблаченного им дьявола, государство, и поставить его – т.е. покровительственные пошлины – у врат гармонического рая в качестве ангела-хранителя. Так как он всё же – исследователь, а не беллетрист... он вынужден пойти дальше. Развитие Америки за последние 18 лет нанесло его гармоническому воззрению такой удар, что причину искажения самих по себе еще крепко удерживаемых им «естественных гармоний» он теперь скорее усматривает не во внешнем воздействии государства, а – в торговле! Результат поистине удивительный: торжественно провозгласить меновую стоимость основой гармонического производства, а затем заявить, что развитая форма обмена, торговля, уничтожает эту меновую стоимость в ее имманентных законах! Именно в такой, полной отчаяния форме доказывает Кэри своё запоздалое суждение о том, что развитие гармонической меновой стоимости – дисгармонично»⁹¹⁵.

Кэри не мог не видеть, что капиталистическая система в экономическом, социальном, моральном, культурном и других отношениях совершенно не удовлетворяет требованиям, которые налагают на объект, претендующий быть гармоничным, исторически сложившиеся представления о самом понятии гармонии. Однако, желая во что бы то ни стало свести концы с концами в полюбившейся ему догме о гармонии капитализма, он упрямо настаивал, что капитализму Америки будто бы мешают быть гармоничным лишь внешние причины.

⁹¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 2. С. 459.

⁹¹⁴ Там же.

⁹¹⁵ Там же.

Вывод о несоответствии капиталистической системы понятию гармонии, полученный Марксом, позволяет поставить вопрос о тех объектах, которые обоснованно могли бы рассматриваться гармоническими.

Когда-то Лейбниц так выразил свое понимание этого вопроса: «существовать есть ничто иное как быть гармоничным»⁹¹⁶. Если согласиться с такой трактовкой, то принцип гармонии становится абсолютным законом природы. Суждение «все люди смертны», или «человек смертен» есть, – говорит Энгельс, – суждение всеобщности...» Дойдя до этой формы, закон достиг своего последнего выражения... В своей всеобщности, в которой форма и содержание одинаково всеобщы, он не способен ни к какому дальнейшему расширению: он есть абсолютный закон природы»⁹¹⁷. В связи с вопросом, является ли гармония абсолютным, всеобщим свойством природы и общества, уместно привести следующее высказывание Энгельса: «любая форма движения оказалась способной и вынужденной превращаться в любую другую форму движения»⁹¹⁸, которое переключается с ранее приводившимся рассуждением Аристотеля о том, что «все гармонично устроенное возникало из неустроенного, и неустроенное из гармонично устроенного и чтобы гармонично устроенное исчезало в неустройстве, притом не в любом случайном, а в противоположном»⁹¹⁹. Вытекающий отсюда вывод об универсальном характере гармонии, конечно, не означает признания того, что все системы, как это считал Лейбниц, непременно гармоничны; он означает только то, что при определенных условиях, как это говорил еще Аристотель и что согласуется с соответствующими идеями Маркса и Энгельса, негармоничное может стать гармоничным. Так, например, человеческое общество, взятое на капиталистической стадии его развития, еще не является и не может быть гармоническим, но совершенно иным становится положение, когда на смену капиталистической стадии приходит стадия коммунистическая. Поскольку возможность построения коммунистического общества сохраняется за любой страной, то, следовательно, имеются достаточные основания рассматривать гармонию необходимым свойством общества, о чем Маркс и Энгельс писали еще в «Манифесте коммунистической партии».

Рассматривая «положительные выводы (содержащиеся в “коммунистических сочинениях” – В.М.) насчет будущего общества», в котором уничтожение противоположности между городом и деревней, ... частной наживы, наемного труда, провозглашение общественной гармонии, превращение государства в простое управление производством, – и говоря, что, – все эти положения выражают лишь необходимость устранения классовой противоположности»⁹²⁰, основоположники марксизма, таким образом, ввели понятие гармонии в саму структуру научной теории, предварительно определив его смысловое содержание.

Интерес к гармоническим явлениям у Маркса и Энгельса возник еще в ранней юности, причем уже тогда гармония мыслилась или как свойство самых разнообразных общественных и природных явлений⁹²¹.

⁹¹⁶ Лейбниц Г.-В. Элементы сокровенной философии о совокупности вещей. С. 33.

⁹¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 538–540.

⁹¹⁸ Там же.

⁹¹⁹ Аристотель. Физика. С. 14.

⁹²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 456.

В английском издании «Манифеста коммунистической партии» за 1888 г. К. Маркс и Ф. Энгельс говорили не о «противоположности», а о различии «между городом и деревней».

⁹²¹ В стихотворении «Гармония» Маркс говорит о «мире гармонии», «Гармония... выявляет родство,

Тезис об универсальности гармонии основоположники марксизма утверждали и в других своих работах. Так, Энгельс в своем письме к Лаврову⁹²² и в «Диалектике природы»⁹²³ говорит о том, что гармония присуща не только органической, но также и неорганической природе.

Таким образом взгляды классиков материалистической диалектики по данному вопросу были ими выражены достаточно определенно: в природе нет явлений, для которых существует принципиальный запрет на движение к гармоническому состоянию, что однако не означает, будто бы все реально существующие природные и социальные системы гармоничны. Такой подход исключает метафизическую точку зрения на гармонию, выражающуюся как в нигилистическом отношении к ней, гармонии, не признающую реальность данного явления, так и ее абсолютизации.

Другим вопросом проблемы универсальности гармонии является определение той позиции, с которой подходит к ее решению, Лейбниц, к примеру, был безусловно привержен идее универсальности гармонии, но решал этот вопрос как идеалист. Так, в обоснование своего идеалистического подхода к данному вопросу, он приводил такой довод: «Преднамеренное устройство планет и животных более, чем что-либо другое подтверждает мою систему предустановленной гармонии». Выше уже говорилось об идеалистической позиции по данному вопросу Канта и Гегеля.

Ненаучный подход к гармонии был свойственен и представителям субъективного идеализма, среди которых внимание Ленина привлекали взгляды Маха и, в особенности, Пуанкаре.

Пуанкаре, говоря о роли «математического языка» в науке, пишет, что «без этого языка большая часть внутренних аналогий вещей осталась бы навсегда неизвестной для нас, и мы никогда не знали бы о той внутренней гармонии мира, которая, как мы увидим, есть единственная истинная объективная реальность... Наилучшее выражение этой гармонии – это закон; закон есть одно из самых недавних завоеваний человеческого ума... Потому-то мир и божественен, что он полон гармонии... Но существует ли вне человеческого разума эта гармония, которую человеческий разум полагает открыть в природе? Без сомнения – нет...»⁹²⁴. Такова точка зрения одного из субъективных идеалистов.

Рассматривая взгляды Маха на природу пространства и времени, Ленин заметил, что последний был склонен рассматривать гармонию только лишь как привносимый сознанием и отсутствующий в объективном мире порядок самих ощущений. «...Посмотрите, – писал Ленин, – на “учение” по сему предмету “новейшего позитивизма”. У Маха читаем: «Пространство и время суть упорядоченные (или гармонизированные, Wohlgeordnete) системы рядов ощущений... Это – явная идеалистическая бессмыслица, неизбежно вытекающая из учения, что тела суть комплексы ощущений»⁹²⁵. Конечно, система ощущений может быть упорядоченной и неупорядоченной, по-видимому, может быть она гармоничной и негармоничной, не может быть только того, чтобы материя или ее свойства, в том числе и такое, каким является гармония, были только лишь свойством сознания, его функцией.

объединяет различное, она есть противоречие “высоких дум и сладких мук”... “всегда в себе живет”» и т.д. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 40. С. 490–491. К понятию гармонии обращался и юный Энгельс. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 5. С. 516.

⁹²² Маркс К., Энгельс Э. Соч. Т. 34. С. 133–134.

⁹²³ Маркс К., Энгельс Э. Соч. Т. 20. С. 622.

⁹²⁴ Пуанкаре А. Ценность науки. С. 7–9.

⁹²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 184.

Критикуя последователей кантианского и юмистского агностицизма за их потуги «всякое признание объективной реальности данной нам в опыте» рассматривать как «незаконный трансцензус»⁹²⁶, Ленин указывал, что «на ту же дорожку агностицизма сбивается постоянно... Пуанкаре, крупный физик и мелкий философ... Для Пуанкаре... законы природы суть символы, условности, которые человек создает ради “удобства”. “Единственная настоящая объективная реальность есть внутренняя гармония мира”, причем объективными Пуанкаре называет общезначимое, признаваемое большинством людей или всеми – т.е. чисто субъективистски уничтожает объективную истину...»⁹²⁷.

Охарактеризовав таким образом философскую позицию Пуанкаре, Ленин показал, что наиболее явным образом его агностицистская, субъективно-идеалистическая сущность выражена в подходе к гармонии. «Пуанкаре, – говорит Ленин, – про “гармонию” категорически заявляет на вопрос, находится ли она вне нас: “без сомнения нет”»⁹²⁸. Таким образом, позиция Ленина в вопросе о признании объективности гармонии противоположна позиции Пуанкаре; здесь, других своих высказываниях, Ленин, последовательно защищает идею объективности гармонии.

Положением, имеющим принципиальное значение в материалистическом понимании явления гармонии, Ленин считает следующую мысль Фейербаха: «Именно то, что человек называет целесообразностью природы и как таковую постигает, есть в действительности не что иное, как единство мира, гармония причин и следствий, вообще та взаимная связь, в которой все в природе существует и действует»⁹²⁹. Ее он снабдил замечанием: «важно против агностицизма»⁹³⁰. Гармония причин и следствий как специфическое проявление целесообразности выражает собой одновременно и определенную форму развития.

Подчеркивая, вслед за Гегелем, позитивный момент в учении пифагорейцев о гармонии, в частности постановку ими вопроса о внутренней противоречивости явлений как необходимой основе гармонии, Ленин в то же время решительно критиковал их за мистификацию угаданного, но еще весьма слабо понятого ими явления гармонии. При этом в мировоззренческо-методологическом плане критика Лениным пифагорейской концепции гармонии принципиально отличается от аналогичной критики Гегеля. Если Гегель фактически соглашается с утверждением пифагорейцев о том, что при решении вопроса о реальности гармонии мира надо исходить не из объективных данных, а из их субъективных восприятий⁹³¹, то Ленин видит в таком подходе проявление чуждого науке субъективизма.

Своими замечаниями: «отношение субъективного к объективному» и «движение небесных светил – гармония его – неслышимая нами гармония поющих небесных сфер (у пифагорейцев)»⁹³² Ленин отмежевывается не только от пифагорейских подходов, но и от позиции Гегеля.

С большим интересом Ленин относился к пифагорейской модели Вселенной, включающей в себя «десять сфер», гармония которой, по мнению Пифагора, проявляется в том, что «каждая сфера» – особого тона, соответственно различию своей величины и

⁹²⁶ Там же. С. 170.

⁹²⁷ Там же.

⁹²⁸ Там же.

⁹²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 51.

⁹³⁰ Там же. С. 52.

⁹³¹ «Пифагор приписал рассудку и отвоевал для него посредством твердого определения такое простое субъективное чувство, как слух, которое само по себе состоит в способности улавливать отношения» (Гегель. Т. IX. 1932. С. 200).

⁹³² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 2–4.

скорости. Последняя определяется различными расстояниями, находящимися в гармоничном отношении друг к другу, соответственно музыкальным интервалам; вследствие этого возникает гармонический голос (музыка) движущихся сфер (мир)...»⁹³³.

После изложения античных представлений о природе гармонии, об отношениях, определяющих специфику данного явления, об условиях, при которых само это явление возникает и т.д., Ленин делает следующую запись: «немёк на строение материи»⁹³⁴, существо которой заключается в признании Лениным необходимости при изучении гармонии опираться на научные знания о строении материи.

Классики марксизма в своих трудах высказывались и по другим важным для понимания гармонии вопросам, в том числе, о проблемах целого, абсолютного и относительного, нормального, внешнего и ряда других. Учет их позиции по этим вопросам необходим для правильной ориентации при обсуждении различных аспектов теории гармонии.

Проведенный обзор идей Маркса, Энгельса, Ленина, относящихся к пониманию гармонии, показывает, что в трудах классиков материалистической диалектики содержится необходимая основа для выработки научной диалектико-материалистической концепции гармонии. Их взгляды на сущность и исходную основу гармонии, включение проблемы гармонии в проблему развития, их идеи об относительности и универсальности гармонии свидетельствуют о присущем им научному пониманию не только самого явления, но и значительности того места, которое оно занимает среди других явлений мира. Не случайно в их трудах встречается термин «гармония мира»⁹³⁵.

Особенно велик вклад классиков марксизма в разработку проблемы гармонии в социальном развитии. К аналогичному выводу приходит и П.Н. Федосеев, подчеркнувший, что движение от социализма к коммунизму происходит «на той базе, которую В.И. Ленин, вслед за К. Марксом, назвал гармоничным... развитием»⁹³⁶.

ГЛАВА ВТОРАЯ. СООТВЕТСТВИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ – НЕОБХОДИМАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ГАРМОНИИ

Вывод, вытекающий из обзора историко-философского материала и из изучения идей классиков марксистско-ленинской философии о том, что основу гармонии могут представлять не любые, а лишь вполне определенные противоречия, является не только правильным, но и ключевым в понимании гармонии. Важным достижением материалистической диалектики, способствующим успешному решению вопроса о соотношении гармонии и противоречий, является разработка типологии последних, благодаря чему из сферы гармоничного исключается все то, что характеризуется антагонизмом. В связи с этим возникает новый вопрос, является ли указанное ограничение достаточным, чтобы можно было считать, что если в системе нет антагонизмов, то уже в силу этого факта система выступает как гармоническая.

Поскольку научный способ изучения гармонии несовместим с допущением любых сверхъестественных факторов, то, подходя к гармонии только как к объективному

⁹³³ Там же. С. 224.

⁹³⁴ Там же.

⁹³⁵ Там же.

⁹³⁶ Федосеев П.Н. Марксистско-ленинская философия на современном этапе. С. 40.

материальному явлению, становится видно, что гармоничное от негармоничного будет отличаться не только его материальным составом, сколько порядком, особенности отношений, входящих в сложное целое компонентов. Для ясности приведем один пример. Две фразы: а) «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом» и б) «В голубом тумане моря белеет одинокий парус». Состав слов в обеих фразах один и тот же, но в первом случае фраза поэтическая, а во втором только прозаическая. Отсюда следует, что хотя в поэтическом творчестве ничего сверхъестественного нет, однако, без таланта стихов не напишешь. П.И. Чайковский писал, что композитор должен «угадывать», что может быть благозвучным, а что нет. В.И. Ленин революцию, разумеется, успешно осуществленную, не случайно назвал искусством, что предполагает умение находить нужные силы, создавать новые отношения, целесообразно действовать в соответствующих условиях. Соответствие, таким образом, является стержневой основой гармонии, а потому его изучению в рамках обсуждаемой проблемы необходимо уделять должное внимание.

1. ИДЕЯ СООТВЕТСТВИЯ, ЕЕ ИСТОКИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ В ПОНИМАНИИ ГАРМОНИИ

На примере раннего капитализма, Марксом было показано, что между «мелким хозяйчиком» и наёмным рабочим антагонизма еще нет, поскольку существующее между ними различие слабо выражено, но и для гармонии здесь нет необходимых условий из-за недостатка разнообразия. Надо сказать, что такие ситуации не относятся к числу уникальных, с подобным положением можно встретиться и в природе, и в многих областях общественной жизни. В литературе ставится вопрос не только об отношении гармонии к антагонизмам, но появляются и такие работы, в которых обсуждается отношение гармонии к неантагонистическим противоречиям. Так, например, встречаются предложения в рамках неантагонистического типа противоречий выделить, так сказать, подтип гармонических противоречий, точнее – гармонических противоположностей. С.П. Дудель в статье «Специфика борьбы нового и старого в условиях строительства коммунизма» ставит вопрос о гармонических противоположностях следующим образом: «В классовом обществе типичным является наличие антагонистических социальных противоположностей нового и старого. В условиях победившего социализма типичны неантагонистические противоположности нового и старого. В период развернутого строительства коммунизма все отчетливее выступают и действуют... такие стороны диалектических противоречий развития нашего общества, которые лучше было бы называть не только неантагонистическими, но и гармоническими противоположностями.

Отличительными признаками гармонических противоположностей является то, что эти противоположности вообще не противостоят друг другу как новое и старое. Обе стороны противоречия в своем единстве прогрессивны и способствуют развитию»⁹³⁷. Не являясь единственным, это высказывание порождает ряд нуждающихся в разъяснении вопросов, среди которых и такой, как понимать, что «эти противоположности вообще не противостоят друг другу как новое и старое». Почему же они тогда все-таки называются противоположностями? Отрицание нового – занятие старое. Когда-то еще библейский проповедник Экклизиаст полностью, принципиально отрицал новое. «Бывает нечто, – писал

⁹³⁷ Дудель С.П. Специфика борьбы нового и старого в условиях строительства коммунизма // Вопросы философии. 1962. № 3. С. 129.

он, – о чем говорят: “смотри, ведь это новое”. Но это уже было в веках, бывших прежде нас» (Ветхий Завет, I, 10). Конечно, в этой трактовке данного вопроса старое не имеет своей противоположности. Разумеется, было бы неправильным приписывать нашим авторам негативное отношение к новому. В данном случае речь идет о теоретической трудности, не более того. В связи с этим возникает вопрос такого рода: разве понятие гармонии оказывается несовместимым с понятием развития? Вопрос о гармонии, взятый в его отношении к противоречиям, решаемый так, что одно исключает другое, затрагивается и другими авторами⁹³⁸. Все это показывает, что в данном случае требуется более полное рассмотрение этих отношений, которые складываются в динамических системах между, с одной стороны, их смежными состояниями, а с другой – образующими их единую сложную структуру сторонами.

Острота вопроса о соответствии особенно велика потому, что теоретически более ясными представляются антагонистические противоречия, в то время как противоречия неантагонистические, имеющие прямую связь с гармонией, пока не имеют даже четкого собственного названия, и потому С.П. Дудель, думается, не был совсем неправ, когда предлагал дополнить существующую классификацию путем введения в нее понятия «гармонических противоположностей» как одного из видов противоположностей неантагонистических⁹³⁹. Правда, нам не представляется удачным решение называть указанные противоположности «гармоническими» не только потому, что в одно и то же время не могут быть прогрессивными и новое, пришедшее на смену старому, и само это старое, как уже отжившее, но еще и потому, что не все «неантагонистическое» становится «гармоническим».

В марксистско-ленинской философии вопрос о связи высшего с низшим, как разделенных временем стадий, наряду с вопросом о связи того и другого, взятых в рамках некоторой целостности получил свое объяснение при изучении соотношения материи и сознания. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин показал, что своеобразие связи между материей и сознанием выражается особым видом отношения, получившем название «соответствия».

Критикуя позицию махистов, Ленин отметил, что субъективно-идеалистическая трактовка соответствия, понимаемого как «совпадение», влечет за собой отождествление материи с сознанием и тем самым отношение между ними отрицается, поскольку, как пишет Ленин, в трактовке махистов «совпадать» – значит здесь «быть тем же самым», а не «соответствовать». Ленин отмечает при этом, что используемые ещё Энгельсом для характеристики отношения между материей и сознанием немецкие слова «stimmen mit» не могут означать совпадать в смысле: «быть тем же самым», поскольку и буквально, и по

⁹³⁸ «Есть философы, – пишет А.Я. Мильнер-Иринин, – которые готовы признать внутреннюю противоречивость вещей, общественных явлений в том числе, но принципы этой внутренней противоречивости они усматривают в, якобы, действующем в вещах и обнаруживаемом ими абсолютном или мировом разуме. На этом основании философы эти, страдающие какой-то антагонистической болезнью, стремятся увековечить эти противоречия, обожествляют их и умудряются в самих противоречиях усмотреть проявление некоей чудесной и восхитительной гармонии. И в самом деле, разве не “гармония” – рабовладелец и раб, крепостник и крепостной, буржуа и пролетарий, одним словом, эксплуататор и эксплуатируемый, паразит и трудящийся человек» (Актуальные проблемы марксистской этики. Тбилиси, 1967. С. 295).

⁹³⁹ Дудель С.П. Специфика борьбы нового и старого в условиях строительства коммунизма // Вопросы философии. 1962. № 3. С. 129.

существу немецкие слова «stimmen mit» можно употребить по-русски исключительно в смысле соответствия, согласованности и т.п.»⁹⁴⁰.

Другая крайность в понимании соответствия, представлена так называемой «теорией символов» (или иероглифов). Критикуя трактовку Гельмгольца, «отрицающую объективную реальность», Ленин пишет: «И он (Гельмголец – В.М.) доходит до вопиющей неправды, когда заключает...: «идея и объект, представляемый ею, суть две вещи, принадлежащие, очевидно, к двум совершенно различным мирам... Так разрывают идею и действительность, сознание и природу только кантианцы»⁹⁴¹.

Поскольку материя и сознание, взятые в их историко-генетической связи, представляют собой первичное и вторичное, старое и новое, а взятые в качестве сосуществующих сторон всего реального мира – природы и духа – они уже становятся взаимодействующими противоположностями единого целого, – то данную Лениным характеристику и тех и других отношений как соответствие, можно считать методологической основой для рассмотрения отношений между теми противоположностями, с которыми связано гармоническое развитие.

Проблема отношений не только между сменяющимися друг друга стадиями, но и между теми элементами, из которых возникает сложное новое, интересует не только философию, но и практически все другие области науки. «Почему у слонихи рождается слоненок, а не мышонок или лягушонок? Почему ребенок белых родителей, рожденный и выросший в Африке, остается белокожим, а кожа ребенка от родителей негров остается черной, если даже он родился и вырос в Европе? Вопросы эти имеют не только теоретическое значение»⁹⁴².

Не меньшее значение представляют и те вопросы, которые связаны с возникновением нового. Еще алхимики пытались подобрать так компоненты смеси, чтобы в конце концов получилось золото. Но и современных химиков продолжает интересовать вопрос о композиции сложных веществ, селекционеры, как и химики, именно поиском соответствий решают проблему подбора. Вопрос о жизнеспособном подборе возник очень давно. Демокриту принадлежат слова: «животные соединяются с животными того же самого вида, как например, голуби с голубями, а журавли с журавлями, и у всех прочих неразумных животных дело обстоит точно так же. Равным образом то же самое можно сказать и относительно неодушевленных шедметов, как можно видеть на примере просеивания семян и на примере камешков на морских берегах. А именно, в первом случае при вращении веялки отдельно ложатся чечевицы с чечевицами, ячменные зёрна с ячменными, во втором же случае под действием прибоа воды продолговатые камешки отбрасываются на одно место с продолговатыми, круглые же – на одно место с круглыми, так что как будто подобие в вещах имеет силу соединять их вместе, в одно»⁹⁴³.

Мысль Демокрития, что «подобие в вещах имеет силу соединять их вместе, в одно», относится к числу методологически важных. Существует и другая форма подобия, которой характеризуются отношения между поколениями или отдельными смежными стадиями развития. Мыслители прошлого говорили о том, что в мире существует порядок, согласно которому как рождение, так и смерть подчинены принципу преемственности⁹⁴⁴. Особенно

⁹⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 114–115.

⁹⁴¹ Там же. С. 246.

⁹⁴² Дубинин Н.П. Генетика: успехи и перспективы // Правда. 1971. 19 января.

⁹⁴³ Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 111.

⁹⁴⁴ Антология мировой философии. Т. I. С. 335.

явно этот подход выражен в индийской философии. «Старость и смерть обусловлены рождением»⁹⁴⁵, – говорится в индийских Ведах.

Таким образом еще в глубокой древности развитие осознавалось как движение в рамках подобия или как соответствие между новым и старым. В Ведах нашел свое отражение и так называемый «закон зависимого возникновения», согласно которому старость и смерть обусловлены рождением, рождение – становлением, становление – привязанностью, привязанность – жаждой, жажда – чувством, чувство – соприкосновением, соприкосновение – именем и формой, имя и форма – сознанием, сознание же – именем и формой⁹⁴⁶. Значит, любая стадия в развитии связана как с предыдущей, так и с последующей. Все это говорит о том, что идея стадийного развития уходит своими корнями в глубокую древность, а потому признание строгой последовательности в переходе от одной стадии к другой есть не что иное, как признание преемственности или соответствия предыдущей стадии последующей. Однако главным здесь остается вопрос о том, что именно вызывает движение от старого к новому. В «Ведах» в этой связи речь идет о «соприкосновении». «Если посредством внешнего вида, отличительного признака, определения сделано описание всей группы имен и группы форм, то при полном отсутствии этого внешнего вида, этих отличительных признаков, этих примет, этих определений, откуда было взяться соприкосновению, произошедшему через называние, и соприкосновению, произошедшему через отталкивание? Неоткуда...?»⁹⁴⁷

Соприкосновение в данном случае означает взаимодействие каких-то качеств, сторон, которые объединяясь, могут назваться одним именем, но могут и отталкиваться, сохраняя при этом каждую свою форму. Поскольку «вся группа» состоит из таких составных частей или элементов, каждый из которых имеет свой «внешний вид», «отличительный признак», «примету», «определение», то в своей совокупности они составляют некоторую целостность, обладающую общим именем и единой формой. И если бы этого не было, то не было бы, как подчеркивается в «Ведах», и соприкосновения, т.е. взаимодействия, а следовательно, не было бы и возникновения. Поэтому возникновение есть движение от частей к целому, от простого к сложному.

Значит, еще древним мыслителям была известна связь между возникновением и усложнением. Более того, древние мыслители обратили внимание не только на преемственность в развитии, но и на те требования, которым должны взаимно удовлетворять взаимодействующие элементы, о чем свидетельствует приведенная выше мысль Демокрита, что подобие вещей объединяет их в одно. Таким образом, как древнеиндийская, так и древнегреческая философия достаточно отчетливо различали движение от старого к новому и движение от простого к сложному.

Современная наука располагает и данными, необходимыми для того, чтобы понять; почему именно «подобие в вещах имеет силу соединять их вместе, в одно».

Наличие этих двух существенно отличающихся друг от друга форм взаимодействия делает необходимым и возможным выделение двух разновидностей отношения в едином процессе развития. Одна из них – отношение между старым и новым, в котором новое находится в зависимости от старого. Этот вид отношения, особенностью которого является преемственность, означающая не только перенос некоторых существенных черт старого в

⁹⁴⁵ Там же. С. 121.

⁹⁴⁶ Там же. С. 119–124.

⁹⁴⁷ Там же. С. 123.

новое, но и детерминацию нового старым представляет собой функциональное соответствие между последовательно сменяющимися друг друга отдельными состояниями развивающейся системы. Однако новое в первую очередь является результатом взаимодействия, определенной связи исходных компонентов.

Поскольку, как уже отмечалось, составные части сложного, его исходные компоненты только при условии взаимного удовлетворения некоторым общим требованиям оказываются способными составить нечто единое, входя в которое, эти части как бы взаимно дополняют друг друга, то данное отношение, обеспечивающее целостность нового, есть нечто иное как дополнительное соответствие.

Соответствие сторон и соответствие стадий является объектом изучения самых различных наук, в связи с этим мог бы представить интерес анализ подхода к этой проблеме, практикуемого в такой сравнительно абстрактной науке как математика, что могло бы оказаться методологически целесообразным при последующем обращении по данному поводу к естествознанию.

Хотя включение математики в науки, исследующие развитие, может показаться спорным, тем не менее обращение к ней при изучении соответствия не только возможно, но и необходимо поскольку математическим отношениям почти всегда находят аналоги в жизни. Отношения между простым и сложным, новым и старым представляют собой, если говорить математическим языком, конкретную форму бинарных отношений, занимающих в математической теории множеств наиболее видное место. К этому можно добавить, что логический аппарат философии в значительной мере именно через математику проникает в физику, химию, биологию и кибернетику. Кроме того, надо учесть, что именно в математике понятие соответствия занимает весьма заметное место.

Известно, что теоретическая математика из некоторого набора постулатов без непосредственного обращения к объективной реальности получает определенные выводы, формулы, уравнения, которые становятся базой для решения прикладных задач. Так, движение от исходных постулатов до конечных выводов показывает, что между ними располагается то или иное количество промежуточных математических выражений, разных по форме, но имеющих общий инвариант. Процедура подобного перехода от исходного к конечному, называемая математическим преобразованием, осуществляется в таких условиях, когда имеет место движение от одного математического объекта к другому при сохранении его инварианта. Таким образом, в основе всех математических преобразований лежит принцип, выражающий соответствие одного математического объекта другому. Будучи методологической основой тех преобразований, с помощью которых одни математические объекты переходят в другие, принцип соответствия представляет собой также и основу для преобразования двоякой картины реальной действительности в математические объекты. В процессе движения мысли от реального объекта через субъективную форму образа к абстрактному математическому объекту и осуществляется перенесение некоторой сущности в содержание того инварианта, сохранение которого является обязательным правилом математического преобразования, а в этом и заключается соответствие сопоставляемых математических объектов.

В процессе таких преобразований одного объекта в другой никакого произвола нет, и это дает основание считать и исходный объект математики, и его конечную форму, полученную путем преобразований, функционально связанными между собой, а саму эту связь усматривать как форму функционального соответствия.

В теории множеств, где соответствие как форма отношения между двумя или несколькими множествами выступает в качестве самостоятельного математического объекта, кроме описанного функционального или однозначного соответствия, используются и другие формы соответствия. Так, из набора исходных множеств можно получить новые множества, если, руководствуясь определенными правилами произвести некоторые операции. Простейшим примером может служить объединение, когда из множества всех четных чисел и из множества всех нечетных чисел, получается новое множество всех целых чисел. Новое множество (множество всех целых чисел) не отвечало бы принципу своей организации, если бы в нём не были представлены либо чётные, либо нечётные числа, ибо присутствие и тех и других является непреложным требованием существования самого математического объекта.

Таким образом, целостность данного множества зиждется на отношении дополнительности входящих в него подмножеств, причем само это отношение есть соответствие, но уже не в виде функции, а в форме дополнительности, что позволяет в рамках теории множеств обратить особое внимание из всего ряда разных форм соответствия на две: функциональную и дополнительную.

Сопоставляя между собой эти разновидности соответствия, можно сказать, что функциональный характер соответствия проявляется в следующем. Если соотношение задано, то по наличию элементов одного вида данного множества можно судить о наличии элементов другого его вида. Особенность соответствия между элементами множества при определенном законе отношений между ними проявляется в том, что само соответствие может носить одновременно как функциональный, так и дополнительный характер.

Дополнительный характер соответствия в этом случае заключается в том, что данное множество имеет место только при условии, что подмножество элементов одного вида дополняется подмножеством элементов другого вида. Казалось бы, что наличие дополнительного соответствия между упомянутыми подмножествами позволяет рассматривать само множество как систему, однако в математике этого обычно не делают⁹⁴⁸.

Как пример множества может рассматриваться совокупность «из солнца, разума и апельсина», но было бы неправильным ту же совокупность считать системой. «Чтобы суждение о принадлежности объекта данному множеству могло быть достаточно определенным, надо под объектом понимать нечто достаточно четко определенное и способ описания множества задавать достаточно ясным образом. Например, не стоит рассматривать множество моих воспоминаний, поскольку не очень ясно, что есть единичное воспоминание, т.е. в данном случае объекты определены весьма нечётко»⁹⁴⁹. Между тем, не существует принципиальных ограничений для того, чтобы воспоминания человека рассматривались в качестве системы.

Обращая внимание на различия между системой и множеством, было бы неверным противопоставлять их друг другу, так как существует немало и таких совокупностей, которые являются одновременно и системой, и множеством: органы живого организма – руки, ноги и т.д. подобно солнцу, разуму и апельсину могут рассматриваться не только в качестве элементов множества, но взятые вместе одновременно, представляют собой и систему.

⁹⁴⁸ Например, Ю.А. Шрейдер, называя в качестве синонимов множество, совокупность, класс, группу, коллектив, собрание, ансамбль, ряд, не включил сюда систему. Это можно объяснить тем, что «любой реальный или воображаемый объект может являться элементом каких-то множеств» (Шрейдер Ю.А. Равенство, сходство, порядок. М., 1971. С. 227–228).

⁹⁴⁹ Шрейдер Ю.А. Равенство, сходство, порядок. М., 1971. С. 288.

Сопоставление системы и множества позволяет отметить, что математические принципы, несмотря на их резко возросшую популярность в различных науках, не могут механически переноситься на отношения и связи, существующие в реальных развивающихся системах. Отношения соответствия в математике носят инверсионный характер, а аналогичные отношения между состояниями развивающейся системы свойством инверсии не обладают, а потому математическое соответствие не может служить непосредственным выражением динамики развития. Например, такой фундаментальный закон развития, каким является закон взаимного перехода количественных изменений в качественные, не находит своего проявления в теории множеств. Множество остается множеством независимо от того, возрастает или сокращается число входящих в него элементов, в то время как рост или сокращение элементов любой реальной системы рано или поздно приводит к скачкам, к качественным изменениям.

Конечно, теория множеств не является единственной областью математики, в которой встречаются отношения функционального и дополнительного соответствия. Отношения функционального соответствия, рассматриваемые как генетическая связь, имеют место при переходе от комплексных чисел к вещественным, от кватернионов к комплексным числам, от дифференциальных уравнений с отклоняющимся аргументом к обыкновенным, от интегрального уравнения Фредгольма к уравнению Вольтерра и т.д. Более общий вид математического объекта является результатом дальнейшего обобщения, или развития, менее общего, и при определенных условиях один вид превращается в другой. Так, комплексное число $1 + bi$ переходит при $a \rightarrow 0$ в мнимое, а при $b \rightarrow 0$ – в вещественное; кватернион вида $a + bi + ci + dc$ при $c \rightarrow 0$ и $d \rightarrow 0$ переходит в комплексное число. Аналогичным оказывается переход одного в другое и в остальных примерах⁹⁵⁰.

Другой стороной отношений между вышеупомянутыми числами и уравнениями является необходимость не только их более общей формы, но также и предшествующей ей более простой разновидности. Например, появление обобщённых функций несколько не означает утрату значения обыкновенных функций, поскольку неинтегрируемые особенности последних не поддаются адекватному отображению первыми. Следовательно, две самостоятельные формы соответствия – функциональность и дополнительность – характеризуют отношения как между математическими объектами, так и между математическими теориями различного уровня обобщения и сложности.

Математика даёт много наглядных примеров того, как посредством выявления функционального и дополнительного соответствия можно объяснить не только некоторые закономерности развития научных теорий, но и необходимость одновременного существования, казалось бы, взаимоисключающих концепций. Известно, например, что геометрии Евклида противостоят несколько неевклидовых геометрий.

Таким образом, анализ отношений между математическими объектами: множествами, числами, уравнениями, функциями и т.д. – как и анализ отношений между математическими теориями, говорит о том, что функциональное соответствие, выражающее движение от старого к новому, от более простого к более сложному, при котором второе представляет собой функцию первого, существует наряду с дополнительным соответствием между тем, что в границах данной целостности принадлежит тому ценному, что в новом сохранилось от старого, и тем объективно новым, которое возникло из взаимодействия исходных элементов, происходящего на основе старого. В заключение следует отметить, что философская по

⁹⁵⁰ Нысанбаев А. Принцип соответствия и математика // Вопросы философии. 1965. № 7. С. 95–104.

своему универсальному характеру идея соответствия обладает важной методологической функцией в понимании развития вообще и в понимании гармонии в частности. Ведь еще в глубокой древности знали, что «всё течёт, всё изменяется», но никто не утверждал, что это течение, это изменение может носить произвольный характер. Старое превращается в новое, но не в какое угодно, а в определенное новое. Взаимодействие исходных компонентов может привести к определенному результату, если при этом сами взаимодействующие компоненты удовлетворяют определенным требованиям.

Преобразования в математике, например, преобразования Галилея, Ньютона, Лоренца, отражающие важные этапы развития теории пространства и времени, свидетельствуют о том, что древняя идея соответствия в современной науке продолжает свое существование практически во всех ее отраслях.

Не без помощи идеи соответствия Маркс сделал свой знаменитый вывод: «Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»⁹⁵¹.

Ленин, развивая данное положение Маркса, показал, что указанное преобразование материального в идеальное отвечает принципу соответствия. Таким образом идеи античных философов, классиков марксизма и современные математические представления в своей совокупности позволяют очертить общий контур понятия соответствия, выделить в его рамках две разных, но тесно связанных между собою, формы, что служит еще одним шагом на пути к более глубокому осмыслению явления, именуемого гармонией.

2. СООТВЕТСТВИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ В СВЕТЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Качественно различные формы соответствия встречаются не только в отношениях между объектами и теориями математики. Всюду, где имеет место движение от простого к сложному и от старого к новому, можно заметить, что процесс усложнения осуществляется на основе взаимодействия сторон, находящихся в отношении дополнительного соответствия, а процесс обновления – на основе функционального соответствия нового своему предшественнику – старому. Наиболее убедительным подтверждением этого являются те отношения, которые складываются в физике, как между её объектами, так и между её теориями. Следует при этом отметить и то, что именно благодаря высокому уровню развития физической теории естественнонаучная проблема соответствия, уходящая своими корнями в античную философию, теперь снова вернулась в число философских проблем, демонстрируя тем самым восхождение теоретического знания от абстрактного к конкретному, чему в немалой степени содействовал открытый Бором принцип соответствия.

Имеется немало исследований, в которых анализируется роль этого принципа не только в физике, но и в математике, химии, биологии и других областях естествознания. Однако в большинстве этих работ говорится главным образом о методологической функции принципа соответствия. Между тем, значение его оказывается более широким.

В самом деле, теорию Ньютона и теорию Эйнштейна удалось согласовать, как известно, не на базе принципов конвенционализма, как утверждают позитивисты, а благодаря тому, что в самой действительности свойства движения материи связаны с ее пространственно-временными свойствами. Переход от старой научной теории к новой,

⁹⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 21.

осуществляется на основе объективного процесса изменения самих свойств явлений, путем обнаружения новых, ранее неизвестных свойств движения.

Из истории развития физики известно, что новые факты, лежащие в основании теории относительности и квантовой теории, обратили на себя внимание исследователей потому, что они противоречили старой теории. И именно это противоречие явилось источником рождения новой теории. Новая теория оказывается, таким образом, в функциональной зависимости от старой, и поэтому принцип Бора, зафиксировавший эту ситуацию, представляет собой ту же разновидность соответствия, о которой шла речь при анализе математических преобразований.

Связь между старой и новой теорией можно рассматривать как функциональную по крайней мере вследствие двух обстоятельств. Понятие «функция» означает, как известно, прежде всего «соответствие» между переменными величинами⁹⁵². И, хотя научные теории – это не математические величины, однако, в силу своей изменчивости, непрерывного развития они могут быть с ними сравнимы. В данном случае отмечается сходство только в этом плане. Но отношения между старой и новой теорией обладают еще и такой зависимостью, которую можно было бы рассматривать как функциональную вследствие наличия между ними глубокой генетической связи. Новая теория вырастает из старой и содержит в себе последнюю, как это постоянно подчеркивается многими авторами, в снятом виде.

Обладая относительной самостоятельностью, человеческая мысль и, в частности, научная теория, имеет свои собственные законы организации и функционирования, свои собственные законы развития, а отсюда вытекает, что последующая стадия в развитии зависит от предыдущей, которую она отрицает и вместе с тем сохраняет. Взаимозависимость или функциональная зависимость проявляется здесь в том, что новая теория вырастает из старой и в этом смысле зависит от нее, а зависимость старой теории от новой заключается в том, что место старой в структуре и функции новой теории определяются этой последней.

Таким образом, характер взаимосвязи старой и новой теории дает основание говорить не о какой-либо, а именно о функциональной форме соответствия между следующими друг за другом стадиями ее развития. Определяющим признаком данного вида соответствия является преемственность, понимаемая как зависимость нового состояния от старого.

Правда, в литературе встречаются возражения против использования понятия функциональности за пределами математики, поскольку такое использование, якобы сопровождается утратой научной строгости⁹⁵³, и потому де, для описания отношений между старым и новым лучше подходило бы понятие «генетическое» или «динамическое».

Конечно, можно найти аргументы в пользу употребления как того, так и другого понятия. Но поскольку процесс развития характеризуется тем, что последующие состояния системы зависят от предыдущих, именно функционально, а также потому, что термин «функциональное соответствие» уже вошел в научный обиход (напомним, что еще Д.И. Менделеев говорил о «функциональном соответствии между индивидуальными свойствами элементов и их атомными весами»⁹⁵⁴), то термин «функциональное соответствие» представляется наиболее подходящим.

⁹⁵² «Функция, одно из основных понятий математики, выражающее зависимость одних переменных величин от других» (БСЭ. 3-е изд. Т. 28. С. 138).

⁹⁵³ Философия естествознания. М., 1966. С. 213–217.

⁹⁵⁴ Менделеев Д.И. Периодический закон. М., 1958. С. 325.

Функциональное соответствие, выражая преемственность в развитии, характеризует устойчивую направленность в движении от старого к новому. Именно движение к новому является определяющей чертой данной направленности. В развивающейся системе происходит взаимодействие не только прошлого и будущего, но и одного настоящего с другим настоящим. Реальная система, являясь элементом других систем, взаимодействует с элементами последних, вследствие чего могут иметь место пересечения различных направлений развития. Подобные ситуации встречаются в развитии материальных систем, науки и т.п. Примером здесь может быть столкновение, которое произошло между корпускулярными и волновыми представлениями в физике.

Длительное время корпускулярные и волновые представления развивались независимо друг от друга, но этому пришел конец после того, как в 1900 г. Планк открыл квант действия. И вновь со всей остротой возник вопрос о том, какая физика является истинной – классическая или квантовая. Однозначного ответа на него не было до тех пор, пока в 1913 г. Бор не показал, что законы квантовой физики переходят в законы физики классической по мере приближения постоянной Планка к нулю. Это открытие и легло в основу принципа соответствия (функционального), позволившего воотчию убедиться в преемственном характере развития научной теории. Это само по себе важное решение вопроса о соотношении классической и квантовой механики не затронуло однако проблемы соотношения корпускулярных и волновых представлений.

Проблема корпускулярно-волнового дуализма усугублялась открытием того факта, что в одном опыте нельзя было получить точных данных о координате и об импульсе элементарной частицы. В качестве выхода из этого кризисного состояния предлагалась модель «волны-пилота», в которой «волна управляет корпускулой», что тем самым как бы подчеркивало неравноправное положение корпускулярных и волновых свойств элементарных частиц. Что же касается соотношения неопределенностей, открытого Гейзенбергом, то согласно концепции волновой механики, «они (неопределенности Гейзенберга, – В.М.) будто бы являются лишь неопределенностями предвидения и отнюдь не обязательно влекут за собой подлинную неопределенность (indetermination) положения и состояния движения корпускулы»⁹⁵⁵.

Последующее изучение вопроса показало, что нет основания рассматривать волновые свойства как некие детерминанты корпускулярных и что соотношения неопределенности отражает собой объективные свойства микрочастиц. Осознание объективного характера невозможности одновременно измерить координаты и импульс частицы побудило Бора заявить, что «при описании атомных явлений квантовый постулат выдвигает перед нами задачу развития некоторой теории “дополнительности”»⁹⁵⁶. Эта идея и положила начало принципу, получившему название принципа дополнительности. В естественнонаучной и философской литературе принцип дополнительности получил весьма широкое освещение. Сам Бор не упускал случая, чтобы не подчеркнуть его универсальный характер.

Таким образом, анализ отношений между старой и новой теориями, а также изучение корпускулярно-волнового дуализма привели к тому, что содержание физической теории обогатилось сразу двумя принципами соответствия: функциональным и дополнительным. И тот, и другой явились результатом разрешения кризисной ситуации в связи с открытием

⁹⁵⁵ Бройль Л.Д. Интерпретация волновой механики // Философские вопросы современной физики. М., 1958. С. 91–99.

⁹⁵⁶ Философские проблемы естествознания. М., 1967. С. 64.

квантовых явлений. Функциональное соответствие позволяет убедиться в таком качественном различии микро- и макрообъектов, которое совместимо с их единством, т.е. в их функциональном соответствии друг другу, выражающемся в их возможности при определенных условиях переходить друг в друга. Направление этого перехода и сам переход зависят от того, какая из сторон или тенденций возобладала на данной стадии изменения, развития. Одним словом, функциональное соответствие как отношение, характеризующее преемственность в развитии реальных процессов, тем самым указывает на связь следующих друг за другом стадий и состояний, и даже событий.

Известно, что в физических процессах элементарным событием считается изменение, минимальное значение которого представляет собой квант действия. Именно квантовые представления (квант действия, квант поля, квант энергии и др.) привели в свое время Бора к идее дополнительности. Необходимость боровской концепции дополнительности была тогда обусловлена прежде всего потребностью согласовать между собой факты, лежащие в основании соотношения неопределенностей Гейзенберга, и стремлением преодолеть имевшуюся противоречивость в истолковании квантовых явлений.

Анализ полученных наукой фактов свидетельствует, что все существующее внутренне противоречиво и что всякая попытка обойти этот факт сопряжена с утратой физического смысла той концепции, которая допустила бы игнорирование какой-либо одной из противоположных сторон явления. Убеждение в объективном характере соотношения неопределенностей, корпускулярно-волновой природы элементарных частиц, сложности квантов привело Бора к выводу об объективном характере дополнительности как свойства реальных явлений. Следовательно, дополнительность представляет собой не только методологическое правило, сознательное применение которого оказывается эффективным в теоретической деятельности; объективная дополнительность есть фундаментальное свойство динамического сложного.

Сложный и динамический характер отношений между противоположностями проявляется особенно отчетливо в их взаимодействиях. Исследование взаимодействия в микромире убеждает еще раз в пагубности механицизма как метода познания. Известно, что при изучении атома имела место попытка перенести на предполагаемую модель атома схему планетарной системы. Дальнейшее развитие квантовой физики показало ошибочность этого, хотя основная мысль, что сложное состоит из частей, – в данном случае ядра и электронов, – была правильной. Верной была и мысль о сложности атомного ядра, включающего в себя протоны и нейтроны. Но экстраполяция такого подхода на элементарные частицы себя не оправдала, поскольку элементарные частицы в условиях эксперимента не удаётся свести путём разложения к «более элементарным» составным частицам, хотя в принципе и не существует запрета на утверждение типа: нейтрон состоит из двух более простых частей – протона и пи-мезона.

Необходимость использовать для расщепления элементарной частицы энергию, величина которой сопоставима с энергией связи между ее составляющими, не позволяет убедиться в истинности вышеприведенного допущения, поскольку при этом получают пару пи-мезонов и пару протон-антипротон, т.е. в опыте происходит нарушение сохранения числа частиц. Таким образом, традиционный подход к проблеме взаимоотношений между сложной системой и образующими её более простыми частицами имеет физический смысл только тогда, когда энергия связи этих частиц мала по сравнению с их массой покоя. Ио в описанной ситуации обращает на себя внимание и другое обстоятельство: элементарная частица в отличие от атомного ядра, атома или молекулы характеризуется единством

вещества и энергии. Последнее выражается в возможности образования некоторых компонентов одного качества из компонентов другого качества, если имеются необходимые условия для их взаимодействия.

Ныне достигнутый уровень научного проникновения в структуру элементарных частиц, позволяет утверждать, что элементарная частица не может мыслиться только как вещество, так же как она не может мыслиться только как энергия. Дополнительный характер вещества и энергии обусловлен здесь тем, что в воздействии внешней энергией на частицу, интенсивность которого сопоставима с энергией связи, как бы утрачивается разделяющая их грань.

Отсюда следует, что дополнительность предполагает наличие сходства взаимодействующих компонентов по тому или другому признаку. И это сходство как нечто такое, что присуще различным компонентам системы, есть та база, без которой целостность системы была бы недостижимой. Две намагниченные частицы притягиваются не только благодаря тому, что одна имеет положительный заряд, а другая отрицательный, но и потому, что и та, и другая вообще имеют заряд, знак которого определяет лишь характер взаимодействия (притяжение или отталкивание), отсутствие же заряда означает отсутствие электрического взаимодействия. Электрически нейтральные частицы могут взаимодействовать посредством уже не электрических полей, а, скажем, гравитационными полями, поскольку каждая из них обладает гравитационной массой.

Солнечная система характеризуется единством входящих в неё космических объектов вследствие того, что планеты, её образующие, несмотря на различия в размерах, массе, скорости, расстоянии от Солнца, имеют принципиально важное для данной системы общее свойство, каковым в данном случае оказалась масса. Поэтому обязательными признаками дополнительности являются наличие существенного сходства и столь же существенного различия. Отсюда следует, что существенная особенность дополнительного соответствия, в отличие от функционального, состоит в том, что оно выражает связь не стадий, а сторон, составных частей, элементов системы как некоторой качественной определенности. Целостность сложного является следствием дополнительности составляющих его частей.

Другой существенной особенностью дополнительного соответствия является избирательный характер в установлении связи между ядром или системой и теми компонентами, которые включаются в состав данной развивающейся системы.

Ярким примером здесь могут служить кристаллы. Высокая степень организации кристаллических структур является следствием всё возрастающей избирательности тех элементов, из которых формируется кристаллическая решётка, что подтверждается основными характеристиками известных в кристаллографии четырех видов решёток: молекулярной, атомной, ионной и металлической. Так, определяющий признак молекулярной решётки составляет то, что в её узлах находятся только молекулы данного вещества, атомные решётки образуются только из нейтральных атомов, ковалентно связанных между собой, ионные решётки включают в себя лишь чередующиеся положительные и отрицательные ионы и, наконец, решётки металлические характеризуются узлами только из положительно заряженных атомов, в промежутках между которыми находятся свободные легкоподвижные электроны.

Таким образом, совершенно необходимым моментом образования и дальнейшего роста кристаллов является более тонкая специфичность, или более строгое дополнительное соответствие друг другу тех элементов, из которых происходит образование данной кристаллической решетки. Симметрия как общее свойство всех кристаллов, заключающаяся

в том, что растущий кристалл повторяет в себе свои части, указывает на то, что функциональное соответствие конечного исходному в случае кристаллизации выражено здесь также достаточно отчётливо.

Большим многообразием отмечается и дополнительное соответствие при обычном химическом взаимодействии. Избирательный характер химических реакций, указывающий на необходимость не только сходства, но и различия, подтверждается правилом Таммана, согласно которому элементы одной и той же подгруппы периодической системы не образуют между собой соединений, т.е. химически друг с другом не взаимодействуют. Конечно, отношения между элементами, которые можно было бы характеризовать как пример дополнительного соответствия в химии, описываются теорией «химического сродства», причём наличие такового или его отсутствие зависит в свою очередь от многих факторов: катализатора, температуры, концентрации и т.д., благодаря которым можно резко изменять границы соответствия.

В целом же для химических реакций справедливо то, что разные группы веществ обладают различной избирательной характеристикой «химического сродства». Для образования одних веществ, например, хлористого водорода, согласно теории электрохимической связи Берцелиуса, достаточно наличия атомов с противоположной электрической природой. Правда, область применения этой теории весьма ограничена.

Дальнейшим шагом в развитии представлений о химической связи является октетная теория Косселя, согласно которой наибольшей устойчивостью атом обладает в том случае, когда на его внешней орбите находится восемь электронов. Это достигается или путем приобретения атомом недостающих электронов, или путём отдачи электронов одним атомом другому. В этом случае атомы становятся положительно или отрицательно заряженными ионами, которые и связываются между собой в молекулу кулоновским взаимодействием.

Открытие двойственной корпускулярно-волновой природы электрона позволило установить, что «химическое сродство» атомов определяется дополнительным характером соответствия спинов спариваемых электронов. Квантовомеханический расчет показывает, что «спариваться» в электрическом поле ядер могут только те электроны, которые имеют противоположные спины, следовательно, для образования ковалентной связи между атомами, каждый из них должен иметь хоть один электрон, спин которого был бы противоположен спину электрона другого атома.

Химическая форма развития на основе описанного здесь соответствия взаимодействующих элементов, хотя и приводит к получению нового вещества, которое по своим свойствам может резко отличаться от исходных веществ, тем не менее, не представляет исключения в отношении преемственности. Н.С. Курнаков обнаружил тесную связь между составом реагирующих веществ и теми свойствами, которыми обладает конечный продукт реакции. Эта закономерность позволяет целенаправленно получать вещества с заранее заданными свойствами. Например, чтобы повысить пластичность легированных сталей, в них вводят легирующие добавки из высокопластичных металлов – хрома, никеля и т.д.

Другим аспектом проблемы соответствия, изучаемой в химии, является отношение между классической и квантовой теорией. В классической теории химического соединения закон кратных отношений является основой для понимания строения многоатомных молекул. Сущность этого закона сводится к констатации того, что атомный состав молекул данного вещества не меняется и что отношение количеств химически взаимодействующих между собой атомов всегда представляет собой отношение целых чисел. Например, титан и

кислород в процессе взаимодействия образуют моноокись, состоящую из одного атома титана и одного атома кислорода. Применение более тонких методов химического анализа позволило установить, что «моноокись» титана не обладает постоянным составом, поскольку, как оказалось, на каждый атом титана может приходиться 0,7–1,3 атома кислорода. Конечно, в эти границы вписываются и старые теории о соотношении атомов в моноокиси титана, но в рамках новых взглядов, содержащихся в теории соединений переменного состава, они представляют собой уже не закон, а всего лишь частный случай.

Не трудно видеть, что приведённый пример, подтверждающий к тому же действительность принципа функционального соответствия и в области развития самой химии, свидетельствует о более широких возможностях отношения соответствий. Но в чём же здесь выразилось обратное воздействие новой теории (теории химических соединений переменного состава) на старую, базирующуюся на законе кратных отношений? Это влияние проявилось прежде всего в коренном пересмотре сущности химической связи, в признании наряду с ковалентной связью и связей типа молекулярных орбиталей⁹⁵⁷.

Конечно, представления о характере воздействия нового на старое в процессе развития в некоторой степени условны, поскольку применительно к развивающейся системе, старое – это прошлое, а прошлого изменить нельзя, так как это противоречило бы принципу необратимости времени. Но условность имеет место и тогда, когда речь идет об одновременном существовании старой, классической науки и науки новой. В сущности ведь наука едина, в процессе её развития одна стадия сменяется другой, где последующая не может изменить предыдущую. Поэтому взаимодействие старой и новой теории следует рассматривать как разновидность субординации авторитетов и области применения прежних и новых концепций в рамках достигнутого данной теорией уровня развития.

В развивающихся материальных системах взаимодействие старого и нового имеет аналогичный характер, что выступает как одна из особенностей отношения функционального соответствия.

Не входя в рассмотрение многообразных проявлений отношений соответствия, изучаемых биологической наукой, остановимся на анализе механизма редупликации дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК).

Синтез белка в клетках живого осуществляется по матричному образцу, причём матрицей служат молекулы ДНК. Казалось бы, природа выработала столь жёсткий характер сохранения структур, что появление каких-либо новых структурных образований здесь полностью исключается. И, действительно, принцип комплементарного соответствия такое предположение делает логичным. В самом деле, в основе превращения клетки (зиготы) в зрелый организм лежит процесс непрерывного удвоения ДНК. Этот процесс осуществляется путём разрыва водородных связей между двумя цепочками молекулы и последующей достройкой одноцепотчатой спирали до двойной. Процесс этой достройки весьма своеобразен.

В состав каждой из двух цепочек спирали входят только четыре нуклеотида: аденин, тимин, гуанин, цитозин. Общее число этих нуклеотидов и порядок их расположения могут меняться в широких пределах, но для каждого вида белка их число и последовательность остаются постоянными. Число и порядок расположения нуклеотидов в ДНК в конечном счёте определяют число и последовательность аминокислот в молекуле белка, а тем самым определяют и его биологические функции. Оказалось, например, что достаточно иногда

⁹⁵⁷ Грей Г. Электроны и химическая связь. М., 1967.

переменить местами две соседние аминокислоты в цепи молекулы, чтобы белок, например гормон, искажил или утратил свою биологическую функцию.

Сама природа обеспечивает сохранение в неприкосновенности найденных ею структур, создавая механизм этого сохранения: в процессе редупликации ДНК достройка одноцепотчатой спирали до двойной идёт путём присоединения аденина только к тимину, а тимина к аденину, цитозина к гуанину, а гуанина к цитозину. Предпосылкой такого «спаривания» служит наличие и определенного сходства, и определенного различия во взаимодействующих компонентах. Аденин и гуанин в основе своей структуры имеют пурин, а тимин и цитозин – пиримидин. В свою очередь и пурин, и пиримидин относятся к азотистым основаниям, что и выражает в «спариваемых» нуклеотидах момент единства, сходства. Различие «спариваемых» нуклеотидов состоит прежде всего в их размерах: аденин и гуанин (пуриновые) значительно превосходят по своей величине тимин и цитозин (пиримидиновые), благодаря чему достигается необходимая компактность строения двойной спирали ДНК.

Механизм комплементарного (дополнительного) соответствия надежно гарантировал бы сохранение уже имеющихся структур и тем самым исключал бы в принципе развитие, мыслимое как процесс возникновения нового, если бы этому не противодействовали мутации.

Мутации, причин которых много, представляют собой нарушение последовательности нуклеотидов в той или иной цепочке двойной спирали ДНК. Естественный отбор затем либо утверждает, либо отрицает новую структуру. Отсюда следует, что развитие биологических структур имеет своей стороной и комплементарное соответствие пуриновых и пиримидиновых оснований (механизм сохранения), проявляющееся как выражение необходимости, и мутации (механизмы изменчивости), происходящие как бы случайно, в нарушение установившегося порядка, т.е. случайно.

Наряду с дополнительным соответствием, механизм редупликации ДНК характеризуется также и ясно выраженным функциональным соответствием между исходным и конечным, поскольку в качестве исходного здесь выступает одна молекула, а конечным будут уже две такие же молекулы, обладающие такой структурой и функцией, как и исходная, если только в редупликацию не вмешалась мутация.

Конечно, наличие отношения функционального соответствия между новым и старым нельзя рассматривать как некий предел, непреодолимую преграду для рождения нового. Появление нового столь же необходимо, как и сохранение старого. Диалектика отношений ними прослеживается при сопоставлении между собой молекулярного, клеточного, организменного и популяционного уровней организации живой природы. Н.П. Дубинин считает, что наряду с четырьмя отмеченными «следует ввести в качестве пятого уровня организации исторический, который имеет свое специфическое содержание и свои понятия. «Исторический уровень охватывает самые общие, существенные понятия, законы и принципы живого, ибо в нем концентрируются итоги первых четырех уровней в прошлом и их активности в будущем»⁹⁵⁸.

Нетрудно заметить что «концепция итогов» всех уровней, или стадий, живого означает здесь прежде всего признание того мощного влияния на последующие состояния, которое осуществляется исходной стадией живой материи. Именно этим обстоятельством

⁹⁵⁸ Дубинин Н.П. *Философия диалектического материализма и проблемы генетики // Вопросы философии.* 1973. № 4. С. 96.

можно объяснить интерес, связанный с изучением генетических основ управления свойствами живых систем. Изменяя структуру, а следовательно, и, специфические свойства материального носителя наследственности – ДНК, предполагается получить желаемый результат, т.е. сорт или вид растения или животного с интересующими нас свойствами. Все это говорит о том, что функциональный характер соответствия мыслимого результата исходным данным, который Н.П. Дубинин определяет как исторический уровень организации живого, здесь проявляется со всей очевидностью.

Таким образом, и в биологии наблюдается два различных вида отношений соответствия – функциональное и дополнительное («комплементарное»). Причём дополнительное соответствие как отношение, исследуемое в биологической науке, по своему характеру в самых общих чертах совпадает с отношением дополнительного соответствия, известным в физике, химии и даже в математике. В литературе для характеристики того отношения, которое имеет место между сторонами, частями или элементами системы, уже используется понятие «дополнительное соответствие». Так, Уотсон и Крик, имея в виду отношение между двумя цепочками ДНК, писали: «Комплементарная природа нашей структуры позволяет предполагать, каким образом происходит ее самоудвоение». А.Н. Белозерский также пользовался уназанным термином: «После расхождения цепей к основаниям одиночных цепей из окружающей среды, – писал он, – присоединяются комплементарные соответствующие основания»⁹⁵⁹. Можно напомнить, что термином «complementarity», как уже говорилось, пользовался Бор.

Конечно, отношения функционального и дополнительного соответствия имеют место и в развитии самой биологической науки, одна из её отраслей – генетика, при всей новизне её принципов, возникла на основе закономерного исторического процесса развития знания, при котором приобретенное раньше не было утрачено, оно в «снятом» виде оказалось упроченным и концентрированным в современной биологии⁹⁶⁰. В биологии на протяжении всей её истории развиваются теории изменчивости и наследственности, дополняющие друг друга и вместе с тем, как бы исключаящие одна другую, подобно тому, как это происходило в физике между корпускулярной и волновой теориями.

Среди наук, располагающих важными сведениями об отношении соответствия, находится и кибернетика. Её особенность состоит в том, что, будучи наукой об управлении сложными динамическими системами, кибернетика прежде всего резко обострила научное значение проблемы соответствия. Как известно, управление сложной динамической системой означает перевод системы из некоторого исходного состояния в некоторое новое, заранее заданное. Практическое решение этой задачи может быть осуществлено на основании достаточно полной информации об исходном состоянии системы, о её прошлом. Однако выполнение этого условия сопряжено в ряде случаев с немалыми препятствиями. Одним из них, имеющим принципиальное значение, является установленный наукой факт, что свойства элементарных частиц, представляющих собой наиболее глубокий из ныне известных уровень структурной организации материи «определяют все известные свойства материального мира»⁹⁶¹. При этом, согласно представлениям квантовой механики «всё прошлое индивидуальной системы не создает никакого абсолютного определения будущего этой системы, но даёт лишь распределение возможных будущих состояний. Величины,

⁹⁵⁹ Белозерский А.Н. Молекулярная биология – новая ступень познания природы. М., 1967. С. 22–23.

⁹⁶⁰ Дубинин Н.П. Философия диалектического материализма и проблемы генетики // Вопросы философии. 1973. № 4. С. 106.

⁹⁶¹ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 30. С. 130.

которые требуются классической физике для знания всего поведения системы, можно наблюдать одновременно лишь приближённым и нестрогим образом, хотя эти наблюдения и достаточны для нужд классической физики в том диапазоне точности, в котором экспериментально доказана её применимость. Условия наблюдения импульса и соответствующего ему положения несовместимы. Для определения положения системы с наибольшей возможной точностью мы должны наблюдать его с помощью световых или электронных волн или аналогичных средств с высокой разрешающей способностью или короткой длиной волны. Однако свет, с одной стороны, обладает корпускулярным действием, зависящим только от его частоты, и при освещении тела светом высокой частоты количество движения тела изменяется тем больше, чем выше частота. С другой стороны, свет низкой частоты даёт минимальное изменение импульса освещаемых частиц, но не имеет достаточной разрешающей способности, чтобы дать резкий отсчёт положений. Промежуточные частоты света дают размытый отсчёт как положений, так и импульсов. Вообще, нельзя придумать систему наблюдений, которая могла бы дать достаточно информации о прошлом системы, чтобы получить полную информацию о её будущем»⁹⁶².

Отсюда видно, что эффективное управление системой нуждается в такой информации об управляемом объекте, которая возможно полнее соответствовала бы как прошлому, так и будущему его состояниям, однако вследствие специфики квантовых объектов их будущие состояния находятся в довольно сложной и еще недостаточно выясненной зависимости от прошлых состояний, поскольку данному исходному состоянию равновероятно может соответствовать некоторый ряд будущих состояний. В связи с этим обращают на себя внимание две задачи.

Одна из них заключается в том, что отношение соответствия может иметь не только качественную характеристику, находящую свое выражение в объективности двух уже рассматривавшихся видов соответствия (функциональном и дополнительном), но и количественную характеристику, имеющую смысл лишь с учетом роли, которую играет данное отношение в общей тенденции движения системы.

Так, применительно к элементарным частицам, установление чёткой индивидуальности которых остаётся проблематичным⁹⁶³, можно сказать, что в их ансамбле нет возможности установить субординацию типа простое и сложное, низшее и высшее. Это обстоятельство можно рассматривать как дополнительный аргумент в пользу того, что отношение соответствия присуще лишь сложным динамическим системам и что, следовательно, соответствие, и функциональное и дополнительное, как специфическая связь состояний и сторон может иметь место только в условиях перехода от низшего к высшему, от простого к сложному.

Говоря об универсальности отношения соответствия и необходимости различения его форм, необходимо иметь в виду, что кибернетическая теория в целом исходит из того, что преобразование сложных динамических систем осуществляется на основании того принципа, согласно которому «состояние системы в момент времени n есть некоторая функция начального состояния s и времени n »⁹⁶⁴. Отсюда видно, что преемственность как связующее звено при переходе системы из одного состояния в другое является в кибернетике важнейшей характеристикой отношения функционального соответствия и этот подход не

⁹⁶² Винер К. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1968. С. 155–156.

⁹⁶³ Там же. С. 156.

⁹⁶⁴ Калаба Р. Инвариантное погружение и анализ процессов // Общая теория систем. М., 1966. С. 142.

находится в противоречии с утверждением Винера о том, что «система, очевидно, лишена абсолютных потенциальных барьеров, и с течением времени любое состояние системы может и будет переходить в любое другое состояние. Однако вероятность такого перехода зависит в конечном счёте от относительной вероятности или меры данных двух состояний»⁹⁶⁵.

Анализ отношений функционального соответствия показывает, что исходное состояние системы не обладает свойством жёстко детерминировать последующие состояния и что, следовательно, наряду с преемственностью открытые динамические системы в процессе своего движения от старого к новому включают в свою структуру элементы других систем, без чего представление о том, что развитие есть переход от простого к сложному, выглядело бы поистине загадочно.

Этому положению несколько не противоречит известный в кибернетике факт, что усложнение системы иногда может быть достигнуто и без увеличения числа материальных элементов, например, числа триггеров в электронной вычислительной машине. Однако всякое, в том числе и внутреннее преобразование системы в направлении от простого к сложному, происходит с использованием чего-то такого, чего в системе не было или что находилось в ней в потенциальном состоянии, ибо к настоящему моменту строгое научное обоснование имеет только утверждение о самопроизвольном возрастании энтропии.

Поскольку же кибернетические системы характеризуются не ростом, а уменьшением энтропии, и поскольку в общем случае в качестве таких систем могут выступать и живые организмы, то совершенно очевидно, что отношения между элементами внутри системы как и отношения системы со средой не являются произвольными, а носят избирательный характер, который представляет собой, как это уже отмечалось, важнейший признак дополнительного соответствия.

Эта особенность дополнительного соответствия, лежащая в «основании перехода от простого к сложному, говорит о том, что применительно к развивающимся системам понимание сложности только «как простой суммы частей, элементов»⁹⁶⁶, недостаточно и поэтому «существует и иное понимание сложности, которое в определенной степени учитывает качественное отличие составляющих совокупность элементов»⁹⁶⁷.

Из обзора естественнонаучных воззрений относительно природы соответствия видно, что наука уделяет данному вопросу большое внимание. Движение от простого к сложному, от низшего к высшему происходит, как свидетельствует естествознание, на основе объективно действующих законов и принципов. Элементарные частицы атомы, молекулы, организмы, виды, биоценозы (теперь даже отношения с внесемными цивилизациями все более переходят из сферы научной фантастики в сферу научных исследований) взаимодействуют между собой лишь в том случае, если их характеристики удовлетворяют определенным требованиям. Конечно, сами эти требования в свою очередь зависят от предполагаемого исхода, результата взаимодействия. В данном случае этот результат мыслится как нечто качественно новое, имеющее более высокую организацию, более высокий уровень сложности.

Взятые в целом эти выводы говорят о том, что диалектико-материалистическая концепция гармонии не может быть создана без учета данных естествознания, в частности

⁹⁶⁵ Винер К. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1968. С. 156.

⁹⁶⁶ Урсул А.Д. Сложность, организация, информация // Философские науки. 1963. № 3. С. 53.

⁹⁶⁷ Там же.

тех данных, которые выражают соответствие взаимодействующих противоположностей как в виде противостоящих сосуществующих сторон данного целого, так и в виде его смежных старой и новой стадий.

Поскольку ни одна материальная система не является полностью изолированной, то в силу этого принцип соответствия тех и других противоположностей может быть только относительным, так как он меняется в зависимости от наличных условий существования и развития системы.

3. УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ СООТВЕТСТВИЯ – НЕОБХОДИМАЯ ПРЕДПОСЫЛКА УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ГАРМОНИИ

Выше говорилось, что носителем гармонии могут быть как явления природы, так и общественные явления, но только тогда, когда указанные явления будут удовлетворять определенным требованиям, одним из которых является принцип соответствия. В связи с этим решение вопроса об универсальности гармонии оказывается в зависимости от решения вопроса об универсальности соответствия – стержневой основы развития. Данное обстоятельство вызывает необходимость рассмотреть связь соответствия с развитием в свете марксистско-ленинских идей об историческом процессе.

Наиболее глубоко и полно связь проблемы соответствия и проблемы развития была показана Марксом применительно к обществу. «Маркс рассматривает общественное движение как естественноисторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения... По его мнению... каждый крупный исторический период имеет свои законы... Но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами. Словом, экономическая жизнь представляет нам в этом случае явление, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдали в других разрядах биологических явлений»⁹⁶⁸. Из этого замечания следует еще один довод в пользу признания универсального характера отношения соответствия, выражающего собой сохранение направления развития, хотя, как выше было показано, его проявления в каждой области действительности достаточно специфичны. «Научная цена проводимого Марксом исследования экономической жизни, – заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняется возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замена его другим, высшим»⁹⁶⁹. Согласившись с такой характеристикой «Капитала», Маркс дал и собственную интерпретацию открытого им экономического закона: «...Общество, даже если оно напало на след естественного закона своего развития, ... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов»⁹⁷⁰. Отсюда видно, что реальные процессы развития, осуществляющиеся на основе одних и тех же законов, могут быть мучительными, но могут и не быть таковыми. Доказав естественноисторический характер процесса общественного развития, Маркс сделал вывод, что различие частных законов, которым подчиняются явления природы и общественные явления, не исключает наличия таких законов, которые

⁹⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 20–21.

⁹⁶⁹ Там же.

⁹⁷⁰ Там же. С. 10.

оказываются применимыми и к природе, и к обществу. Как известно, одной из наиболее важных заслуг Маркса перед наукой является выработка понятия общественно-экономической формации, на основе которого им была создана подлинно научная теория общественного развития.

Переход общества от одной общественно-экономической формации к другой – это такой процесс, который полностью удовлетворяет формуле: движение от старого к новому; и хотя законы, на основании которых функционирует новое, отличаются от тех, на основе которых функционировало старое, между старым и новым есть и глубокая органическая связь, выражающаяся в «степени производительности экономических сил». «Экономические силы» – эта ось всей общественной жизни, они присущи старой и новой формации, которые различаются между собой степенью их развития. Таким образом, в отношениях между старой и новой общественно-экономическими формациями существует функциональная зависимость второй от первой, т.е. новое находится в функциональном соответствии со старым. Примеры отдельных стран, в своём развитии миновавших ту или иную стадию, не опровергают открытого Марксом принципа, поскольку не только в обществе, но и в природе не существует абсолютной детерминации всех условий развития.

Важным положением, вытекающим из учения Маркса об общественно-экономической формации, являются идеи о том, что отношение функционального соответствия внутреннее диалектично. Качественное различие смежных стадий – обязательное условие функционального соответствия, но базой данного отношения служит общее в различном.

Общество на каждой новой стадии своего развития начинает не с нуля, а продолжает идти дальше, имея своей основой ранее достигнутый уровень материального и духовного развития. «Научный анализ капиталистического способа производства, – пишет Маркс, – доказывает, что это способ производства особого рода, обладающий специфической исторической определенностью, что он, как и всякий другой определенный способ производства, предполагает данную ступень общественных производительных сил и форм их развития, как свое историческое условие, – условие, которое само есть исторический результат и продукт предшествующего процесса и из которого, как своей данной основы, исходит новый способ производства; что соответствующие этому специфическому, исторически определенному способу производства производственные отношения... имеют специфический, исторический и преходящий характер...»⁹⁷¹. Из этого следует, что в условиях нормального исторического развития отношения между качественно различными стадиями общественной жизни имеют характер функционального соответствия.

Функциональность соответствия характеризует не только связь новой общественно-экономической формации и ей предшествующей старой, нового способа производства и способа производства старого, но в равной мере и связь между новыми и старыми производительными силами, между новыми и старыми производственными отношениями. «Новые производительные силы и производственные отношения, – не развиваются из ничего, из воздуха или из лона самой себя полагающей идеи; они развиваются внутри и в борьбе с имеющимся налицо развитием производства и с унаследованными, традиционными отношениями собственности»⁹⁷².

Следовательно, поступательный характер исторического развития, находящий свое выражение в замене старой общественно-экономической формации лишь соответствующей

⁹⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 450.

⁹⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 229.

новой, подчиняющийся действию закона отрицания отрицания, представляет собой лишь внешнюю сторону сложного и многопланового процесса развития общества. Внутренний же механизм общественного развития коренится в тех отношениях, которые складываются в недрах «исторически определенного способа добывания материальных благ, необходимых людям для производства и личного потребления»⁹⁷³, т.е. в недрах способа производства, который «обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»⁹⁷⁴.

Необходимо подчеркнуть, что эффективность воздействия, способа производства на темпы общественного развития зависит от характера тех отношений, которые складываются между двумя его компонентами, тесно связанными между собой производственными силами и производственными отношениями, в которых и заключен подлинный механизм исторического движения. В связи с этим представляется принципиально важным отметить, что, исследуя характер отношений между производительными силами и производственными отношениями. Маркс открыл один из главных социологических законов: «в... общественном производстве своей жизни, – писал он, – люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»⁹⁷⁵. И до тех пор, пока отношения между производительными силами и производственными отношениями не выходят за границы соответствия, общество претерпевает определенный ряд изменений эволюционного характера. Но «на известной ступени развития... средств производства и обмена отношения, в которых происходили производство и обмен... уже перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство, вместо того, чтобы его развивать. Они превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты»⁹⁷⁶, – так писали Маркс и Энгельс о роли границ отношения соответствия между производительными силами и производственными отношениями, имея в виду революционный переход от феодализма к капитализму.

Говоря о том, что нарушение соответствия между производительными силами и производственными отношениями является объективной предпосылкой социальной революции, Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали, что надо учитывать другие факторы. «Все исторические коллизии, согласно нашему пониманию, коренятся в противоречии между производительными силами и формой общения. Впрочем, для возникновения коллизии в какой-нибудь стране вовсе нет необходимости, чтобы именно в этой стране противоречие это было доведено до крайности. Конкуренция, вызванная расширенным международным общением с более развитыми в промышленном отношении странами, является достаточной причиной для того, чтобы породить и в странах, обладающих менее развитой промышленностью, подобное же противоречие...»⁹⁷⁷. Значит, отношение соответствия и противоречие не только не исключают друг друга, а, напротив, соответствие рассматривается в качестве необходимой характеристики определенных противоречий.

Отношение соответствия между двумя сторонами способа производства – производительными силами и производственными отношениями – отличается существенным образом от того соответствия, которое характеризует отношения между двумя смежными во

⁹⁷³ БСЭ. 3-е изд. Т. 24, ч. I. С. 345.

⁹⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

⁹⁷⁵ Там же. С. 6.

⁹⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 429.

⁹⁷⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 74–75.

времени, т.е. предыдущим и последующим способами производства. Если функциональность соответствия означает такое отрицание последующим предыдущего, при котором первое функционально зависит от второго, то соответствие производственных отношений производительным силам означает не только невозможность существования первых без вторых, но и невозможность целого, т.е. соответствие здесь носит характер дополнительности.

Но между этими видами соответствия есть и органическая связь, Маркс и Энгельс на примере развития общества показали, что именно с борьбы в недрах существующего берет свое начало движение от старого к новому, и таким образом, проблема соответствия сторон находит свое продолжение в проблеме соответствия состояний. Взгляды классиков марксизма на сущность отношения соответствия, проявляющегося в условиях общественного развития, взятые наряду с современными естественнонаучными представлениями об аналогичных отношениях, но складывающихся в условиях развития природных систем, позволяют заключить, что соответствие универсально в той же мере, в какой универсально развитие.

Незнание роли соответствия, игнорирование его материальной природы в прошлом, да и не только в прошлом, приводило к идеалистическим мистификациям процесса развития, сущности гармонии в том числе, что особенно ярко выразилось во взглядах Бергсона. Не удовлетворяясь концепцией «механизма», понимаемой в качестве эквивалента развития, базирующейся на принципе «не существует в природе ничего, кроме подобного, воспроизводящего подобное»⁹⁷⁸, как и концепцией «радикального телеологизма», смыкающегося будто бы в силу логически неизбежного признания последним «причинности механической» с «механизмом», автор «творческой эволюции» намеревался преодолеть и ту и другую посредством идеи своеобразного перчаточка, переименованного в «жизненный порыв». Практически же бергсоновская критика телеологии была призвана не преодолеть ее, а лишь освободить от неприемлемой для идеалиста «радикальности», приближающей, как думал философ, телеологию к механицизму.

«Большая близость» «философии жизни» к доктрине телеологизма, – писал Бергсон, – обусловлена тем, что она, хотя и в более неопределенной форме представит нам организованный мир как гармоническое целое. Но эта гармония не так совершенна, как это утверждали. Она допускает много расхождений, так как каждый вид, даже каждый индивид, удерживает от целостности жизненного импульса только известный порыв и стремится использовать эту энергию в собственных интересах; в этом состоит приспособление. Вид и индивид помышляют только о себе самих, откуда вытекает возможность конфликта с другими формами жизни. На деле, таким образом, гармония не существует. Она существует скорее как право»⁹⁷⁹.

Разумеется, отсутствие целостности, обусловлено неустранимостью конфликтов, проистекающих из антагонистических интересов, особенно ясно себя проявляющей в процессе приспособления, веский довод для отказа от гармонии. Однако, бергсоновский «порыв» не мог похоронить идею гармонии, поскольку выражающий его тезис покоится на ложных мировоззрениях и методологических основаниях.

⁹⁷⁸ Бергсон А. Творческая эволюция. М.-СПб., 1914. С. 41.

⁹⁷⁹ Там же. С. 46.

Пытаясь спастись от упреков в телеологизме, Бергсон заявлял, что в лучшем случае «гармония может быть вскрыта скорее позади, чем впереди»⁹⁸⁰. Этот негативный вывод опирается на взгляд, согласно которому мир идет от целостности к раздробленности, эволюционная линия представляет собой не траекторию пушечного ядра, а подобна полету гранаты, осколки которой разлетаются в разные стороны»⁹⁸¹.

Выполняющий роль заряда «порыв, передвигаясь, делится все более и более. Жизнь по мере своего развития, рассеивается в своих проявлениях, которые, благодаря общности происхождения, конечно, должны с известных сторон дополнять друг друга, что не мешает им, однако быть противоположными друг другу, и друг с другом несовместимыми. Таким образом, дисгармония между видами будет все более и более подчеркиваться»⁹⁸².

Из приведенных высказываний видно, что Бергсон в общем-то правильно понимал, какое значение для гармонии имеет как функциональная связь состояний, так и дополнительность, являющаяся условием целостности. Однако он считал, что эволюция сводит на нет связь состояний, что дополнительность уступает место конфликту, потому и гармония обречена уступить свое место дисгармонии. Впрочем, от философа, о котором Ленин говорил, что «материя для него не есть истинная реальность; – это – реальность ущербленная, регрессивная и мертвая»⁹⁸³, другого вывода нельзя и ожидать.

Отвергнув старую идею о сохранении направления движения как условия гармонического развития, исказив существо дополнительности как предпосылки единства многообразия, Бергсон пришел к тому, к чему он не мог не прийти – к отрицанию гармонии утверждению дисгармонии.

Методологическим основанием научного понимания сущности гармонии явился открытый Марксом принцип соответствия противоположностей, сформулированный им применительно к развитию способа производства. Соответствие противоположностей, несовместимое с отношениями антагонизма, выступает как основное условие такого разрешения противоречий, для которого характерно как своевременное отмирание, гибель старого, так и столь же своевременное возникновение нового. В «Манифесте коммунистической партии Маркс и Энгельс, разбирая взгляды социалистов-утопистов, отмечали, что «общественная гармония» может быть лишь результатом «устранения классово-противоположности»⁹⁸⁴, т.е. результатом разрешения противоречий.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПОЛНОЕ И СВОЕВРЕМЕННОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ – ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ ГАРМОНИЧНОСТИ РАЗВИТИЯ

1. ВЗГЛЯДЫ МАРКСА, ЭНГЕЛЬСА, ЛЕНИНА НА ПРОБЛЕМУ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ИХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ В ПОНИМАНИИ ГАРМОНИИ

Анализ смысла дополнительности показывает, в силу действия каких факторов система оказывается способной сохранять многообразие элементов. Многообразие и

⁹⁸⁰ Там же.

⁹⁸¹ Там же. С. 88.

⁹⁸² Там же. С. 93.

⁹⁸³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 478.

⁹⁸⁴ Там же. С. 235.

единство в рамках целого – всегда выступают как противоположности. В условиях гармонии отношения между этими противоположностями разрешаются не путем уничтожения или поглощения одних элементов другими, а путем перестройки функционально-дополнительных связей между ними. Все это еще раз подтверждает фундаментальную роль противоречий в осуществлении гармонии, справедливость основополагающей идеи Гераклита: «гармония состоит из противоположностей». Вопрос в данном случае заключается в том, чтобы решить, почему в одних случаях состоящее из противоположностей гармонично, а в других – нет.

Маркс и Энгельс указывали, что именно должно быть сделано для осуществления «общественной гармонии». Ленин, обращаясь к этому же вопросу, выделяет следующую мысль Гегеля: «искусство музыканта соединяет различное»⁹⁸⁵, подчеркнув тем самым, что гармония возникает сама собой, а для своего осуществления нуждается в искусстве, требует активных сил. Даже в музыке гармония – это продукт напряженной творческой деятельности. Главное – это объединить различное, что означает необходимость надлежащего разрешения противоречий. «Оканчивая наш краткий, хотя по возможности полный очерк законов гармонических звукосочетаний, – писал П.И. Чайковский в заключении к написанному им «Руководству к практическому изучению гармонии», – мы считаем долгом сказать, что ни это, и никакое другое руководство не могут исчерпать всех возможных дозволенных и недозволенных случайных сочетаний тонов между собой. Основанная на чистом эпиризме музыкальная теория покоится на весьма шатком основании, так как в выводах о благозвучии тех или других звуковых комбинаций неизбежно принимает участие индивидуальное чувство наблюдателя, а индивидуальности разнообразны до бесконечности»⁹⁸⁶.

Это замечание П.И. Чайковского показывает, что гармонизация есть прежде всего работа разрешения противоречий. Ленин, проследивая ход мысли Гегеля о гармонии, обратил внимание на весьма важный тезис немецкого философа: «они (музыкальные тона – *В.М.*) должны быть различны, но так, чтобы они могли быть едиными»⁹⁸⁷. В предыдущей главе как раз и говорилось о том, что данный вопрос изучается практически всеми науками. Следовательно, вопрос сейчас не в том, совместима ли гармония с противоречиями, а в том, каким образом разрешить противоречие так, чтобы результат удовлетворял требованиям гармонии, о которых выше уже говорилось. В связи с этим возникает ряд новых вопросов: каковы пути достижения гармонии, является ли она редким и случайным даром природы, привносится ли извне (сознанием, например) или является результатом деятельной силы естественных закономерных факторов?

Наиболее распространенные определения гармонии чаще всего акцентируют внимание, вслед за пониманием гармонии как отношения противоположностей, на динамике соответствия сторон и стадий как необходимом условии единства многообразия, находящем свое выражение в симметрии и ритме, причём последние трактуются как формы разрешения противоречий, что можно рассматривать как признание зависимости гармонии не только от характера противоречий, но и в неменьшей мере, от обстоятельств их разрешения.

Борьба противоположностей выполняет свою роль источника зевития, становится предпосылкой преодоления возникающих тупиков в развитии лишь постольку, поскольку

⁹⁸⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 235.

⁹⁸⁶ Чайковский П.И. Полн. собр. соч. Т. 3-А. М., 1957. С. 216.

⁹⁸⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 235.

взаимодействие противоположностей, являющееся по словам Маркса, «действенным состоянием», в процессе развития выступает «побуждающей к разрешению этого противоречия» силой. Конечно, противоречия с присущей им напряженностью между противоположностями имеют место и при гармоническом развитии, причём, ключевым здесь оказывается вопрос даже не о противоречии, а об их характере, тех напряжениях, которые они привносят в систему, и последствиях, проистекающих из данной напряженности.

Гармония, рассматриваемая как развитие без противоречий, была в свое время навязчивой идеей Кэри, стремившегося доказать, что будто бы «стихию противоречий» можно заменить свободным от них «состоянием гармонии». Обнажая ложность этой идеи, Маркс писал: «Некоторые авторы, отчасти как защитники земельной собственности против нападков буржуазных экономистов, отчасти стремясь превратить капиталистическую систему производства из системы противоречий в систему “гармонии”, как, например, Кэри, старались представить, будто земельная рента, специфически экономическое выражение земельной собственности, тождественна с процентом. Тем самым стиралась бы противоположность между земельными собственниками и капиталистами»⁹⁸⁸. Столь легкое «разрешение» противоречий, сводящееся к отрицанию очевидного, может привести лишь к такой гармонии, которая существует только на бумаге. «Гармония, – писал Платон, – это нечто составное, а душа – своего рода гармония, слагающаяся из натяжения телесных начал»⁹⁸⁹. Значит еще Платону было понятно, что без натяжения, напряжения тела невозможна гармония души (духа).

Процесс развития, в том числе и развития гармонического как восхождение от низшего к высшему не может не быть напряженной борьбой. Без напряжения трудно представить переход от простого к сложному, от старого к новому, без напряжения, без затраты усилий происходит только инерциальное движение.

Противоречие с неизбежным для него напряженным отношением противоположностей, противоречие, играющее в развитии роль движущей пружины, отнюдь не фатально приводит к переходу от низшего к высшему. Развитие может пойти при определенных условиях и по нисходящей линии, т.е. иметь своим результатом менее высокую организацию, доходящую порой до хаоса⁹⁹⁰. Все это говорит об особой важности того способа, с помощью которого разрешается возникшая в отношениях между противоположностями напряженность.

В историческом процессе разрешение социальных противоречий, результатом которого является движение от старого, менее совершенного способа производства к новому, более совершенному, как показал Маркс, осуществляется путем социальной революции. В более общем плане – переход от низшего к высшему, выступающий как реальная форма разрешения противоречия, есть вместе с тем необходимое условие предотвращения гибели системы. При наличии предельной напряженности система должна сделать скачок либо вперед, к более совершенному новому, либо назад, к старому, а то и к полному распаду.

⁹⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 171.

⁹⁸⁹ Платон. Соч.: в 3 т. Т. 2. М., 1970. С. 80.

⁹⁹⁰ Пресловутая «теория гармонии интересов» как раз и учитывает неявным образом такую возможность. И можно согласиться с Л.В. Сковрцовым в том, что реальная возможность хаоса, угрожающего антагонистической системе капитализма «предопределяет спекулятивный поиск пути к социальной гармонии антагонистического общества в качестве гарантии его от саморазрушения» (Сковрцов Л.В. Диалектика объективного и субъективного в философии истории. М., 1975. С. 26).

Большой интерес в данном случае представляют высказывания Ленина об империализме, загнивающем, паразитическом, умирающем капитализме, находящемся в стадии гораздо более порывистой, скачкообразной, катастрофической, конфликтной, чем предшествующая ему стадия развития домонополистического капитализма.

Имея в виду указанные особенности империализма, Ленин пришел к выводу, что «социализм не может победить одновременно во всех странах, он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»⁹⁹¹. Скачок к социализму в этих условиях был призван предотвратить этот глубокий регресс человеческого общества, поскольку «эпоха капиталистического империализма, – писал Ленин, – является эпохой созревшего и перезревшего капитализма, стоящего накануне своего крушения»⁹⁹².

Абстрактно понимаемый скачок еще, конечно, не дает возможности судить о специфических особенностях тех качественных изменений в системе, которые через него реализуются. Но тот скачок, который означал переход развитого капитализма в империализм, являясь логическим завершением специфики предшествующего негармонического развития, позволяет, как нам кажется, сделать некоторые выводы и о скачке, свойственном гармоническому развитию.

Вывод Ленина, что «социализм не может победить одновременно во всех странах», что скачок от капитализма к социализму произойдет «первоначально в одной или нескольких странах», основан на объективном законе неравномерности экономического и политического развития монополистического капитализма, системы, которой чужды всесторонность, симметричность и ритмичность развития.

Капиталистическая общественно-экономическая система представляет собой сложное образование, в структуре которого доминирует противоборство различных тенденций. «При капитализме, – писал Ленин, – немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учёт силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т.д... А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может»⁹⁹³.

Итак, от капитализма с присущей ему неравномерностью развития дальнейший ход истории может идти в направлении к империализму, стадии еще более «скачкообразной, катастрофичной, конфликтной», но он может идти и к социализму, и к коммунизму, к общественной системе, организованной и функционирующей на принципиально иной основе, т.е. здесь вместо нисходящего движения оказывается более закономерным восходящий путь движения.

Принципы социальной гармонии как теоретическая база коммунистического общества составляют содержание марксистско-ленинского учения о социалистической революции, о построении социализма, о строительстве коммунизма. И действительно, начиная с «Манифеста коммунистической партии» Маркса и Энгельса всё конкретнее и строже обосновываются и формулируются важнейшие законы социальной гармонии. «Коммунизм, – сказано в Программе КПСС, – представляет собой высшую форму организации общественной жизни. Все производственные ячейки, все самоуправляющиеся

⁹⁹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 133.

⁹⁹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 116.

⁹⁹³ Там же. С. 417.

ассоциации будут гармонически объединены в общем планомерно организованном хозяйстве, в едином ритме общественного труда»⁹⁹⁴. Программа КПСС, подчеркивая необходимость «гармонических отношений между личностью и обществом на основе единства общественных и личных интересов»⁹⁹⁵, исходит из того, что материалистический характер таких отношений выражается в том, что «все люди будут иметь равное положение в обществе, одинаковое отношение к средствам производства, равные условия труда и распределения и активно участвовать в управлении общественными делами»⁹⁹⁶, благодаря чему «запросы людей при всём их громадном разнообразии будут выражать здоровые, разумные потребности всесторонне развитого человека»⁹⁹⁷.

Приведенные положения характеризуют социальную гармонию, как такую систему отношений, в рамках которой многообразие и симметрия, всесторонность и ритм выступают специфическими признаками тех форм соответствия сторон и стадий динамического целого, которые выше рассматривались в качестве предпосылки гармонии.

В связи с тем, что процесс развития, имеющий своим источником внутренние противоречия, возникающие между взаимодополняющими сторонами, реализуется путем перехода от старого качества к новому, становится очевидной зависимость гармонии от взаимосвязи между дополнительностью и функциональностью. Наиболее ярким примером этой взаимосвязи служит целостность системы, взятая в её динамике, например, капитализм под влиянием постоянно проявляющихся в нем противоречий, проходит ряд состояний, причем, как было показано Лениным, следующая стадия необязательно должна быть «прогрессивнее» предыдущей. Империалистическая стадия капитализма – есть стадия его загнивания, но ее возникновение не является неизбежным. В зависимости от всех обстоятельств, участвующих в разрешении противоречий, возможен и иной исход.

Таким образом, обострение противоречий, делающее неотвратимой необходимость разрешения последних, может стать источником действительно нового, но может и привести к условиям, которые, по словам Ленина, будут «позволять хаосу распространяться как ему угодно»⁹⁹⁸. Все это показывает, насколько велика роль не только уровня развития противоречий, но и всех обстоятельств их разрешения.

Без учета той роли, которую играет способ, все обстоятельства разрешения противоречий, социалистические учения не смогли бы совершить поворот от утопий к науке. Это важное положение Маркс выразил следующим образом. «Фейербах, – пишет он, – исходит из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира на религиозный, воображаемый мир и действительный мир. И он занят тем, что сводит религиозный мир к его земной основе. Он не замечает, что после выполнения этой работы, главное-то остается еще не сделанным. А именно, то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью этой земной основы. Следовательно, последняя, во-первых, сама должна быть понята в своем противоречии, а затем, практически революционизирована путем устранения этого противоречия. Следовательно, после того как, например, в земной семье найдена загадка тайны святого семейства, земная семья должна сама быть подвергнута

⁹⁹⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза. С. 64.

⁹⁹⁵ Там же. С. 63.

⁹⁹⁶ Там же.

⁹⁹⁷ Там же. С. 63–64.

⁹⁹⁸ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 5 т. Т. 5. М., 1970. С. 13.

теоретической критике и практически революционно преобразована»⁹⁹⁹. Подчеркнув недостатки фейербаховского понимания мира, Маркс отметил, что решающая роль в преобразовании мира принадлежит революционной практике, как важнейшей форме разрешения противоречий общественной жизни. «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности, – резюмирует Маркс, – может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика»¹⁰⁰⁰. Отсюда ясно, что осуществление гармонии, процесс гармонического развития определяются, во-первых, характером противоречий, а, во-вторых, характером и условиями, способом их практического разрешения.

Основоположники материалистической диалектики не ограничились анализом противоречий как «источника самодвижения», а пошли дальше. Материалистически перерабатывая диалектику Гегеля, они пришли к выводу, что противоречие лишь тогда становится источником самодвижения, когда оно, непрерывно возникая, столь же непрерывно разрешается. Отметив, что «движение само есть противоречие», Энгельс уточнил: «постоянное возникновение и одновременно разрешение этого противоречия – и есть именно движение»¹⁰⁰¹.

Рассматривая процесс развития противоречия в единстве с процессом его разрешения, Энгельс указывает, что без такого единства невозможен и сам процесс развития. «Жизнь тоже есть существующее в самих вещах и процессах, беспрестанно само себя порождающее и себя разрешающее противоречие, и как только это противоречие прекращается, прекращается и жизнь, наступает смерть»¹⁰⁰². Все это говорит о том, что осуществление гармонии тесно связано со спецификой разрешения противоречий.

В литературе встречаются высказывания о необходимости изучения вопроса о разрешении противоречий¹⁰⁰³. Одну из наиболее важных черт разрешения противоречий – бесконечный характер движения от противоречия к противоречию – Энгельс, правда, применительно к процессу познания, выразил так: «Мы видели, что и в сфере мышления мы не можем избежать противоречий и что, например, противоречие между внутренне неограниченной человеческой способностью познания и ее действительным существованием только в отдельных, внешне ограниченных и ограниченно познающих людях, – что это противоречие разрешается в таком ряде последовательных поколений, который, для нас по крайней мере, на практике бесконечен, разрешается в бесконечном поступательном движении»¹⁰⁰⁴. В процессе развития не может наступить такого момента, когда разрешение того или иного противоречия положило бы конец возникновению новых противоречий. Из этого следует, что, поскольку, любое состояние системы является переходящим, то, следовательно, гармония, представляя собой специфическую форму движения от старого к новому, всегда относительна.

⁹⁹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 2.

¹⁰⁰⁰ Там же.

¹⁰⁰¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 123.

¹⁰⁰² Там же. С. 124.

¹⁰⁰³ «Нам представляется, – пишет А.А. Сорокин, – что основная проблема, стоящая перед диалектической логикой, считающей противоречие законом развития понятий и знаний вообще, состоит в разработке конкретной теории разрешения противоречий. Вопрос стоит так: если мы признаем противоречие принципом (“душой”) развития знания, то надо построить теорию развития знания, а не ограничиваться просто общими декларациями» (Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 306).

¹⁰⁰⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 124.

Все это говорит о том, что специфика гармонического развития определяется, с одной стороны, особенностями соответствующих противоречий, а с другой – своеобразием действия законов взаимного перехода количественных и качественных изменений и отрицания отрицания. Но так как действие последних есть не что иное, как разрешение противоречий, то становится необходимым анализ тех особенностей, которыми характеризуются проявления законов взаимного перехода количественных и качественных изменений и отрицания отрицания в условиях гармонического развития.

Основные законы диалектики, органически включая в себя принцип соответствия, тем самым свидетельствуют об универсальном характере последних. Будучи эмпирическим обобщением отношений между составными частями и стадиями динамических систем, принцип соответствия универсален настолько, насколько универсально развитие. Он не просто связан с основными законами развития, но и является формой их дальнейшей конкретизации. Поэтому изучение специфики отношения соответствия тесно связано с формированием научных представлений о возникновении нового.

Поскольку противоречия, являясь движущей силой развития, сами по себе нового создать не могут, то вопрос о новом не может быть сведен только к вопросу о наличии противоречий.

Рассматриваемое как продукт новых взаимодействий и как некоторая функция старого, новое может быть рационально объяснено, если будет понята связь отношения соответствия не только с законом единства и борьбы противоположностей, но и с двумя другими законами диалектики, участвующими в разрешении противоречий.

Ленин на примере развития капитализма показал, что нарушение меры соответствия между производительными силами и производственными отношениями в условиях капиталистического способа производства может привести к таким скачкам и сопровождаться таким отрицанием, в результате которых сложная общественная система, претерпевшая качественные изменения, может пойти не по восходящей линии развития, а в направлении к хаосу, о чем свидетельствует процесс загнивания капиталистической системы, причем прогрессивное движение и движение к хаосу могут происходить не всегда одинаковым образом. «Спрашивается, – писал В.И. Ленин, – на почве капитализма какое могло быть иное средство, кроме войны, для устранения несоответствия между развитием производительных сил и накоплением капитала. С одной стороны, – разделом колоний и “сфер влияния” для финансового капитала, с другой»¹⁰⁰⁵. Другой путь – капиталистическая монополизация в области материального производства, дополняемая монополизацией духовной жизни, ведущая к загниванию. К тому же может вести и другая крайность – дробление, доходящее до состояния полной беспорядочности. По своей сути все эти пути фактически представляют собой лишь разные варианты регресса.

Не одинаков и путь восходящего развития, путь прогресса. Есть прогресс, который дополняется регрессом, о чем будет более подробно сказано ниже, но есть и такой прогресс, который оказывается свободным от регресса. Путь прогресса без регресса лежит через специфическое разрешение противоречий и для своего осуществления требует ряда необходимых условий. В «Капитале» Марксом этот оптимальный вариант прогресса описан как сложное движение. Так, в согласии с контекстом «Капитала» можно считать, что описанная Марксом кооперация, сопровождающаяся ростом разнообразия и одновременным усилением единства, при определенных условиях выражает собой реальный путь к

¹⁰⁰⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 395.

гармонии. Что же является условием единства, составляющего базу кооперации? Ответ содержится в следующем рассуждении Маркса. «Если рабочий, – пишет он, – употребляет на производство товара значительно больше времени, чем это общественно необходимо, если индивидуально необходимое для него рабочее время значительно отклоняется от общественно необходимого или среднего рабочего времени, то его труд не является средним трудом, а его рабочая сила не является средней рабочей силой. Такая рабочая сила или вовсе не находит покупателя, или продается ниже средней стоимости рабочей силы. Таким образом, предполагается определенным минимум работоспособности, и мы увидим впоследствии, что капиталистическое производство находит способ измерять этот минимум»¹⁰⁰⁶.

Значит, обязательным условием включения того или иного рабочего в кооперацию является определенный уровень его работоспособности, а сам этот уровень и выражает соответствие частей единому целому. Без соблюдения определенных требований к частям не может функционировать целое.

Конечно, не всякая кооперация есть гармония, но всякая гармония – это кооперация. «Та форма труда, – отмечает Маркс, – при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе труда или в разных, не связанных между собой процессах производства, называется кооперацией»¹⁰⁰⁷. Отсюда видно, что требования, предъявляемые к кооперируемым элементам – возможность планомерных совместных действий всех её членов – это требования гармонии.

Раскрывая содержание предпосылок совместной и планомерной деятельности, Маркс далее показал, насколько различными могут быть требования, предъявляемые к отдельным рабочим помимо их работоспособности. «Мы подчеркнули, что многие дополняющие друг друга рабочие выполняют одинаковую или однородную работу, так как эта простейшая форма совместного труда играет большую роль и в наиболее развитых видах кооперации. Если процесс труда сложен, то уже один факт объединения значительной массы совместно работающих позволяет распределить различные операции между различными рабочими, следовательно совершать их одновременно и таким образом сократить рабочее время, необходимое для изготовления совокупного продукта»¹⁰⁰⁸. Значит согласованные и планомерные действия кооперации рабочих оказываются возможными, если в профессиональном или другом плане рабочие дополняют друг друга. Чтобы показать, в чем выражается такая дополнительность, Маркс привел такой пример: «Если требуется выполнить сложную работу, различные операции должны совершаться одновременно. Один делает одно, другой – другое, и все вместе способствуют достижению результата, который усилиями одного человека вовсе не мог бы быть осуществлён. Один гребёт, в то время как другой правит рулем, третий забрасывает сеть или бьёт рыбу гарпуном, – и рыбная ловля дает результат, который не был бы возможен без такого объединения»¹⁰⁰⁹. Здесь «специфическая произвольная сила комбинированного рабочего дня», т.е. новая «общественная производительная сила труда... возникает из самой кооперации», благодаря тому, что дополнительность приняла характер симметрии. И хотя Маркс для характеристики описанного им процесса не прибегал к понятию «гармония», тем не менее едва ли можно сомневаться в том, что имеются достаточные основания рассматривать описанные им

¹⁰⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 335.

¹⁰⁰⁷ Там же. С. 337.

¹⁰⁰⁸ Там же. С. 339.

¹⁰⁰⁹ Там же.

трудовые отношения между работающими как гармонические. Отрицать возможность гармонии в частных случаях труда при капитализме было бы также неверно, как, скажем, отрицать возможность гармонии в игре оркестра буржуазного театра.

Анализ идей классиков марксизма, относящихся к вопросу о разрешении противоречий, показывает, что реализация присущих природным и социальным явлениям потенциальных возможностей развиваться гармоническим путем зависит как от характера присущих данной конкретной системе противоречий, так и от способа их разрешения. В описанном Марксом примере коллективного рыболовства все свидетельствует о гармонии, но ведь тот же рыболовный процесс может происходить и в условиях плохой организации, неумелыми людьми, когда вместо гармонии оказывается вполне возможным хаос.

2. СИММЕТРИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ УСЛОВИЕ БЕСКОЛЛИЗИОННОГО РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Маркс, описывая кооперированный труд рабочих, исходил из того, что наблюдающаяся согласованность в действиях отдельных членов рабочего коллектива опирается на «определенный минимум» работоспособности каждого его члена. Согласованный труд, конечно, не избавляет никого из его участников от усилий и напряжений, но он предохраняет каждого, обладающего указанным минимумом работоспособности от перегрузок, а также и от недогрузок. Данный порядок равномерного распределения нагрузки называют симметрией.

Симметрию, как уже говорилось, часто сопоставляют, а иногда и отождествляют с гармонией. Связь гармонии с симметрией была известна еще древнегреческим философам, об этой связи писали Пифагор и Платон, Леонардо да Винчи и Кеплер, Шефтсбери и Гегель. Буржуазные социологи – проповедники «социальной гармонии» при капитализме – для обоснования своих взглядов нередко пытались опереться на представления о симметрии. В связи с этим есть все основания остановиться на рассмотрении данного положения.

Известно, что буржуазная идеология, искажая природу явлений, рассматривая «антагонизм капиталистического производства как всеобщий естественный закон», считает, что даже в условиях такого антагонизма может быть «симметрия системы», где «трудолюбие одних вынуждает праздность других»¹⁰¹⁰. Для поддержания такой «симметрии» голод признается наиболее подходящим средством, ведь «голод... – по мнению идеологов буржуазии, – будучи наиболее естественным мотивом к прилежанию и труду – вызывает самое сильное напряжение»¹⁰¹¹. Такой подход давал повод рассматривать даже филантропический и политически вредный, но некогда вызвавший много шума, «закон о бедных» способным «разрушить гармонию и красоту, симметрию и порядок этой системы (капиталистической системы – *В.М.*), которую создали в мире бог и природа»¹⁰¹².

Еще более ясное представление о своеобразии «симметрии» капиталистической системы даёт следующее рассуждение Сисмонди, привлекшее к себе внимание Маркса. «В настоящее время усилия отделены от вознаграждения за них; не один и тот же человек сначала работает, а потом отдыхает; напротив, именно потому, что один работает, другой

¹⁰¹⁰ Там же. С. 661.

¹⁰¹¹ Там же.

¹⁰¹² Там же.

должен отдыхать...»¹⁰¹³. В основе такой «симметрии» лежит не что иное, как антагонизм между тунеядствующей и жестоко эксплуатируемой частями общества, антагонизм, пришедший на смену чередованию труда и отдыха, признававшегося необходимым даже в эпоху варварства.

Но даже буржуазным авторам стало ясно, насколько неосторожно поступают отдельные их собраты, когда говорят о «симметрии» богатства и нищеты. «Шторх (один из таких авторов – В.М.), – пишет Маркс, – ставит перед собой вопрос, в чём же собственно заключается преимущество этой капиталистической цивилизации с ее нищетой и деградацией масс перед варварством? Он находит только один ответ: в безопасности»¹⁰¹⁴. Итак, теоретики «гармонии интересов» рассматривают как симметрию такое положение, при котором «экономическое добро и экономическое зло во всякой нации взаимно уравновешиваются..., изобилие благ для одних всегда так велико, как недостаток благ для других... Большое богатство немногих всегда сопровождается абсолютным ограблением необходимого у несравненно большего количества других»¹⁰¹⁵.

Предложенный буржуазными идеологами рецепт преодоления антагонизма буржуазного общества средствами «симметрии», основанный на равновесии богатства и нищеты, Маркс рассматривает как грубую фальсификацию идеи гармонии; под покровом ее извращённого понимания апологеты капитализма давно пытаются скрыть те язвы, которые разрушают общественный организм.

Таким образом, если в основание нормальных общественных отношений Маркс ставит кооперацию, складывающуюся благодаря объективной общности, основанной на присущей человеку работоспособности, то буржуазная апологетика прибегает к открытому прославлению антагонизма между богатством и бедностью, праздностью одних и изнурительным трудом других во имя далеко не бескорыстно обожествлённых ею «гармонии и красоты, симметрии и порядка».

Отсюда видно, что достижение подлинной гармонии, гармоническое развитие общества немислимы без решительного изменения самих основ, на которых зиждется эта мнимая «симметрия», причём, как показано марксизмом, в самой капиталистической системе создаются необходимые предпосылки таких перемен. «С развитием крупной промышленности, – писали Маркс и Энгельс, – из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны»¹⁰¹⁶.

Значит, определяющим условием неизбежного перехода к новому является устранение той основы, на которой зиждется старое. Но устранение такой основы как обязательного условия перехода к новому в сложных системах – задача непростая, поскольку здесь в качестве основы выступает, как правило, большой комплекс факторов. «Основным условием существования и господства класса буржуазии является накопление богатства в руках частных лиц, образование и увеличение капитала. Условием существования капитала является наёмный труд. Наёмный труд держится исключительно на конкуренции рабочих между собой»¹⁰¹⁷.

¹⁰¹³ Сисмонди. Новые начала политической экономии. Т. 1. 1936. С. 183–184.

¹⁰¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 662.

¹⁰¹⁵ Там же. С. 661.

¹⁰¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 436.

¹⁰¹⁷ Там же. С. 435.

Капитал, наёмный труд и конкуренция, казалось бы, представляют собой незыблемую основу системы капитализма, поскольку конкуренция рабочих между собой может рассматриваться в качестве гарантий неиссякаемости наемного труда, а наемный труд – как неистощимый источник увеличения капитала. Но поскольку речь идет о сложной динамической системе, где «прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации»¹⁰¹⁸, то конкурентная борьба между рабочими, переросшая в «революционное объединение», с необходимостью ведет к нарушению «равновесия антагонизмов», обнаружив тем самым несостоятельность идеи «симметрии капиталистической системы».

Как и в случае с «теорией гармонии интересов» Маркс убедительно показал, что буржуазные теоретики, с неблагоприятными целями эксплуатировавшие понятие «симметрии», стремились с его помощью обосновать не только незыблемость капиталистической системы общественных отношений, но и «противоестественность» борьбы против присущих ей социальных антагонизмов.

Отношение между симметрией и гармонией давно служит предметом философских дискуссий. При этом одни авторы считают, что симметрия, в сравнении с гармонией, выступает в качестве более содержательного научного понятия¹⁰¹⁹, другие убеждены в том, что симметрия и гармония являются синонимами, так как оба понятия одно и то же содержание¹⁰²⁰, третьи говорят о гармонии как понятии, которое выражает собой систему внутренних и внешних отношений, целый узел пространственных и временных связей, среди которых определенное место принадлежит и симметрии. Этот взгляд чаще всего развивается в работах по эстетике¹⁰²¹. В литературе имеются определения симметрии. «Симметрия – это понятие, отображающее существующий в объективной действительности порядок, пропорциональность и соразмерность между составными частями целого, определенное равновесное состояние, относительную устойчивость. Асимметрия – понятие, противоположное симметрии, которое отражает существующие в объективном мире нарушения равновесия, связанные с изменением, развитием; нарушения, вызываемые перестройкой организации или отсутствием тех составных частей целого, совокупность которых находилась в определенном пропорциональном равновесном состоянии»¹⁰²². Отсюда прежде всего видно, что в философской литературе понятию «симметрия» уделяется больше внимания, чем понятию «гармония», что однако не означает будто вопрос о соотношении гармонии и симметрии уже выяснен. Некоторые авторы считают, что «выход из логического круга – симметрия есть гармония, а гармония есть симметрия – может дать история понятия»¹⁰²³. Думается, однако, что в данном случае был бы полезен и выход за пределы истории понятия.

¹⁰¹⁸ Там же. С. 435–436.

¹⁰¹⁹ Ю.А. Урманцев полагает, что понятие «симметрии» предпочтительнее понятия «гармония», поскольку первое, якобы, обладает большими «глубиной», «современностью» и «диалектичностью» (Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии. С. 15–16).

¹⁰²⁰ Сторонником такого взгляда является Г. Вейль. (Вейль Г. Симметрия. М., 1968. С. 35.)

¹⁰²¹ Шестаков В.П. Гармония как эстетическая категория. С. 211–227.

¹⁰²² Готт В.С., Депенчук Н.П. Симметрия и асимметрия на грани перехода от неживого к живому // Философские вопросы современной биологии: сб. Киев, 1962. С. 173; Готт В.С. Симметрия и асимметрия. С. 30.

¹⁰²³ Овчинников Н.Ф. Симметрия – закономерность природы и принцип познания // Принцип симметрии. М., 1978. С. 8.

Будучи свойством сложных систем, симметрия выражает собой большое число видов отношений, из которых наиболее близки к гармонии структурные отношения между элементами системы, отношения между причинами и следствиями происходящих в системе изменений и, наконец, отношения между системой и окружающей ее средой.

Интерес к изучению симметрии объясняется тем, что в пространственных структурах самых различных явлений природы часто встречаются подобные, а то и тождественные композиции и отношения, наводя на мысль, что в природе ведущей тенденцией является не изменение, а сохранение. И поскольку обычно речь идет не о всяком сохранении, точнее, не о сохранении всего, что угодно, а только о сохранении более или менее выделенных своей организованностью, своим строением частей или элементов, то эти упорядоченные, соразмерные и стабильные структуры стали называть симметричными, а само отношение между элементами – симметрией.

В силу того, что метафизика абсолютизировала понятие симметрии, сделав его символом консервативного начала в мире, дальнейшее осмысление его происходило в стороне от диалектико-материалистической теории развития. Всё это объясняет те причины, в которых вплоть до конца XIX в. естественнонаучное изучение симметрии отставало от философского.

Наиболее крупный вклад в исследование сущности симметрии современными научными методами внёс Кюри. В настоящее время трудно указать даже ту область науки, где бы явление симметрии не привлекало к себе внимание учёных и где методологическая роль принципа симметрии не была бы признана.

Прогресс, достигнутый в естественнонаучном освоении симметрии в XX в., заметно превзошел здесь успехи философии. Констатируя это, В.И. Вернадский прямо отмечал: «Охват им (принципом симметрии) огромного ряда явлений захватывает философскую мысль почти врасплох»¹⁰²⁴. Теперь положение изменилось. Вышло большое число книг и статей, в которых с позиции материалистической диалектики и даётся философская интерпретация этого распространенного в естествознании принципа. При этом слова В.И. Вернадского, что «новым в науке явилось не выявление принципа симметрии, а выявление его всеобщности»¹⁰²⁵, достаточно точно отражают реальное положение.

В литературе показано, что явление симметрии относится к числу широко распространенных и при всех своих различиях, определяемых различиями соответствующих областей действительности, оно тем не менее обладает и достаточно существенными общими свойствами, совокупность которых составляет объективную основу имеющихся определений понятия симметрии.

Философский и естественнонаучный материал, относящийся к исследованию симметрии, говорит о том, что гармония и симметрия действительно имеют достаточно широкую область совпадения. На примере анализа социальных процессов классики марксистско-ленинской философии показали, что попытки буржуазных теоретиков использовать понятие симметрии с тем, чтобы доказать наличие в условиях капитализма социальной гармонии, оказались несостоятельными, поскольку в действительности никакой симметрии в отношениях между антагонистическими классами и быть не может. Нет этой симметрии и в отношениях между капиталистическим обществом и природой.

¹⁰²⁴ Вернадский В.И. Принцип симметрии в науке и философии // Вопросы философии. 1966. № 12. С. 106.

¹⁰²⁵ Там же.

Изучение симметрии естественнонаучными методами показало, что любое явление природы, в своем развитии оказывается в глубокой зависимости от внешней среды. В свое время Кюри установил, что нельзя правильно понять симметрию какого-либо физического объекта, не учитывая при этом симметрии окружающей его среды, поскольку симметрия среды как бы «отпечатывается на находящемся в ней теле». Согласно Кюри, симметрия среды выступает в роли детерминирующего фактора, по отношению к симметрии тела.

Симметрия среды воздействует на симметрию тела нередко весьма жестким образом. Она оказывается способной снять те элементы симметрии тела, которых нет в симметрии среды, вызывая тем самым диссимметрию тела, но она может и стимулировать возникновение в теле таких элементов, каких в нём не было, но какие в симметрии среды, и это тоже ведет к диссимметрии. Не случайно Кюри заявлял: «Это она, диссимметрия творит явления»¹⁰²⁶.

Всё это говорит о том, что возникающее между симметрией тела и симметрией среды противоречие разрешается, как оказывается, чаще всего в ущерб симметрии тела, ибо симметрия среды играет по отношению к ней роль «прокрустова ложа». Поскольку речь идет о фундаментальном законе природы, то в данном случае нельзя не признать, что этот закон свидетельствует об имеющемся между гармонией и симметрией различии.

Ведь даже в согласии с представлениями о гармонии, идущими от Пифагора и Гераклита, Лейбница и Гегеля, воспринятыми впоследствии классиками марксизма и творчески ими преобразованными, гармония в первую очередь является выражением внутренней свободы, относительной независимости от другого, что предполагает достаточную стойкость при внешних воздействиях.

Кюри, исследовавший относительно простые физические системы, пришёл к выводу, что симметрия среды, как бы «господствует» над симметрией погруженного в неё тела по той причине, что превосходство в мощности среды не компенсировалось столь же значительным превосходством в уровне организации помещенного в среду тела.

И.И. Шафрановский показывает, что наиболее заметное влияние со стороны симметрии среды испытывает обычно симметрия более простых систем. «При резко преобладающем влиянии среды, – пишет И.И. Шафрановский, – последняя полностью отпечатывает свою симметрию на подчиненном ей объекте. Напомним, что в качестве относящихся сюда примеров могут служить шаровые фигуры некоторых организмов и округлые формы растворяющихся кристаллов. Следует иметь в виду, что тела сохраняют свою симметрию и в таких средах, симметрия которых всецело совпадает с их собственной симметрией. Само собой разумеется, что подобные условия в природе осуществляются крайне редко»¹⁰²⁷. Все это подтверждает, что симметрия и гармония представляют собой качественно разные явления, и Шефтсбери не был прав, утверждая: «что симметрично, то гармонично».

Конечно, влияния среды не может избежать никакая система, не может избежать этого и система, являющаяся носителем гармонии, если не иметь в виду крайне абстрактную «замкнутую обобщенную систему», которая, по мнению Чёрчмена, «характеризуется абсолютной устойчивостью к изменениям окружающей среды»¹⁰²⁸.

¹⁰²⁶ Curie P. Oevres. Paris, 1908. P. 127.

¹⁰²⁷ Шафрановский И.И. Симметрия в природе. С. 183.

¹⁰²⁸ Чёрчмен Ч. Один подход к общей теории систем // Общая теория систем. М., 1966. С. 185.

Реально существующие материальные системы – это открытые системы и их взаимодействие со средой является обязательным условием их существования и развития. Вопрос лишь о характере этого взаимодействия. Ведь одно дело, когда такая важная характеристика явления, как его симметрия полностью зависит от симметрии среды, и другое дело – когда симметрия явления под влиянием симметрии среды изменяется, но не путем понижения своей организации, не путем, ведущим к росту энтропии, а, напротив, путем изменения своей симметрии достигает повышения своей организации, увеличивает объем информации, снижает энтропию. Общеизвестным является факт повышения организации живых систем в процессе их приспособления к среде.

Вместе с тем необходимо отметить, что определяющая роль симметрии среды по отношению к симметрии находящихся в ней явлений, хотя и влечет за собой усиление их единства, но достигается оно за счет снижения разнообразия. И.И. Шафрановский, имея в виду внешние формы природных тел (кристаллов, растений, животных, геологических образований) и характеризующие их общие законы симметрии, реализующиеся в поле земного тяготения, – пишет: «И камни, и растения, и животные под влиянием силы земного тяготения приобретают внешне сходные черты»¹⁰²⁹.

Итак, симметрия оказывается сложным понятием. Его смысл в различных науках остается настолько непохожим друг на друга, что все это говорит о необходимости, как отмечал еще В.И. Вернадский, выработки философского подхода к определению соответствующего общего понятия. Тем не менее, в данном случае представляется целесообразным подчеркнуть, что высказанная при обсуждении отношения соответствия применительно к процессу кристаллообразования мысль, что «симметрия как общее свойство всех кристаллов, заключающаяся в том, что растущий кристалл повторяет в себе свои части», не может оставаться без внимания, когда обсуждается проблема разрешения противоречий между новым и старым.

Здесь важно выяснить, что происходит с подобного рода симметрией, когда осуществляется скачок от старого качества к новому. И здесь очень важно правильно представлять место симметрии при перестройке внутренней организации системы, а также в процессе взаимодействия последней с внешней средой. Одним словом, речь идет о том, можно ли согласовать требования принципа симметрии, если рассматривать его в качестве обобщения определенных свойств, присущих различным явлениям мира, с требованиями диалектики, относящимися к разрешению противоречий в развивающихся си-системах.

Как известно, разрешение внутренних противоречий развивающейся системы требует такого революционного преобразования системы, которое, – как подчеркивает Ленин, – «ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше»¹⁰³⁰. Вместе с тем Ленин подчеркивал, что необходимо различать в каждой развивающейся системе то, что должно быть устранено, и если надо, то и разрушено, от того, что может оказаться необходимым и на последующей стадии, что следует сохранять. Так революционные преобразования 1917 г., происходившие, по выражению Ленина, «не в фантастически-гармонической идеальной обстановке», а в «условиях бешеного и многообразного сопротивления со стороны буржуазии», хотя и сопровождалось некоторыми разрушениями, но отнюдь не сводились к одному разрушению, поскольку включали в себя как сохранение необходимого старого, так и созидание нового.

¹⁰²⁹ Шафрановский И.И. Симметрия в природе. С. 5.

¹⁰³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 222.

«Каковы бы ни были разрушения культуры, – её вычеркнуть из исторической жизни нельзя... В той или иной своей части, в тех или иных материальных остатках эта культура неустранима, трудности лишь будут в ее возобновлении»¹⁰³¹, – писал тогда Ленин.

Все ценные приобретения прошлого сохранять, а если таковые в силу каких-то обстоятельств оказались разрушенными, то их, пренебрегая даже большими трудностями, необходимо восстанавливать, – вот как понимал проблему разрешения противоречий Ленин. Способ, условия разрешения противоречий служат не только решающим определяющим фактором развития, но и, что особенно важно, – специфика этого разрешения включает в себя множество противоречивых факторов. Поскольку гармоническое развитие несовместимо ни с сохранением «отжившего старого», ни со стремлением к «безжизненному модному» (Ленин), и так как здесь исключается движение по замкнутому кругу, то поступательное восхождение к новому обеспечивается синтезом и уплотнением жизнеспособных элементов старого и вновь возникающих элементов, что представляет собой один из важных признаков гармонического развития. О том, что это так и есть, нагляднее всего свидетельствуют факты, относящиеся к самым разным процессам развития, в том числе и к процессам, происходящим в нижних, глубинных уровнях организации вещества.

В физике в рамках теории взаимодействий, которая описывает процессы изменения структурных характеристик вещества, было обнаружено, что существуют структурные образования, такие, например, как нуклон, которые при всяких взаимодействиях сохраняют свой заряд¹⁰³². Этот действительно фундаментальный закон природы интересен в данном случае тем, что он убедительно свидетельствует о способности развивающейся природы сохранять возможно дольше свои прежние достижения, т.е. некогда сформировавшиеся структуры (блоки), которые переходят из предыдущих стадий в последующую в условиях самых различных преобразований или взаимодействий, не теряя при этом основ присущей им упорядоченности.

Сохранение нуклоинового заряда в условиях самых различных взаимодействий свидетельствует о проявлении принципа симметрии на самых глубинных уровнях организации вещества. Но данный принцип демонстрирует свое значение и в развитии более сложных систем. Сохранение атомов и молекул, кристаллов и клеток, как и многих других относительно устойчивых образований живой и неживой природы, указывает на то, что вся природа достаточно бережно относится к тем своим структурам, посредством которых осуществляется движение от низшего к высшему. Данное явление, именуемое симметрией и представляющее собой выражение сохранения фундаментальных структур динамических систем при самых различных преобразованиях последних, оказывается весьма тесным образом связанным с проблемой разрешения противоречий, играющих роль источника происходящих изменений. Поскольку разрешение диалектических противоречий – это, с одной стороны, выбор (сознательный и стихийный) того, что необходимо устранить, и того, что подлежит сохранению, а, с другой стороны – возникновение, создание нового, то, следовательно, особенности развития системы определяются особенностями реальных усилий, реального воплощения этих, поставленных борьбой противоположностей задач.

Описанное отношение представляет собой то, что называют внутренней симметрией. Однако известно, что между различными системами, расположенными на поверхности

¹⁰³¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 46.

¹⁰³² Фейнман Р. Теория фундаментальных процессов. М., 1978. С. 54–55.

Земли, и земным полем тяготения имеет место и другое отношение, именуемое внешней симметрией, влияние которой выражается рядом ярких фактов, например, некоторым сходством между собой внешних форм самых разных объектов: гор, деревьев, выходящего из заводских труб дыма, фонтанов и даже человеческого тела. В этих условиях говорить о гармоничности той или иной системы без учета ее отношений со средой означало бы игнорирование весьма важных для системы связей.

Многосторонность сложных систем, как следствие многообразных связей, взаимодействий, характеризуется тем, что каждая из сторон в системе целого, представляя собой некоторую индивидуальность, развивается при общей поддержке как целого, так и отдельных его компонентов и, в свою очередь, оказывает поддержку последним, а в силу именно такого рода отношений, складывающихся как внутри системы, а также и между нею и средой, достигается соразмерность сторон и целостность системы. Наличие такого рода отношений у системы и ее элементов служит выражением их симметрии – важного условия гармонии. Из описанных Марксом примеров эволюции рабочего от многосторонности к всесторонности следует, что достигаемая при этом симметрия оказывает существенное влияние на скачки от старого к новому как основную форму такого разрешения противоречий, которую можно назвать бесколлизной, поскольку к моменту скачка старое полностью себя исчерпало. Говоря о специфике разрешения противоречий, когда между основными свойствами системы установились отношения симметрии, необходимо обратить внимание на два важных момента. Во-первых, наличие симметрии означает, что развитие многих сторон системы перешло в развитие всех ее сторон, и во-вторых, именно благодаря этому скачок к новому качеству оказывается не только возможным, но и неизбежным, поскольку вне симметрии созревание различных сторон сложного, как было показано классиками марксизма, происходит не синхронно, в результате чего сам процесс движения к новому может принимать болезненный, а порой и весьма драматический характер.

Скачок, т.е. переход в новое состояние, совершаемый путём снятия старого, отжившего практически протекает с меньшими потерями тогда, когда старое и новое в системе достаточно явно разделены между собой, а это оказывается возможным лишь в условиях симметрии не только между старыми элементами, но и симметрии, присущей отношениям между вновь возникшими свойствами. Не случайно идею Гегеля «Противоречащее себе разрешается... в отрицание своего определенного содержания» Энгельс назвал «главным местом об отрицании»¹⁰³³. Именно снятие, происходящее в условиях, когда благодаря всестороннему развитию системы создаются условия для такого скачка к новому, при котором достигается полное отрицание всего уже отжившего, поскольку необходимую эволюцию целое завершило полностью, и как данное качество оно полностью себя реализовало, представляет собой разрешение противоречия между новым и старым. В этих условиях старому, которое теснится надвигающимся на него новым, невозможно удерживаться дальше, и именно благодаря тому, что старое созрело для гибели, новое, вобравшее в себя ценнейшие результаты предшествующего развития, сравнительно безболезненно расстается со старым, и, следовательно, увереннее и определеннее утверждается в виде более прогрессивной восходящей очередной стадии системы.

Симметрия как выражение координации между целым и его частями, а также между ним и средой, благодаря этой своей роли оказывается тесно связанной с разрешением противоречий гармонически развивающихся систем, что и подтверждается принципами

¹⁰³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 536.

симметрии Кюри, выведенными им для кристаллографии: «Когда определенные причины порождают известные следствия, элементы симметрии причин должны вновь появиться в порожденных следствиях. Когда известные следствия имеют в себе известную диссимметрию, эта последняя должна находиться и в породивших явление причинах»¹⁰³⁴.

3. РИТМ – ПОКАЗАТЕЛЬ СВОЕВРЕМЕННОГО И ДОСТАТОЧНОГО ПОЛНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Аргументы об определяющей роли симметрии в реализации гармонии не делают лишним вопрос о достаточности этого фактора, поскольку из теории симметрии известно, что «следствия могут быть симметричнее вызвавших их причин»¹⁰³⁵. Отсюда можно заключить, что симметрия системы не является ее абсолютной характеристикой, так как ей всегда сопутствует диссимметрия. Всё это указывает на то, что симметрия не обладает достаточно выраженной направленностью.

Гегель, который в качестве образца гармонически развивающегося явления, рассматривал движение диалектического метода в его системе логики, показал (и на это также одним из первых обратил внимание Энгельс), что отрицание как форма разрешения противоречий происходит скачками, следующими друг за другом в надлежащем ритме.

Считая отрицание связующим звеном между новым и старым, Гегель показал, что богатство содержания нового достигается при условии единства противоположностей, причем само такое единство в качестве своей предпосылки имеет ритм движения целого. «Так как то, что получается в качестве результата, отрицания, есть определенное отрицание, то оно имеет некоторое содержание. Оно новое понятие, но более высокое, более богатое понятие, чем предыдущее, ибо оно обогатилось его отрицанием или противоположностью; оно, стало быть, содержит предыдущее понятие, но содержит больше, чем только его, и есть единство и его противоположности. Таким путем, – резюмировал Гегель, – должна вообще образоваться система понятия; и в неудержимом чистом, ничего не принимающем в себя извне движении получить своё завершение»¹⁰³⁶. Здесь содержится важная мысль о том, что отрицание как форма разрешения противоречий, имеет своим смыслом не простой отказ от старого, а восхождение к более богатому содержанию, осуществленному на основе единства предыдущего и последующего, причем целостность нового достигается за счет такого отбора и подбора элементов предыдущего и элементов последующего, который гарантирует их единство.

Имея в виду идею Кюри о том, что «следствия могут быть симметричнее вызвавших их причин», как и обсуждавшееся положение, согласно которому симметрия не принимает в себя ничего лишнего, можно заключить, что особенностью разрешения противоречий в гармонически развивающихся системах является скачок от симметрии менее полной к симметрии более полной и более богатой содержанием. В процессе такого движения растет многообразие свойств системы, причем сама симметрия служит выражением их единства.

Характеризуя свой метод как «единственно истинный», но не исключая, однако, возможности его «еще значительного усовершенствования, многочисленных улучшений в частностях», Гегель считал необходимым подчеркнуть, что «диалектика, которую он (метод

¹⁰³⁴ Curie P. Oevres. Paris, 1908. P. 127.

¹⁰³⁵ Кюри М. Пьер Кюри. М., 1959. С. 25.

¹⁰³⁶ Гегель. Наука логики. Т. I. С. 108.

– *В.М.*) имеет в самом себе, движет вперед это содержание»¹⁰³⁷. Значит, единство противоположностей, единство многообразного, получающее своё выражение в симметрии реально взаимодействующих компонентов, создает необходимые предпосылки для ритмического движения. Поскольку симметрия представляет собой более или менее статическую форму выражения единства разнообразия и поскольку в условиях симметрии все компоненты сложного целого более или менее одновременно созревают для скачкообразного перехода в новое состояние, то сам такой переход, определяемый «диалектикой, которую он имеет в самом себе» (Гегель) оказывается внутренне детерминированным процессом, благодаря чему влияние случайных факторов здесь значительно ослабляется, следствием чего и выступает наиболее ярко выраженная и свободная от инверсии или более упорядоченная, более простая картина самого движения, т.е. ритм.

Всё это показывает, что ритм, являясь следствием определенных отношений (симметрии) между компонентами динамических систем, сам становится причиной симметрии системы, но уже в её новом состоянии. «Ясно, – подытоживает своё рассуждение Гегель, – что нельзя считать научными какие-либо способы изложения, если они не следуют движениями этого метода и не соответствуют его простому ритму, ибо движение этого метода есть движение самой сути дела»¹⁰³⁸.

В трудах Маркса, Энгельса, Ленина термин «ритм» встречается не часто, что не означает отсутствия у них к нему интереса, А.Ф. Лосев, рассматривая учение Платона о ритме, замечает: «Иногда Платон говорит о ритме человеческой жизни, не употребляя самого слова “ритм”. Так, читаем (IV 709): «Бог управляет всем, а вместе с богом случайность и благовремение правят всеми человеческими делами. Впрочем, во избежание резкости, надо уступить, что за ними следует нечто третье, а именно, искусство. В самом деле, благовременное применение или неблагоприятное искусство кормчего в случае бури дает, по-моему, большие преимущества»¹⁰³⁹.

Аналогичным является и положение с вопросом об отношении к ритму классиков марксизма.

Мысль Платона о ритме, позволяет рассматривать ритм как некоторый акт, происходящий в строго определенное время, т.е. «во благовремение». Но ведь и разработанная Марксом теория скачкообразного перехода от одной общественно-экономической формации к другой, более прогрессивной, фактически представляет собой не что иное, как выражение ритма, присущего социальному развитию. «Я смотрю на развитие общественной формации как на естественно-исторический процесс»¹⁰⁴⁰, – пишет Маркс. Этому полностью соответствует и его утверждение, что «общество, даже если оно напало на след естественного закона своего развития, ... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов»¹⁰⁴¹. И далее: «Теперешнее общество не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения»¹⁰⁴². Отсюда следует, что хотя Маркс и обходился без слов «ритм», тем не менее, он показывает,

¹⁰³⁷ Там же.

¹⁰³⁸ Там же.

¹⁰³⁹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты Сократ, Платон. С. 403.

¹⁰⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 10.

¹⁰⁴¹ Там же.

¹⁰⁴² Там же. С. 11.

что бывают переходы, имеющие характер ритма, но бывают и такие, когда ритм отсутствует, когда он невозможен.

Многие авторы представляют себе ритм как характеристику определенных превращений (скачков)¹⁰⁴³, и поскольку последние являются выражением, способом разрешения противоречий, то отсюда следует, что при гармоническом развитии скачки должны носить ритмический характер.

Многообразие проявлений ритма в различных видах и стилях искусства, а также за пределами художественной сферы (речь, трудовые процессы и т.д.) породило множество различных определений ритма; в связи с этим «слово “ритм”, не обладает терминологической чёткостью»¹⁰⁴⁴. Констатируя данное положение¹⁰⁴⁵, БСЭ отмечает: «В самом широком понимании ритм – временная структура любых воспринимаемых процессов, образуемая акцентами, паузами, членением на отрезки, их группировкой, соотношениями по длительности»¹⁰⁴⁶.

Отсутствие значительных теоретических разработок, посвященных ритму, объясняют иногда тем, что «явление ритма как таковое считалось, в основном, аксиоматичным и беспроблемным»¹⁰⁴⁷.

Теоретическая разработка проблемы ритма должна иметь в качестве своей фундаментальной основы развитую теорию времени, но последняя, по сравнению, например, с теорией пространства, разработана значительно меньше. Правда, усилиями ученых (Эйнштейн, Минковский) существовавший здесь разрыв заметно сокращён, однако он не преодолен полностью.

Обращение к ритму в данном случае вызвано не только тем, что еще античные философы при рассмотрении гармонии опирались как на сложившееся к тому времени понимание симметрии, так и на интуитивное представление о ритме.

Развитие всякой системы характеризуется тем, что в ней после разрешения одних противоречий возникают новые, а вслед за их разрешением, возникают ещё более новые. В связи с этим может показаться, что всякое развитие характеризуется своей ритмикой. Кстати сказать, именно такой вывод содержится, например, в рассуждениях Дьюи относительно связи ритма и гармонии. Исходя из идеи, что «организм может существовать лишь в условиях гармонических взаимодействий» с природой, автор полагал, что «свое реальное выражение “гармония взаимодействия” находит в “ритме обмена”, “в ритме жизни”. Последние по мере усложнения системы начинают дробиться на “подритмы” и так процесс дробления ритма становится бесконечным»¹⁰⁴⁸.

Упростив таким путем сущность ритма и гармонии, наделив затем этими свойствами все без исключения динамические системы, Дьюи тем самым оставил и от ритма и от гармонии одни лишь слова. Более того, придя к выводу, что ритм невозможен без

¹⁰⁴³ Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974.

¹⁰⁴⁴ Харлан М.Г. Ритм // БСЭ. 3-е изд. Т. 22. С. 133.

¹⁰⁴⁵ Имеются сведения, что только в музыковедческой литературе насчитывается «около пятидесяти общих определений ритма» (Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974. С. 6).

¹⁰⁴⁶ Харлан М.Г. Ритм // БСЭ. 3-е изд. Т. 22. С. 133.

¹⁰⁴⁷ Волкова Е.В. Ритм как объект эстетического анализа // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. С. 74.

¹⁰⁴⁸ Dewey J. Art Experience. L., 1934. P. 14–24.

повторения, Дьюи заодно лишил ритм присущей ему функции участия в разрешении противоречий, а систему в целом – ее важнейшего свойства – развития»¹⁰⁴⁹.

«Понимая под ритмом то или иное чередование или ту или иную структуру временных промежутков, мы, – пишет А.Ф. Лосев, – считаем весьма интересным применить это понятие не только к одним временным структурам, но и к художественным образам в целом. Само собой разумеется, что художественный образ часто содержит в себе как хтонические, так и классические черты, т.е. как черты иррационального и аморального нагромождения плохо согласованных между собой форм, так и черты гармонии, согласованности, идейной и моральной упорядоченности и, может быть, изящества»¹⁰⁵⁰. Выходит, что в той мере, в какой тот или иной образ искусства отвечает условиям (требованиям) художественности, в той же мере его динамика подчиняется требованиям ритмики. Но было бы ошибкой эти черты ритма экстраполировать на ту действительность, которая была выражена хтоническим образом. И если эстетика прагматизма используется для того, чтобы стереть грань в самой действительности между иррациональным и аморальным, с одной стороны, и гармоническим – с другой, то принципы марксистско-ленинской эстетики, не допускающие отождествления восприятия и объекта восприятия, исключают возможность с одной и той же меркой подходить и к произведению искусства, и к той объективной реальности, которая этим искусством отображается.

Если же исходить из понимания ритма только как повторения, то можно полностью согласиться с тем представлением о гармонии как единстве многообразия, которое сложилось еще у древних материалистов. «То, из чего всё сущее состоит, из чего как из первого, оно возникает и во что, как в последнее, оно возвращается, то, что как субстанция... остается всегда одним и тем же и изменяется лишь в своих определениях... – это есть элемент... и начало... всего сущего... ни одна вещь не возникает... и не исчезает, так как всегда сохраняется одна и та же природа»¹⁰⁵¹. Энгельс, предпосылая только что приведенное рассуждение Аристотеля своему анализу учения пифагорейцев о гармонии, говорит о ней так: «Таким образом, здесь перед нами уже полностью вырисовывается первоначальный стихийный материализм, который на первой стадии своего развития весьма естественно считает само собой разумеющимся единство в бесконечном многообразии явлений природы и ищет его в чем-то определенно-телесном, в чем-то особенном, как Фалес в воде»¹⁰⁵².

Рассматривая древнематериалистическую трактовку ритмического перевоплощения некоей первоматерии, как вполне естественное в ту пору объяснение того «единства, которое бы позволило обосновать внутреннюю связь» «бесконечного многообразия явлений природы», Энгельс показывает, что она была своеобразным выражением античных представлений о гармонии.

Такой вывод согласуется с размышлением Энгельса о числовой гармонии Пифагора. «Число есть сущность всех вещей, и организация вселенной в её определениях представляет собой вообще гармоническую систему чисел и их отношений»¹⁰⁵³, – выписал Энгельс из Аристотеля. Повторяемость тех или иных отношений, как известно, служит объективной

¹⁰⁴⁹ Dewey J. Art Experience. P. 176.

¹⁰⁵⁰ Лосев А.Ф. Хтоническая ритмика аффективных структур в «Энеиде» Виргилия // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. С. 143.

¹⁰⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 502.

¹⁰⁵² Там же.

¹⁰⁵³ Там же. С. 503.

базой математики, именно поэтому последняя оказывается не в состоянии адекватно отразить, выразить развитие.

Обращаясь к представлениям о гармонии античных философов, Энгельс при этом отмечает, что «они (философы Древней Греции – *В.М.*) оставляют необъясненным источник движения»¹⁰⁵⁴, отсюда и вопрос о том, как определить место ритма в системе движения мира.

Ответ пифагорейцев: «все происходящее в мире снова повторяется через определенные промежутки времени»¹⁰⁵⁵, констатируя реальность ритма, ничего не говорит о его роли в развитии. Даже много веков спустя Шеллинг писал: «Ритм принадлежит к удивительнейшим тайнам природы и искусства»¹⁰⁵⁶. Выход из данного тупика был подсказан классиками марксизма.

Раскрывая объективную природу противоречивости бесконечности, Энгельс подчеркивал: «Бесконечность есть противоречие, и она полна противоречий. Противоречием является уже то, что бесконечность должна слагаться из одних только конечных величин, а между тем это именно так»¹⁰⁵⁷. Поскольку время не является пустой длительностью и поскольку оно как определенный порядок происходящих изменений, выражающих движение материи, не является также и тем, что Гегель называл дурной бесконечностью, то ритм, следовательно, действительно выражает собой, с одной стороны, некоторое чередование происходящих изменений, движение от одних, конечных величин к другим, а, с другой стороны – порядок взаимодействия тех факторов, которые ответственны за происходящие изменения, т.е. структуру соответствующих временных промежутков.

Ритм, как и симметрия, выступает, таким образом, как характеристика целостности, хотя и целостности относительной. Конечно, ритм выражает собой определенные чередования, смену характера происходящих изменений. Но всякая ли такая смена есть ритм?

Маркс, рассматривая динамику собственности, рисует яркую картину происходящих перемен, т.е. чередование исторически определенных промежутков времени. «Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы.

Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество вглубь и ширь, когда работники уже превращены в пролетариев, а условия их труда – в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не работник, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих»¹⁰⁵⁸.

Можно ли описанный здесь Марксом порядок происходящих изменений считать ритмом? Нелегко ответить на этот вопрос. Другой пример, взятый, правда, и из другой области. «Если... ячменное зерно найдет нормальные для себя условия, если оно попадет на

¹⁰⁵⁴ Там же.

¹⁰⁵⁵ Антология мировой философии. Т. I. С. 287.

¹⁰⁵⁶ Шеллинг Ф. Философия искусства. М., 1966. С. 196.

¹⁰⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 51.

¹⁰⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 772.

благоприятную почву, то под влиянием теплоты и влажности, – писал Энгельс, – с ним произойдет своеобразное изменение: оно прорастет; зерно как таковое перестанет существовать, подвергнется отрицанию; на его место появляется выросшее из него растение – отрицание зерна. Каков же нормальный жизненный путь этого растения? Оно растёт, цветет, оплодотворяется, и, наконец, производит вновь ячменные зерна, а как только последние созреют, стебель отмирает, подвергается в свою очередь отрицанию. Как результат этого отрицания мы здесь имеем снова первоначальное ячменное зерно, но не просто зерно, а в десять, двадцать, тридцать раз большее количество зёрен»¹⁰⁵⁹. Ниже будет сказано, представляет ли собой это чередование ритм.

Чтобы правильнее интерпретировать характер описанных в данных примерах превращений, обратимся к некоторым определениям ритма. Одним из них является понимание «ритма как чередования во времени определенных единиц, как расположения и последовательности пространственных форм»¹⁰⁶⁰. Еще одним общим определением является следующая формулировка: «ритм как объективная закономерность развития; ритм – это такая особенность развития, для которой характерно закономерное чередование соизмеримых по существенному признаку элементов какой-либо системы»¹⁰⁶¹. Приведенные примеры встречающихся определений показывают, что они настолько широки, что позволяют включить в число ритмических чуть ли не всевозможные превращения явлений.

Е.М. Фортунатов, сознавая необходимость более четкого определения ритма, стремится достигнуть этой цели путем резкого сокращения той области, на которую такое определение можно было бы распространить. «Ритм..., – пишет он, – повидимому, должен рассматриваться с точки зрения одной из главных своих функций – как важнейший фактор формообразования, способствующий возникновению законченной, строго упорядоченной замкнутой системы»¹⁰⁶².

Примененный здесь подход, и тот критерий, который является результатом его, позволяют несколько отчётливее представить себе специфику ритма. Но и после этого остается такое затруднение. Если в искусстве образы, события, как и художественные произведения в целом представляют собой законченные, строго упорядоченные, замкнутые системы, то в реальной действительности такого положения нет. Как выход из данного затруднения можно рассматривать ритм в качестве специфической временной характеристики процесса движения, выражающую собой относительную, повторяющуюся от этапа к этапу, завершенность отдельных стадий того или иного процесса. Остовом данного понимания ритма является понятие «завершенность», взятое с обязательными для указанного случая определениями «повторяющаяся» и «относительная».

Если теперь сравнить ритм с симметрией, то обнаруживается, что симметрия представляет собой такую характеристику целостности, которая может быть выражена словами «ни прибавить, ни убавить», а ритм оказывается своеобразным метрономом, свидетельствующим, что каждая стадия развития должна завершаться «не позже и не раньше». Ленин, опираясь на теоретические идеи Маркса и Энгельса и одновременно учитывая новые исторические факты, открыл закон неравномерности развития капитализма,

¹⁰⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 139.

¹⁰⁶⁰ Мейлах Б.С. Проблемы ритма, пространства и времени в комплексном изучении творчества // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. С. 4.

¹⁰⁶¹ Смирнов В.И. Ритм как объективная закономерность развития. Автореф. Л., 1978. С. 5–6.

¹⁰⁶² Фортунатов Н.М. Ритм художественной прозы // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. С. 173.

чем доказал невозможность ритма в социальном развитии капиталистической системы, как и всяких других систем, в которых внутренние антагонизмы исключают синхронное осуществление имеющихся возможностей.

Неоднозначным будет и ответ на вопрос о ритме как форме разрешения противоречий в развитии природных систем. Отвечая на свой же вопрос: «Каков же нормальный жизненный путь этого растения? (имеется в виду описанное Энгельсом развитие ячменя, о чем речь шла выше, – Энгельс писал: «Оно растет, цветет, оплодотворяется, и, наконец, производит вновь ячменные зерна, а как только последние созреют, стебель отмирает, подвергается в свою очередь отрицанию»¹⁰⁶³). Имеет ли здесь описанное отрицание ритмический характер? Достаточно ли для положительного ответа на заданный вопрос только наличия такого признака как повторяемость? По-видимому, нет, поскольку, вращающееся, например, вокруг своей оси колесо, только то и делает, что повторяет однажды пройденный путь. Положение не меняется, если ввести и такое условие, как повторение чего-то через равные промежутки времени. Этому удовлетворяет все то же колесо, вращающееся с постоянной угловой скоростью. Небольше оснований говорить о ритмичности отрицания, если допустить, что процесс развития ускорится или замедлится. Энгельс, продолжая свою мысль о роли отрицания отрицания в развитии, писал: «Виды хлебных злаков изменяются крайне медленно, так что современный ячмень остается приблизительно таким же, каким он был сто лет тому назад. Но возьмем какое-нибудь пластическое декоративное растение, например, далию или орхидею; если мы, применяя искусство садовода, будем соответствующим образом воздействовать на семя и развивающееся из него растение, то в результате этого отрицания мы получим не только больше семян, но и качественно улучшенное семя, дающее более красивые цветы, и каждое повторение этого процесса, каждое новое отрицание отрицания усиливает эти качественные улучшения»¹⁰⁶⁴. Конечно, селекционер может вмешаться в процесс развития таким образом, что продолжительность одних стадий изменится, а других – нет. Имеет ли это значение для ритма развития, если таковой все-таки присущ данному процессу? Научный ответ на эти вопросы связан с учетом не только внешних проявлений процесса (чередование, продолжительность составляющих процесс стадий), но и его структуры (синхронность, взаимосвязь, полноту и завершенность всех составляющих сложного единого целого).

Значит, ритм, как и симметрия, выражает собой связь противоречивых сторон целого. Еще Аристотель отмечал, что «ритм содержит в себе ближе всего приближающиеся к реальной действительности отображения гнева и кротости, мужества и умеренности и всех противоположных им свойств»¹⁰⁶⁵. И действительно, представлять себе ритм как монотонное повторение, как простое колебание маятника в буквальном смысле этого слова, означало бы согласиться с пониманием развития как дурной бесконечности.

Таким образом переход количества в качество, отрицание, посредством которых реализуется развитие, могут быть ритмичными и аритмичными. Гармоническое развитие характеризуется ритмичностью скачков, ритмичностью отрицания. Развитие лишь тогда может быть гармоническим, если разрешение противоречий соответствует не только требованиям симметрии, но также и требованиям ритма, что обеспечивает непрерывность совершенствования.

¹⁰⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 139.

¹⁰⁶⁴ Там же. С. 139–140.

¹⁰⁶⁵ История эстетики. Т. I. М., 1962. С. 120.

К сказанному можно добавить, что ритм является относительной характеристикой гармонического развития не только потому, что в реальной жизни и в искусстве полного возврата, абсолютного повторения не бывает, хотя бы в силу необратимости времени, но еще и потому, что сами временные интервалы между однотипными стадиями являются, в лучшем случае, лишь приблизительно одинаковыми. Так, например, для исторического развития России было характерно то, что в ней «...в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»¹⁰⁶⁶.

4. ЕДИНСТВО СИММЕТРИИ И РИТМА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЕДИНСТВА МНОГООБРАЗИЯ

Понятия гармония, симметрия и ритм иногда не без основания рассматриваются как синонимы. Если в том или ином процессе преобладают явления, определяющей характеристикой которых является симметрия (идёт, например, формирование симметричной кристаллической решётки), тогда именно симметрия становится определяющей формой гармонии; но бывают и такие процессы, когда доминирует ритм (ритмический танец, например), тогда определяющей формой выражения гармонии становится ритм.

В развитии сложных систем, когда система реализует достаточно полно все заключенные в ней возможности, когда между её сущностью и существованием нет значительного разрыва, т.е. когда все стороны систем развиваются не только не в ущерб друг другу, а в плодотворном для частей и целого взаимодействии, тогда и симметрия и ритм представляются лишь двумя сторонами единого процесса гармонического развития.

Учет всех этих обстоятельств в данном случае необходим не только для того, чтобы яснее представить насколько сложным и многофакторным является процесс движения от старого к новому, но еще и для того, чтобы этим путем выявить условия достижения гармонического нового. Все это говорит о том, что связующим звеном между проблемами гармонии, симметрии и ритма становится проблема многосторонности (всесторонности) развития сложных систем.

Представления о гармонии как единстве многообразия, идущие от Аристотеля, поддержанные и многими другими философами были не только восприняты классиками диалектического материализма, но и поставлены ими на современную научную основу. Рассматривая процесс развития крупной промышленности, Маркс показал, что в условиях капиталистической экономической системы подлинный прогресс и производства, и самого производителя требует такой формы разрешения «абсолютного противоречия», присущего данной системе, в результате которого многосторонность развития приобрела бы характер всесторонности, благодаря соразмерности, симметрии элементов нового и старого, когда ведущей стороной выступает новое, а его исходным основанием положительное старое.

Исходя из того, что «противоречие между мануфактурным разделением труда и существом крупной промышленности дает о себе знать насильственным образом»¹⁰⁶⁷, Маркс приходит к выводу, что диалектика старого и нового и даже эволюция многосторонности во всесторонность не всегда в состоянии избавить прогресс системы от сопутствующего ему регресса. «Пока ремесло и мануфактура – образуют всеобщий базис общественного

¹⁰⁶⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 174.

¹⁰⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 495.

производства, подчинение производителя исключительно одной отрасли производства, разрушение первоначального многообразия его занятий являются необходимым моментом развития. На этом базисе каждая отдельная отрасль производства эмпирически находит соответствующий ей технический строй, медленно совершенствует его и, как только достигается известная степень зрелости, быстро кристаллизует его... Принцип крупной промышленности – разлагать всякий процесс производства, взятый сам по себе и, прежде всего безотносительно к руке человека, на его составные элементы, создал вполне современную науку технологии. Пестрые, внешне лишенные внутренней связи и окостеневшие виды общественного процесса производства разложились на сознательно планомерные, систематически расчлененные, в зависимости от желаемого полезного эффекта, области применения естествознания. Технология открыла также те немногие великие основы формы движения, в которых необходимо совершается вся производительная деятельность человеческого тела, как бы разнообразны ни были применяемые инструменты, – подобные тому, как механика, несмотря на величайшую сложность машин, не обманывается на тот счет, что все они представляют постоянное повторение элементарных механических сил»¹⁰⁶⁸. Здесь Маркс еще не говорит о гармонии, поскольку между различными «видами общественного процесса производства» нет достаточной «внутренней связанности».

Речь идет о росте разнообразия, благодаря которому осуществляется, во-первых, наиболее полная реализация присущих системе возможностей, и, во-вторых, в условиях такого роста разнообразия более эффективным оказывается поиск оптимальных форм, в данном случае – форм технологии труда, – которые затем, кристаллизуясь, избавляют в случае революционного преобразования экономической системы от необходимости начинать все сызнова. Но и в данных условиях отмеченная Марксом периодичность «повторения элементарных механических сил» свидетельствует о признаках ритмики движения.

В неорганической и органической природе стихийно возникшие формы организации, кристаллы, живые клетки, организмы, виды и т.д., отличающиеся способностью к самоорганизации, нисколько не затрудняя роста многообразия, вместе с тем, служат определенным залогом того, чтобы в процессе дальнейшего развития, в условиях последующего их преобразования, не происходило полного разрушения, или, по крайней мере, существенно ограничивался бы обычно сопутствующий прогрессу регресс.

Продолжая свою мысль о роли разнообразия и путях его роста, Маркс говорит далее: «Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существенную форму известного производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис революционен, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен. Посредством внедрения машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда»¹⁰⁶⁹. Наличие устойчивых образований, способных сохраняться и при самых глубоких преобразованиях системы, не означает, что возникшие на их основе структурированные системы вообще не подвержены развитию. Попытки современного идеализма, в частности, структурализма, обосновать именно такой взгляд не имеют ничего общего с фактами науки.

¹⁰⁶⁸ Там же. С. 496–497.

¹⁰⁶⁹ Там же. С. 497–498.

Относительный характер симметрии и ритма, эволюция самих фундаментальных законов природы говорят о том, насколько далека от объективной истины всякая абсолютизация устойчивости каких бы то ни было материальных образований. Физика, констатирующая сохранение нуклонного заряда, тем не менее никоим образом не настаивает на том, что этот заряд ни при каких обстоятельствах нельзя изменить. Однако было бы теоретически некорректным не делать различия между более и менее устойчивыми структурам.

Исследования, проведенные в области современной биологии, показывают, что процесс движения от более простого к более сложному сопровождается тем, что между тенденцией к многообразию и тенденцией к сохранению результатов, достигнутых в процессе предшествующей длительной эволюции, имеет место определенная корреляция. Правда, сам такой факт иногда представляется неожиданным. Вот один из примеров. В ДНК всего органического мира мы, с одной стороны, сталкиваемся с единым планом строения и довольно значительной жесткостью нуклеотидных отношений, а с другой стороны, именно эта жесткость открывает безграничные возможности вариаций состава этих веществ.

Изучение нуклеотидного состава ДНК у различных организмов показало, что он особенно сильно варьирует у микроорганизмов – водорослей, грибов и особенно бактерий. Специфичность состава ДНК здесь столь резко выражена, что может служить одним из систематических признаков, т.е. помогать отличать один вид от другого... То, что ДНК обладает видовой специфичностью вполне понятно: ведь несомненно, что в составе и структуре этих жизненно важных для каждого организма веществ не могла не найти отражения история развития (филогения) вида...

Несколько неожиданным является факт, что нуклеотидный состав ДНК у животных и высших растений, в отличие от микроорганизмов, варьирует сравнительно мало. В самом деле, если у бактерии коэффициент специфичности ДНК..., изменяется в пределах от 0,45 до 2,80, т.е. в 6 раз, то у высших растений и различных видов животных это отношение колеблется только в пределах от 0,54 до 0,93, т.е. изменяется менее, чем в 2 раза. Отсюда ни в коей мере нельзя сделать вывод, что ДНК у высших растений и животных является менее специфичной, чем ДНК у микроорганизмов. ДНК у высших растений и животных, несомненно, столь же специфична, как и у микроорганизмов, только здесь специфичность ее обуславливается не столько изменчивостью самого состава, сколько последовательностью расположения нуклеотидов вдоль цепи молекулы ДНК (как в белках)¹⁰⁷⁰.

Описанные здесь факты свидетельствуют, что специфичность связана с многообразием, а многообразие имеет своей основой сохранение единого направления развития от старого к новому, от более простого к более сложному, от низшего к высшему, выступая, таким образом, формой выражения основного принципа гармонии – единства в многообразии.

Но с гармонией связано не всякое многообразие. Можно указать на большое число явлений, к которым, хотя и применимо в качестве их свойства многообразие, но которые в силу ряда причин гармоническими все-таки не являются. Монополистический капитализм, являющийся по определению Ленина, загнивающей стадией капитализма, характеризуется, конечно, очень большим числом сторон, он многообразен, но «гармоническим» он представляется лишь авторам «теории гармонии интересов». Живой организм человека или животного, пораженный раковыми метастазами, может представлять собой пример

¹⁰⁷⁰ Белозерский А.Н. Молекулярная биология // Новая ступень познания природы. М., 1967. С. 17–18.

многообразия, но понятие гармонии и к нему не применимо. «Ноздрев, – писал Гоголь, – во многих отношениях был многосторонний человек»¹⁰⁷¹, но гармоническим автор «Мёртвых душ» не решился назвать этого персонажа даже в ироническом смысле.

В основе понятия «многообразие» лежит понятие множества, являющееся столь широким, что к его элементам предъявляется только одно требование – быть отличимыми от других элементов. Для гармонии этого условия недостаточно, здесь необходимым является не только разнообразие элементов, но и их единство. Недостаточным для отнесения к гармоническим явлениям будет и такой признак множества как системность. Ведь искаженный и даже изуродованный живой организм остается все-таки системой, но отнюдь, не системой гармонической. Более того, даже не всякая вполне, так сказать, «нормально» функционирующая система может рассматриваться как гармоническая.

Маркс показывает, что гармоничность системы является синтетическим свойством, охватывающим в качестве необходимого такое многообразие, в котором каждый элемент имеет условия для полной реализации своих возможностей. «Составление комбинированного рабочего персонала, – пишет Маркс, – из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, при соответствующих условиях должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития»¹⁰⁷². Из этого факта следуют важные для понимания гармонии выводы.

Во-первых, на конкретном историческом материале Маркс показал справедливость античного тезиса о том, что «гармонически устроенное возникает из неустроенного»; во-вторых, решающим фактором возникновения гармонического из негармонического являются «соответствующие условия», суммарным выражением которых служит способ разрешения противоречий, возникших на предыдущей стадии развития. Согласно воззрениям Маркса специфика разрешения противоречий при гармоническом развитии выражается в единстве симметрии и ритма. Надо сказать, что общетеоретической основой для заключения о возможности единства, связи симметрии и ритма являются развитые в науке положения о единстве пространства и времени. Методологической базой и здесь могут служить идеи Маркса в частности его взгляды о развитии капиталистической промышленности, которая «постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего. С другой стороны, в своей капиталистической форме она воспроизводит старое разделение труда с его окостеневшими специальностями. Мы видели, как это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе со средствами труда выбить у него из рук и жизненные средства и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его самого; как это противоречие жестоко проявляется в непрерывном приношении в жертву рабочего класса, непомерном расточении рабочих сил и опустошениях, связанных с общественной анархией. – Это – отрицательная сторона»¹⁰⁷³. Здесь хорошо показано, что потенциальные возможности достижения единства в

¹⁰⁷¹ Гоголь Н.В. Мёртвые души. М., 1969. С. 53.

¹⁰⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 501.

¹⁰⁷³ Там же. С. 498.

многообразии на основе симметрии и ритма не реализуются вследствие «абсолютного противоречия» между ростом динамики и окостенелостью. Маркс, показав антагонистическую сущность социальных противоречий при капиталистической системе производства, развивает положение, согласно которому поворот от движения к хаосу к созданию базы или предпосылок гармонии, осуществляется путем диалектического снятия всего отжившего, реакционного. «Если перемена труда, – говорит Маркс, – теперь прокладывает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия, то с другой стороны, самая крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: ... частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции заменить всеобщим развитым индивидуумом»¹⁰⁷⁴. Таким образом, согласно Марксу, переход от многосторонности «частичного рабочего» к «всеобщему развитому индивидууму» и есть «источник гуманного развития», т.е. развития, соответствующего как биологической, так и социальной сущности человека. Практически это означает, что речь идет о гармоническом развитии, реализация которого нуждается в наличии определенных условий. «Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, – пишет Маркс, – то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоеует надлежащее место в школах рабочих и для технологического обучения, как теоретического, так и практического»¹⁰⁷⁵.

Открытые Марксом факты показывают, что рост разнообразия в описанных им условиях еще не сопровождается соответствующим усилением единства, вследствие чего происходит искажение или даже исключение симметрии, что в свою очередь вызывает нарушения ритма движения. Проведенный Марксом анализ дисгармоничности развития капиталистической промышленности позволяет таким образом заключить, что гармония, мыслимая как единство в многообразии, решающим образом определяется тем, насколько согласованы между собой симметрия и ритм, характеризующие структуру и функционирование той или иной системы.

Симметрия и ритм, выступая как необходимые формы выражения пространственно-временного единства многообразных элементов целого, являются вместе с тем необходимым условием такого разрешения противоречий, в результате которого новое становится с большей долей вероятности выше, совершеннее старого. Симметрия и ритм в качестве признаков целостности и непрерывности сложных динамических систем могут иметь место только там, где нет антагонизмов и где, следовательно, разрешение противоречий не требует разрушения самих основ развивающейся системы. Отсюда можно заключить, что системы, не отягощенные антагонизмами, лишь при строго определенных условиях, т.е. в условиях самой тесной связи симметрии и ритма могут стать гармоническими, т.е. сохранять свою исходную сущность, и обогащать его новыми чертами, свойствам, элементами в условиях их единства.

¹⁰⁷⁴ Там же. С. 498–499.

¹⁰⁷⁵ Там же. С. 499.

Рассматривая единство симметрии и ритма как выражение специфики гармонического развития, необходимо заметить, что возникновение нового и последующая реализация его сущности в реальных процессах хотя и означают определенное отклонение от накладываемых симметрией и ритмом ограничений, однако это отклонение остается в рамках диктуемой ими направленности. Это обстоятельство указывает на то, что в общем поле развития на долю гармонии приходится хотя и важная, но все-таки достаточно узкая полоса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ГАРМОНИЯ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ПРОГРЕССУ

1. РОЛЬ ПРОБЛЕМЫ СУЩНОСТИ И СУЩЕСТВОВАНИЯ В ПОНИМАНИИ ГАРМОНИИ КАК ОСОБОГО РОДА ПРОГРЕССА

Мир в своем материальном единстве обладает бесконечно многообразными условиями развития: в одних областях может быть гармония, в то время как в других – коллизия. В развитии всякой материальной системы выделяются различные стадии, поскольку любая из них возникает, рождается, а затем исчезает, умирает. Отсюда вопрос – согласуется ли смерть системы с ее гармонией?

Надо сказать, что над этим уже приходилось задумываться. К примеру, Кант, не признавая смерть совместимой с принципом гармонии, и вместе с тем, не желая отказаться и от идеи гармонии, считал теоретически допустимым потусторонний мир, в котором души людей бессмертны. Но и в нем бессмертные души остается лишь предпосылкой гармонии, поскольку и там возможен разрыв между склонностью и долгом. И чтобы сохранить, хотя бы иллюзию гармонии, Кант считал, что рано или поздно реальные поступки людей окажутся в гармонии с их «доброй волей». Эту уловку Канта Маркс и Энгельс охарактеризовали так: «Кант успокоился на одной лишь “доброй воле”, даже если она остается совершенно безрезультатной, и перенес осуществление этой доброй воли, гармонию между потребностями и влечениями индивидов, в потусторонний мир. Эта добрая воля Канта вполне соответствует бессилию, придавленности и убожеству немецких бюргеров»¹⁰⁷⁶. Маркс и Энгельс выступают здесь вовсе не против гармонии между долгом и склонностью, они возражают лишь против тезиса о гармонии как недостижимом идеале. Идеализм, присущий Канту и в понимании гармонии, коренится в его противоречивом отношении к основному вопросу философии. Ленин, солидаризируясь с высказыванием Фейербаха о том, что «Кантовская философия есть противоречие между ...сущностью и существованием», подчеркивает, что «Фейербах упрекает Канта не за то, что он допускает вещи в себе, а за то, что он не допускает их действительности, т.е. объективной реальности, за то, что он считает их простой мыслью “мысленными сущностями”, а “не сущностями, обладающими существованием”»¹⁰⁷⁷. Отсюда следует, что, согласно классикам марксизма, проблема взаимосвязи сущности и существования является необходимым звеном проблемы гармонии, связи с чем необходим экскурс в прошлое.

Проблема связи сущности и существования в разное время решалась различным образом. В древности, например, в философии Платона, сущность была представлена вечной

¹⁰⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 182.

¹⁰⁷⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 208.

и неизменной идеей, а существование – ее материальным бытием. Позднее, в эпоху становления классической науки делается попытка объединить теологическую трактовку данного вопроса с естественнонаучной. Исторический и отчасти методологический интерес представляет собой трактовка связи сущности и существования, принадлежащая Кеплеру.

Согласно Кеплеру, сущность и существование в условиях гармонии, хотя и не тождественны, но могут оказаться в отношении «абсолютного равенства». «Природа каждой вещи в той мере, в какой позволяют условия ее бытия, должна отражать бога. Поскольку ведущий творец намеревался устроить всё наилучшим, наипрекраснейшим и наисовершеннейшим образом, то он не нашёл ничего, что было бы лучше и совершеннее, нежели он сам. Поэтому, задумав создать материальный мир, бог избрал для него такую форму, которая более всего походила бы на образ самого бога. Так возникли все формы существования величин и в них – различие между прямыми и кривыми и совершеннейшая из фигур – сфера. Сотворив ее, мудрый создатель воплотил в ней по прихоти своей образ троицы. Поэтому центр ее есть как бы начало, из которого рождается сферическое тело; поверхность сферы есть образ самой внутренней точки; далее, искомый путь ее есть то, что возникает, когда эта точка бесчисленное множество раз выходит из себя самой, покуда все эти выходы не сравниваются, причем, эта точка сообщает (поверхности) такую протяженность, чтобы точка и поверхность были связаны между собой обратным отношением плотности и протяженности. Тем самым между точкой и поверхностью всесторонне возникает абсолютнейшее равенство, теснейшее единство, прекраснейшее согласие, связь, соответствие, пропорции и соразмерность; и хотя имеется явно три элемента: центр, (сферическая) поверхность и пространство между ними – они образуют единое целое. Ничто из них даже мысленно нельзя представить себе отсутствующим без того, чтобы все не разрушилось»¹⁰⁷⁸.

Связь сущности (начала) и ее внешнего выражения (формы) показана здесь путем построения по заданной точке соответствующей сферы. Принимая во внимание, что роль божественной сущности здесь лишь прокламируется, необходимо не упускать из виду главное, а именно – отношение между точкой и сферой выражено Кеплером с помощью достаточно глубоких понятий: согласие, связь, соответствие, пропорции, соразмерность, что можно считать вполне достаточным для констатации гармонии между сущностью и существованием. Правда, по Кеплеру, гармония между сущностью и существованием выражается в приближении к некоторому идеалу, что сближает позицию автора «Гармонии мира» с позицией по отношению к гармонии Платона и даже Канта.

Как пример другой крайности, когда существование признается практически совпадающим с сущностью, можно указать на взгляды Лейбница. «Я в качестве принципа устанавливаю гармонию вещей, т.е. что существует как можно больше сущности, – писал он. – Следовательно, имеется больше оснований для существования, чем для несуществования, и всё раз оно могло быть, есть самое предельное. Ибо раз нечто существует, и раз не могло бы существовать все возможное, то значит, существует то, что больше всего заключает сущности»¹⁰⁷⁹. Для Лейбница было достаточно того, чтобы вещь заключала в себе необходимую сущность, а вопросы ее реализации он считал не имеющими самостоятельного значения. Сущность, согласно Лейбницу, реализуется фатальным образом, а потому существование оказывается тождественным сущности.

¹⁰⁷⁸ Kepler J. Harmonies mundi, Buch V. ed. Frisch, p. 223–224.

¹⁰⁷⁹ Лейбниц Г.-В. Элементы сокровенной философии о совокупности вещей. С. 29.

Лейбницевская «монада, – писал Гегель, – это целокупность в себе по своей субстанции, а не в обнаружении себя. Это ограничение монады необходимо относится не к полагающей самое себя или представляющей монаде, а к ее в себе-бытию, иначе говоря, это ограничение есть абсолютная граница, предопределение, положенное отличной от нее сущностью. Далее, так как ограниченное дано лишь как соотносящееся с другим ограниченным, монада же есть в то же время замкнутое в себе абсолютное, то гармония этих ограничений, а именно соотношение монад друг с другом, имеет место вне их и также предустановлена другой сущностью или в себе»¹⁰⁸⁰.

Пытаясь выразить отношение между сущностью и существованием, Кант зашел в такой тупик, что фактически признал отсутствие связи между ними, допуская, правда, абстрактную возможность взаимодействия сущности и существования при условии бесконечного времени бытия конкретной вещи.

Проблема взаимосвязи сущности и существования занимала важное место и во взглядах самого Гегеля. Рассматривая воззрения Спинозы и Лейбница на отношение между сущностью и существованием, находя позицию каждого из них односторонней, Гегель отмечал: «Односторонности одного философского принципа обычно противопоставляется противоположная односторонность, и как бывает всегда, целокупность наличествует по крайней мере как рассеянная полнота»¹⁰⁸¹.

Может быть, Гегель и был прав в том, что совокупная философская мысль – рассеянная полнота – не столь уж односторонняя, если ее сравнивать со взятыми порознь концепциями сущности и существования. Но как перейти от «рассеянной полноты» к научному представлению, которое было бы адекватным реальному состоянию отношения? Ведь даже тонкая сама по себе гегелевская критика односторонностей (Гегель достаточно убедительно показал, что автор «предустановленной гармонии» не сумел решить вопроса о между сущностью и существованием по той причине, что, приняв за сущность изолированную монаду, тем самым лишил последнюю способности к взаимодействию, а заодно и реального существования), говорит лишь о более полном понимании остроты проблемы, но отнюдь не содержит ее решения. Правда, Гегель, как никто до него, вопрос о диалектическом характере отношения между сущностью и существованием не только сформулировал наиболее корректным образом, но и первым дал общую схему пути его познания.

Свою позитивную трактовку гармонии, проявляющуюся в отношениях между сущностью и существованием, Гегель развивал в связи с критикой позиции Канта по данному вопросу. Гегель полагал, что концепция Канта обладает не только тем изъяном, что в ней идея гармонии лишь постулируется, но еще и тем, что в ней игнорируется прогресс как движение к «внутренней целесообразности». «Постулируя гармонию природы (или необходимости) с целями свободы, которая мыслится им как конечная цель мира, Кант выдвигает идею, значительную также и по своему содержанию. Но леность мысли, как это можно назвать, доходя до этой высшей идеи, находит лазейку в долженствовании и вместо действительной реализации конечной цели цепко держится за раздельность понятия и реальности»¹⁰⁸².

¹⁰⁸⁰ Гегель Г.-В. Наука логики. Т. 2. С. 184.

¹⁰⁸¹ Там же.

¹⁰⁸² Гегель Г.В. Энциклопедия философских наук. Т. I. С. 178.

Подчеркивая ограниченность кантовского подхода к гармонии, выразившуюся в неумении преодолеть границу между «понятием и реальностью», Гегель заметил: «наличие живых организмов в природе и прекрасного в искусстве уже показывает действительность идеала даже чувству и созерцанию»¹⁰⁸³. Таким образом, Гегель не только не разделяет взгляда на гармонию как на некий абстрактный идеал, а, напротив, считал гармонию объективной реальностью, понимаемой им, правда, в духе объективного идеализма. «После того как критическая философия (имеется в виду философия Канта, – *В.М.*) пришла к выводу, что разум способен познавать лишь явления, мы могли бы ожидать, – продолжает свое рассуждение Гегель, – что по крайней мере в отношении живой природы представляется выбор между двумя одинаково субъективными способами мышления и, согласно самому Канту, даже вменяется в обязанность познавать создания природы не только по категории качества, причины и действия, сложности составных частей и т.д. Если бы принцип внутренней целесообразности (“внутренняя целесообразность” – вот гегелевский ключ к пониманию гармонии, – *В.М.*) был сохранен и развит в научном исследовании, то он повлек бы за собой совершенно иной, более совершенный способ рассмотрения»¹⁰⁸⁴. Гармоническое развитие, с точки зрения Гегеля, имеет общие со всякой другой формой развития черты, которые могут быть выражены посредством названных им категорий – качества, причины, сложности и т.д., но наряду с ними гармоническое развитие имеет и такие черты, которых у других форм развития нет.

Внутренняя целесообразность и движение к ней – вот что, согласно Гегелю, придает в одном случае облик гармонии определенному состоянию, в другом – облик гармонического развития данному виду движения. Имея это в виду, Гегель решительно возражал против кантовской концепции гармонии, где это состояние достигалось не путем преодоления противоречий, возникающих при движении существования в направлении к своей сущности, а вследствие прямого действия времени как выражения «бесконечного прогресса».

Вскрывая неустрашимое в рамках кантовской методологии противоречие между «субъективной гармонией», которая «не обладает реальностью», а представляет собой лишь «гармонию в которую верят» и той «объективностью», «которая в содержании гармонии была уже объявлена неистинной», Гегель заключал: «Если кажется, что это противоречие затушевывается тем, что осуществление идеи переносится во время, в будущее..., то мы должны против этого сказать, что такое чувственное условие, как время, есть прямая противоположность разрешению противоречия и соответственное представление рассудка – бесконечный прогресс – есть непосредственно не что иное, как вечное повторение этого самого противоречия»¹⁰⁸⁵.

Примечательно, что наиболее сильной критике Гегель подвергал Канта за проявленный последним дуализм в понимании отношения между сущностью и существованием (вещи в себе и явлением), при этом Гегель не отвергал развиваемую Кантом идею гармонии, а критиковал его только за то, что он развивал эту идею с ложных методологических и мировоззренческих позиций.

Важным моментом во взглядах Гегеля было усмотрение им прямой связи между движением бытия к своему понятию путем преодоления противоречий, с одной стороны, и прогрессом – с другой, причем, поскольку в принципе такое движение как существование

¹⁰⁸³ Там же.

¹⁰⁸⁴ Там же. С. 179.

¹⁰⁸⁵ Там же. С. 180.

«внутренней целесообразности» Гегель считал достижимым в реальных пространственно-временных условиях, то, конечный характер развития конечных вещей не является принципиальным запретом на гармонический характер их движения от абстрактного к конкретному. «Кантовские размышления об этих предметах (Гегель имел в виду размышления Канта о превратностях гармонии – В.М.) могли бы послужить прекрасным введением, приучающим сознание мыслить и постигать конкретную идею»¹⁰⁸⁶. И чтобы показать, что самому Канту этого сделать не удалось, Гегель ссылается на следующий пример. В свое время Кант сформулировал «закон ритма», который, по его мнению, должен быть: 1) объективным, 2) формальным, 3) законом, определенным a priori. «Интересно сравнить с такими требованиями, – писал Гегель, – трактовку самих стихотворных размеров. На нее эти формальные принципы не оказывали ни малейшего влияния»¹⁰⁸⁷. Это большой упрек, но, увы, разве не дает повода аналогичного упрека и гегелевская формула – «истина бытия – это сущность..., а ее движение – переход из бытия в понятие»¹⁰⁸⁸.

Таким образом, при всем различии, которое имеется в понимании гармонии у Кеплера и Лейбница, Канта и Гегеля – все они или менее определенно сходились во мнении, что гармония имеет столь же тесную связь с прогрессом, сколь тесной является связь между сущностью и существованием; более того, судьба самой гармонии, по их мнению, зависит решающим образом, от того, как складываются отношения между существованием и сущностью. Справедливо выдвигая в качестве необходимого в понимании гармонии вопрос о существовании и сущности, философы домарксистской эпохи понимали гармонию все-таки ограниченно, так как не сумели решить вопрос о диалектике сущности и существования. Все это требовало коренного переворота в самом подходе к изучению гармонии, который и был осуществлен классиками материалистической диалектики.

2. К ВОПРОСУ О ГАРМОНИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КАК НЕИСКАЖЕННОМ РЕГРЕССОМ ПРОГРЕССЕ

А.Н. Радищеву принадлежит такая мысль: «чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво по произволению»¹⁰⁸⁹. Исторический опыт подтверждает правоту автора. Однако вопрос здесь в том, почему одно развивается «лучше, чем другое», почему в одних случаях нечто оказывается «прямым», а в других – «кривым». В поисках ответа, как известно, и возникла сама идея гармонии. Поскольку в своем историческом развитии идея гармонии еще в домарксистскую эпоху влилась в поток идей, выражающих представления о прогрессе, то все попытки определить гармонию через прогресс представляется возможным разделить на четыре основные группы.

Одну из них составляют мнения тех мыслителей, которые приписывают гармонии предустановленный характер, гармония и прогресс мыслятся как не имеющие общей основы, о чем выше уже говорилось. Другая группа объединяет мнения тех авторов, которые полагают, что гармония и прогресс имеют не только разные основания, но и их исторические пути направлены в противоположные стороны¹⁰⁹⁰. Третья группа представлена взглядами,

¹⁰⁸⁶ Там же. С. 178.

¹⁰⁸⁷ Там же. С. 182.

¹⁰⁸⁸ Гегель Г.В. Наука логики. Т. 2. С. 7, 9, 10.

¹⁰⁸⁹ Радищев А.Н. Избр. философ. и обществ.-политич. произвед. М., 1952. С. 175.

¹⁰⁹⁰ Preuss Ja Logique generatique et sociologie // Revue philosophique. 1928. 3 et 4. P. 167–205; Piage K. Die Geistige Kultur und Naturvöler. Leipzig-Berlin, 1914.

согласно которым прогресс выступает в роли разрушителя гармонии¹⁰⁹¹. Согласно мнению четвертой группы авторов, гармония и прогресс соотносятся между собой как цель и средство. «Природа могла осуществить человеческую форму, – писал Робинэ, – лишь комбинируя всевозможным образом все те признаки, которые должны были войти в нее. Если бы она перескочила бы только через одну комбинацию, то они не имели бы той степени взаимной гармонии, которую они приобрели, пройдя через все ее оттенки»¹⁰⁹².

Маркс подошел к вопросу о соотношении гармонии и прогресса с принципиально иных позиций. Развивая идею о достижимости человеком гармонического состояния, он ставил вопрос более широко и вместе с тем более конкретно: почему в одних случаях человеческая личность гармонична, а в других нет. Исходную основу для теоретического решения проблемы гармонической личности Маркс увидел в диалектике сущности и существования. «Сущность человека, – писал он, – не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»¹⁰⁹³. Заключение в этом тезисе идея позволила преодолеть тот тупик в понимании гармонии между сущностью и существованием, из которого не могли выйти в свое время не только Кеплер и Лейбниц, но также Кант, Гегель и Фейербах.

Особенностью того понимания гармонии, которое принадлежит Марксу, является то, что за основу берутся не оторванные друг от друга сущность и существование, а их диалектическое единство. Так, когда Маркс говорит, что только в коллективе индивид получает средства для всестороннего развития всех своих задатков, и что только в коллективе возможна личная свобода, то здесь диалектика сущности и существования выражается в том, что своей активной деятельностью (а в содержании деятельности и заключено основное содержание человеческого существования) человек реализует себя как личность, т.е. дает «своим задаткам» проявиться и достигнуть воплощения в исторически конкретных формах социального бытия. Поскольку число этих задатков, хотя и велико, но все-таки у конкретного человека, не является бесконечно большим, то возможность их достаточно полной реализации представляется вполне реальной.

История человека и человечества имеет, как известно, свои границы, а конечная система потому и считается конечной, что обладает конечным числом свойств. Биологически предопределенные задатки человека дополняются тем динамичным экстрактом, который Маркс назвал «совокупностью всех общественных отношений», и это вновь образовавшееся единство и есть та база, которую имеет каждый человек. Однако осуществление человеком своих возможностей, воплощение сущности в существовании не идет автоматически, фатальным образом.

Необходимость, представляя собой коррелят закономерности, предполагает сознательную и активную деятельность людей, чего не понимали философы прошлого. В домарксистской философии, в частности, Лейбниц отмечал, что в рамках религиозного мировоззрения бытуют три основных подхода к пониманию условий реализации человеком

¹⁰⁹¹ Но мнению Лафарга, «первобытный человек применительно к неразвитым социальным отношениям, в которых он существовал, был гармонически развитым» (*Лафарг П. Пролетариат физического и умственного труда // Умственный труд и машина. М., 1900. С. 81–82*). «Возьмите вы... культурного человека, – писал Г.И. Успенский, – сколько он мучился, сколько страдал, а чего добился? Добился ли он сотой доли того гармонического существования, которым пользуется так, не беспокоясь и не думая, крестьянин?... Культурный человек – это человек, выгнанный из рая неведения...» (*Успенский Г.И. Полн. собр. соч. Т. VIII. М., 1949. С. 136*).

¹⁰⁹² Робинэ Ж.Б. О природе. М., 1935. С. 506.

¹⁰⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

своей сущности. Так, согласно принципу, известному под названием «*Fatum mahumetanum*» в самой сущности личности заложены все необходимые условия для гармонического или негармонического существования. Здесь значение социальных условий и характер существования практически сведены к нулю.

Согласно другому принципу – «*Fatum stoicum*» в реализации сущности, т.е. в гармоническом или негармоническом существовании роль личной активности не исключается, но ее значение ослабляется тем, что сам принцип предполагает ненужной эмоциональную реакцию, что делает практически трудно различимым данный подход с вышеописанным.

И, наконец, принцип «*Fatum christianum*» зиждется на вере, в то, что гармоническим оказывается лишь существование, сознательно посвящаемое исполнению личностью своего долга при удовлетворении всем тем, что случится¹⁰⁹⁴.

В отличие от этих подходов, обрекающих личность на пассивное или подневольное существование, в процессе которого сущность человека полностью никогда не реализуется, Маркс сформулировал такой принцип, согласно которому ответственность за реализацию сущности несет перед собой и обществом сама личность. «Существо (имеется в виду личность – *В.М.*) является... самостоятельным, – пишет Маркс, – лишь тогда, когда оно стоит на собственных ногах, а на своих собственных ногах оно стоит лишь тогда, когда оно обязано своим существованием самому себе»¹⁰⁹⁵.

Согласно данному взгляду, гармоническое развитие, гармоническое существование человека означает полную и неискажающую реализацию возможностей, заключенных в содержании самой сущности. Конечно, если говорить о гармонии между сущностью и существованием, т.е. таком отношении между ними, когда реализация возможностей носит не случайный, а закономерный характер, то необходимо учитывать, что последнее нуждается в наличии определенных отношений между личностью и обществом как частью и целым. «В пределах коммунистического общества – единственного общества, где самобытное и свободное развитие индивидов перестает быть фразой, – пишут К. Маркс и Ф. Энгельс, – это развитие обуславливается именно связью индивидов, связью, заключающейся отчасти в экономических предпосылках, отчасти в необходимой солидарности свободного развития всех, и, наконец в универсальном характере деятельности индивидов»¹⁰⁹⁶.

Следовательно, специфика гармонического развития определяется большим числом факторов, включая особенности внутренних и внешних противоречий, способ и условия их разрешения. Благодаря этому спираль, символизирующая собой и динамический характер гармонического развития, может подниматься круто вверх, но может быть и плавной, но ее последующий виток, если это действительно гармоническое развитие, не может оказаться ниже предыдущего. Характеризуя специфику революционных преобразований в первые послеоктябрьские годы, В.И. Ленин писал: «Завоевания революции теперь не могут быть такими же, как прежде. Они неизбежно меняют характер в зависимости от перехода с военного фронта на хозяйственный, от перехода к новой экономической политике, от условий, требующих в первую очередь повышения производительности труда, повышения трудовой дисциплины. В такое время главным завоеванием революции становится улучшение внутреннее, не яркое, не бросающееся в глаза, не видное сразу улучшение труда,

¹⁰⁹⁴ Лейбниц В.-Г. Теодицея // Вера и разум. 1887. № 15. С. 27.

¹⁰⁹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 125.

¹⁰⁹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 441.

его постановки, его результатов, улучшение в смысле борьбы против разлагающих и пролетариат и партию влияний мелкобуржуазной и мелкобуржуазно-анархической стихии»¹⁰⁹⁷. Значит и в условиях социалистического строительства могут быть явления диссоциирующие с общим характером движения («разлагающие и пролетариат и партию влияния буржуазной и мелкобуржуазно-анархической стихии»), но не они определяют характер общего движения, и для их преодоления не требуется менять саму основу системы, принципы ее организации. В данном случае, конечно еще нет оснований говорить о том, что наступила гармония, поскольку в действительности здесь происходит лишь переход от негармонического пути к гармоническому.

Совсем иное дело, когда происходят изменения типа деградации. Так имея в виду эволюцию капиталистической системы, Маркс писал: «Должно быть есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, чем численность населения»¹⁰⁹⁸. Здесь показан такой процесс, при котором в условиях данного качества, скрытые до поры до времени язвы самой сущности, порождают открытые язвы существования, а последующий и нередко лавинообразный процесс ухудшения объективных характеристик существования, в свою очередь ускоряет распад, приводит систему к ее гибели. Из приведенных примеров развития видно, что речь идет в одном случае о прогрессе, в другом о явном регрессе. Конечно, трудности могут быть и в условиях гармонического развития. Все дело в том, какие это трудности. В одних случаях трудности существования вызваны коллизиями в самой сущности системы, в других – трудности существования являются лишь трудностями роста. В первом случае происходит деградация, а во втором – такое развитие, которое может вести к гармонии.

Особенностью гармонического развития является то, что разрешение противоречий здесь происходит путем совместных усилий всех элементов развивающейся системы. Мысль Ленина о том, что «Внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь этих сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный, мировой процесс движения»¹⁰⁹⁹, верна и здесь.

И если в борьбе «различных сил и тенденций» участвуют все основные элементы целого, если при этом усилия одних не аннулируются прямым или косвенным противодействием других, а интегрируются, что возможно лишь при отсутствии антагонизмов, то описанный Лениным процесс движения к новому состоянию представляет собой не что иное как гармоническое развитие.

В гармоническом развитии системы, обладающей конечным числом элементов и соответственно конечным числом свойств, «внутренние импульсы к развитию» тоже являются конечными. Их исчерпание в процессе саморазвертывания сущности, представляющего собой содержание существования, означает завершение последнего, конец бытия системы, ее смерть. И поскольку точка не выражает движения, постольку и смерть данной конкретной системы не представляет собой ни прогресса, ни регресса.

¹⁰⁹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 124.

¹⁰⁹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 515.

¹⁰⁹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 55.

В действительности антиподом гармонии является не смерть, не конечность существования материальных систем, а возможность их регресса. Смерть и регресс – это совершенно различные явления. Если смерть, рассматриваемая в условиях нормального, т.е. закономерного развертывания системой заключенных в ней возможностей, есть союзник, предпосылка нового, и потому не противоречит сущности («достойно гибели все возникающее»), то о регрессе этого сказать нельзя. В связи с тем, что научное понимание гармонического развития едва ли достижимо вне рамок диалектико-материалистической теории прогресса, и учитывая распространенное мнение, что якобы нет прогресса без регресса, представляется необходимым хотя бы кратко остановиться на вопросе, совместимо ли с регрессом гармоническое развитие.

Обращаясь к указанной проблеме, следует, конечно, постоянно иметь в виду общий принцип диалектики: переход противоположностей друг в друга, с учетом которого признание взаимоперехода прогресса и регресса представляется логичным. Поскольку авторы высказываний о невозможности прогресса без регресса чаще всего при этом ссылаются на содержащееся в «Диалектике природы» краткое рассуждение Ф. Энгельса, то целесообразно именно с него и начать. Указывая на то, что регресс может выступать в различных формах, Энгельс пишет об этом так: «Ошибка Дарвина заключается именно в том, что он в своем естественном отборе или выживании наиболее приспособленных смешивает две совершенно различные вещи:

1) отбор под давлением перенаселения, где сильнейшие, быть может, и выживают в первую очередь, но могут оказаться вместе с тем и наислабейшими в некоторых отношениях;

2) отбор, благодаря большей способности приспособления к изменившимся обстоятельствам, где выживающие индивиды лучше приспособлены к этим обстоятельствам, но где это приспособление может быть в целом как прогрессом, так и регрессом (например, приспособление к паразитической жизни всегда регресс).

Главное тут то, что каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем и регрессом, ибо он закрепляет одностороннее развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях»¹¹⁰⁰.

Здесь Энгельс вскрыл ограниченность того понимания прогресса, при котором решающим критерием признается приспособляемость, пусть даже осуществляемая в интересах борьбы за существование. Вот почему паразитизм, хотя он и удовлетворяет требованиям приспособляемости, является не прогрессом, а регрессом. Но в целом приспособляемость не сводится к паразитизму¹¹⁰¹. Совместима ли с гармонией «непаразитическая» форма приспособляемости? Энгельсом показано, что если система в борьбе за существование эволюционирует путем такого приспособления к среде, когда уровень сложности, организованности понижается, то такая форма развития есть регресс. Регрессом является и одностороннее развитие, которое также обусловлено прямой реакцией системы на определенного характера воздействия среды. И в том, и в другом случае – активное, детерминирующее начало развития обычно оказывается вне системы. Регресс же есть особый вид развития, в рамках которого разрыв между сущностью существованием возрастает. Регресс означает продолжительные неблагоприятные, порой необратимые последствия, и пагубно отражается не только на сущности и существовании данной системы,

¹¹⁰⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 621.

¹¹⁰¹ «Всякий оппортунист, – писал В.И. Ленин, – отличается приспособляемостью, но не всякая приспособляемость есть оппортунизм» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 124).

но и способен переносить их на системы, взаимодействующие с деградирующей. Регресс как обратное движение, как переход от высшего к низшему, характеризуется деградацией, понижением уровня организации, утратой способности к выполнению тех или иных функций; регресс включает в себя моменты застоя, возврата к изжившим себя формам и структурам¹¹⁰². Не неизбежные сами по себе факты регресса в общественной жизни не только привлекают внимание, но вызывают возмущение и гнев¹¹⁰³. Однако регресс не сводится только к движению вспять. Выше уже говорилось, что еще Лейбниц считал важным достоинством своей концепции гармонии признание необходимости сохранения направления движения. Упрекая Декарта за незнание «закона сохранения давления движения», якобы помешавшего последнему прийти к идее предустановленной гармонии, Лейбниц настаивал на том, что сохранение направленности движения является необходимым признаком гармонии. В свете данного факта возникает вопрос – существует ли развитие, как направленный вид движения, которое бы не было в то же время закреплением односторонности.

Вопрос о соотношении направленности, односторонности и многосторонности развития применительно к проблеме гармонии не является новым. Большое внимание ему уделяли еще Лейбниц и Гегель. Согласно Лейбницу, «закон сохранения направления движения» означает, что в рамках гармонической системы «тела действуют так, как будто бы (предполагая невозможное) вовсе не было душ, а души действуют так, как будто бы не было никаких тел; вместе с тем оба действуют так, как будто бы одно влияло на другое...».

В силу этой гармонии вещи ведутся к благодати собственными путями природы и наш земной шар, например, должен быть разрушаем и восстанавливаем естественными путями в те моменты, когда этого требует правление над духами, для кары одних и награды других»¹¹⁰⁴. Позиция Лейбница здесь выражена достаточно ясным образом. Свободное развитие частей, по Лейбницу, не исключает их общей направленности.

Согласно Гегелю, все существующее, «непосредственное бытие», обладая «изначальной самостоятельностью», в своем движении идет лишь «тождеству с собой». «Таким образом, – пишет Гегель, – бытие определяется как сущность, бытие, ставшее через снятие бытия простым, / однородным / с собой»¹¹⁰⁵.

Надо сказать, что и Лейбниц, и Гегель, хотя и мистифицировали причину взаимосогласованности самостоятельных моментов в рамках движения целого, тем не менее достаточно глубоко чувствовали сложность вопроса о том, как достигается единство многообразия, если «путь к благодати» у каждого элемента свой собственный.

¹¹⁰² Кон И.С., Серебряков Л. Регресс // БСЭ. Т. 21. 3-е изд. М., 1975. С. 564.

¹¹⁰³ Яркое описание духовной деградации, вызванной царским режимом в крепостнической России, оставил М.Е. Салтыков-Щедрин: «... что это отсутствие идеалов и бедность умственных и нравственных задач, эта низменность стремлений, заставляющая колебаться в выборе между Шиллером и городовым, очень существенно и горько отзовется не только на настоящем, но и на будущем обществе – в этом не может быть ни малейшего сомнения. Время, пережитое в болоте кляуз, раздоров и подвохов, не пройдет безнаказанно ни в общем развитии жизни, ни перед судом истории. История не скажет, что это было пустое место – такой приговор был бы слишком мягок и не согласен с правдой. Она назовет это время ямой, в которой кишели бесчисленные гадюки, источавшие яд, которого испарения полностью заразили всю атмосферу. Она засвидетельствует, что и последующие поколения бесконечно изнывали в борьбе с унаследованной заразой и только ценою мучительных усилий выстрадали себе право положить основание делу человечности и любви» (Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. 14. М., 1972. С. 339).

¹¹⁰⁴ Лейбниц Г.В. Монадология // Избр. филос. соч. С. 361–362.

¹¹⁰⁵ Гегель Г.В. Наука логики. Т. I. С. 482.

Методологический ключ для научного решения этого мучительного для философов домарксовской эпохи вопроса содержится в следующем высказывании В.И. Ленина о многообразии форм социалистической революции. «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп, социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как “во имя исторического материализма” рисовать себе будущее в этом отношении разноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того»¹¹⁰⁶.

Отсюда видно, что одностороннее развитие, о котором писал Энгельс как о форме регресса, действительно не совместимо с гармонией, но оно происходит либо в условиях антагонизма, когда ни одна из сторон не может претендовать на свободное развитие, либо в условиях такого приспособления к специфике данной среды, когда ее любые последующие изменения катастрофическим образом сказываются на сущности данной развивающейся системы. Следовательно, противоположностью гармоническому развитию является тот прогресс, который лишь дополняется, как было подчеркнуто Энгельсом, регрессом, и происходящим лишь тогда, когда в наличии нет необходимых условий для всестороннего развития. Таким образом, противоположностью гармонии оказывается нарушение симметрии, делающее невозможным одновременное развитие всех сторон. Это – дисгармония, которую можно представить как некоторое движение от уже имеющейся гармонии в сторону ее ослабления, расшатывания.

Действительно, бессмысленно представлять себе дисгармонию там, где нет и не было гармонии. Дисгармония может рассматриваться как «болезнь» гармонии, но болезнь может пройти, но может и повлечь смерть.

Если организм в целом здоров, то его отдельные расстройства не очень, правда, глубокие проходят, а элементы системы и система в целом снова функционируют в условиях симметрии и ритма. Но если болезнь тяжелая, если оказывается пораженным жизненно важный орган или ряд органов, то возникшая дисгармония может привести к хаосу. Иногда причина, на первый взгляд кажущаяся малой, может вызвать большие следствия. К примеру, болезнь гемоглобина, выражающаяся заменой одной только молекулы глутаминовой кислоты на молекулу валина, приводит к смертельному заболеванию серповидной анемии¹¹⁰⁷. Однако прямой переход из состояния гармонии в состояние хаоса может иметь место лишь при действии весьма значительных внешних неблагоприятных факторов. В нормальных же условиях, т.е. в рамках обычного диапазона колебаний, каждая система не только обладает определенным запасом прочности, но и постоянно испытывается на прочность. Отклонения в ее структуре и функциях, не выходящие, однако, за пределы упругих деформаций, не разрушают гармонии, но служат указанием на возможное появление дисгармонии. Всестороннее развитие системы в этих критических ситуациях позволяет системе накопить даже для экстремальных случаев такие ресурсы или компенсационные возможности, благодаря которым, казалось бы, неминуемый крах систем не происходит. Известно, что даже в музыке целостность художественного произведения до поры, до времени не нарушается, если консонансы дополняются диссонансами и гармония при этом

¹¹⁰⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 123.

¹¹⁰⁷ Глазами ученого. От Земли до Галактики. К ядру атома. От до молекулы. От молекулы до организма. М., 1963. С. 739.

на какой-то миг уступает место дисгармонии; но если диссонансы, дисгармония становятся все более частными и продолжительными, то может наступить такое состояние, когда возврат к гармонии становится уже невозможным. Правда, и в области музыки количество допустимых без существенного ущерба для гармонии диссонансов остается и до сих пор не ясным. «Двенадцатитоновая музыка, имеющая в основе хроматическую гамму, – утверждают одни, – должна прибегать к выпущению одного или нескольких звуков из-за симметричности строения хроматической гаммы, не дающей возможности получать разнообразные ее обращения. Между семиступенным и двенадцатиступенным ладами можно создать много других, прибавляя к диатонической основе ту или другую хроматическую ступень»¹¹⁰⁸. Однако данная точка зрения, казалось бы, указывающая на возможность сохранить гармонию в обозначенных определенными границами экстремальных условиях, остается дискуссионной. «Изложение построения, – говорится о вышеуказанной концепции, – вряд ли могут быть названы системой: чрезвычайная широта обобщения (всякое созвучие, может быть соединено со всяким другим в любой тональной системе) сводится по существу к отрицанию какого-либо общения, т.е. к полной анархии»¹¹⁰⁹. С аналогичными явлениями можно встретиться и в жизни. Например, при «серьезных психических заболеваниях распаду личности обычно предшествует более или менее значительная дисгармоничность и неполноценность отдельных функций»¹¹¹⁰.

Таким образом можно констатировать, что понятию «прогресс» в качестве соотносительного можно сопоставить понятие «регресс», подобно тому как понятию «вперед» соотносительным, противоположным по смыслу служит понятие «назад». Но также как понятию «движение» нельзя сопоставлять в качестве соотносительного понятие «прогресс», аналогичным образом понятия «гармония» и «регресс» не могут рассматриваться как соотносительные.

Конечно, регресс еще не хаос, регресс это процесс разрушения организации, это движение от высшей организации к низшей, способное завершиться хаосом. Как прогресс может быть прерван регрессом, так и регресс может при определенных условиях быть остановлен и заменен восходящим развитием, прогрессом.

Гармоническое развитие – это не любой прогресс, а только такой, который удовлетворяет ряду специфических требований, среди которых одним из важных является ритмическое разрешение противоречий между сущностью и существованием в условиях их относительной симметрии.

Насколько важной и насколько трудно достижимой является практическая реализация этой задачи хорошо видно из следующего рассуждения Маркса о роли коммунизма в разрешении спора между существованием и сущностью человека, рассуждения имеющего методологическую значимость в понимании специфики формирования гармонического человека: «Коммунизм, – писал К. Маркс, – как положительное упразднение частной собственности – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человеческому. Такой коммунизм, как заверченный натурализм, = гуманизму, а как заверченный гуманизм, =

¹¹⁰⁸ Шевалье Л. История учений о гармонии. С. 210.

¹¹⁰⁹ Там же.

¹¹¹⁰ Арендт А.А. Гидроцефалия и ее хирургическое лечение. М., 1948. С. 78.

натурализму; он есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он – решение загадки истории»¹¹¹¹.

Отсюда видно, что нельзя говорить о направленности и всесторонности самого процесса гармонического развития, не затрагивая при этом вопроса о диалектике сущности и существования. Следовательно, пока существование данной системы, при всевозможных его перипетиях, не стало выражением разрушения самих основ системы, ее сущности, думается, что нет и оснований приписывать системе регресс.

Специфика гармонического развития, включающая в себя глубокое, полное и всестороннее исчерпание присущих системе возможностей, совокупность которых может рассматриваться равнозначной ее сущности, служит достаточной преградой регрессу. Исчерпание возможностей – это не регресс, а прекращение существования. Погибший за правое дело воин, исчерпав полностью свои силы с превосходящими силами противника пал смертью героя, но как личность отнюдь не регрессировал, чего нельзя сказать о том, кто имел еще возможность бороться, но для спасения собственной жизни сдался в плен. Исходя из марксистского положения о сущности человека как совокупности общественных отношений, нельзя не прийти к выводу, что сделанный воином выбор между сущностью и существованием в пользу второго, привел к такому их разрыву, который иначе как моральной деградацией, моральным падением, наконец, регрессом назвать трудно. Приводя данный пример, имелось в виду с его помощью лишь проиллюстрировать развиваемый тезис, но не более того.

Что касается теоретической стороны проблемы сохранения направления движения – обязательного признака гармонического развития – то, думается, что в рамках диалектико-материалистического положения о качественной и количественной бесконечности данный вопрос вполне разрешим. «Преемственная связь между предшествующими состояниями, – пишет С.Т. Мелюхин, – возможна и в тех случаях, когда система прекращает со временем свое существование и распадается. Для этого необходимо лишь, чтобы для каждой данной системы существовала однородная ей по свойствам система большего порядка, которая существовала бы больший промежуток времени и унаследовала достигнутые малой системой результаты. Почти для всех систем на Земле это условие выполняется, что обеспечивает возможность их поступательного развития. Так, для каждого живого организма такой системой служит вид, для человека – производственный коллектив или общество. Существование преемственной связи в обществе обеспечивает – его постоянный прогресс, хотя каждый конкретный индивид живет ограниченное время... Со временем человечество освоит другие миры и установит связь с иными цивилизациями. Тогда возникнет система большего порядка и по отношению к обществу на Земле. Это обеспечит возможность практически неограниченного поступательного развития безотносительно к условиям жизни на Земле и даже в масштабах всей Солнечной системы»¹¹¹². Идею о прогрессе, который не переходил бы в регресс, был бы от последнего свободен, отстаивает и П.Н. Федосеев. Полемизируя с теми критиками марксизма, которые стремятся доказать, что коммунистическую формацию ожидает та же участь, что и ее предшественниц, он пишет: «...Как бы ни ухищрялись буржуазные философы в извращении диалектики, ее выводы

¹¹¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 116.

¹¹¹² Мелюхин С.Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966. С. 300.

непоколебимы, ибо в них дано научное обобщение реальных исторических процессов. А история убедительно говорит, что развитие противоречий в обществе, основанном на частной собственности на средства производства, неминуемо приводит его к гибели, ибо свойственные ему противоречия разрешаются только путем уничтожения данного общественно-экономического строя. При социализме же развитие и разрешение противоречий ведет не к упаду и крушению, а к восхождению его на новую более высокую ступень общественного прогресса»¹¹¹³. Конечно, неуклонное восхождение на новую более высокую ступень является специфической особенностью только гармонического развития, требующего для своего осуществления целого ряда специфических условий, в отсутствии которых прогресс, называемый иногда гармоническим, становится вначале негармоническим, а последний, при нарастании неблагоприятных факторов, и вовсе может быть утрачен, уступив место регрессу. Ленин говорил о том, что при определенных условиях, например, если бы в условиях империалистической войны пролетариат оказался бы бессильным, а империализм был бы способен продержаться еще определенное время, «тогда возможна была бы великая национальная война в Европе. Это было бы развитием Европы назад на несколько десятилетий. Это невероятно. Но это не невозможно, ибо представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»¹¹¹⁴. Но было бы непростительной ошибкой переносить это положение Ленина на развитие коммунистического общества, такое перенесение позволяют себе только противники марксизма. Только с социализма начинается неуклонное движение вперед во всех областях жизни¹¹¹⁵, – вот как понимает В.И. Ленин разницу общественного развития в условиях, когда основой развития вместо антагонистических противоречий стали противоречия неантагонистические.

У классиков марксизма есть несколько высказываний о том, что прогресс может прерываться, а то и дополняться регрессом, но во всех упомянутых случаях речь идет о развитии – прежде всего либо в условиях антагонизма, либо в условиях его «догармонической» стадии. Так Энгельс, рассматривая прогресс семейнобрачных отношений, отмечал: «Первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским. Единобрачие было великим историческим прогрессом, но вместе с тем оно открывает, наряду с рабством и частным богатством, ту продолжающуюся до сих пор эпоху, когда всякий прогресс в то же время означает и относительный регресс, когда благосостояние и развитие одних осуществляется ценой страданий и подавления других. Единобрачие – это та же клеточка цивилизованного общества, по которой мы уже можем изучать природу вполне развившихся внутри последнего противоположностей и противоречий»¹¹¹⁶. Поскольку описанная здесь ситуация не отвечает даже самым нестрогим представлениям о гармонии, то, следовательно, и данное суждение Энгельса нельзя трактовать как его возражение против любой попытки обосновать возможность такого прогресса, который был бы свободен от регресса.

¹¹¹³ Федосеев П.Н. Коммунизм и философия. М., 1971. С. 262.

¹¹¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 6.

¹¹¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 99.

¹¹¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 68–69.

Аналогичный вывод вытекает и при анализе других высказываний классиков материалистической диалектики о прогрессе и регрессе, поскольку и в них речь идет о развитии систем, отягощенных антагонизмами¹¹¹⁷.

Хотя в данном случае и можно согласиться с Г.В. Плехановым, что «материалисты-диалектики являются сторонниками безостановочного поступательного движения. Они единственные прогрессисты в полном смысле этого слова»¹¹¹⁸, тем не менее никогда не следует упускать из виду и предостерегающую от метафизических крайностей идею Энгельса о том, что «...точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть получено диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными»¹¹¹⁹. (Попутно отметим, что по Энгельсу, как это видно из приведенной цитаты, «возникновение» не равнозначно «прогрессу», а «исчезновение» – «регрессу».)

Гармония не представляет собой явления, стоящего вне рамок диалектики, она есть свойство конкретных систем, всегда находящихся во взаимодействии с другими системами, что, однако, не мешает последним в течение более или менее длительного времени сохранять свою специфику. Только метафизическим пониманием данного вопроса объясняются те крайности в истолковании гармонии, с которыми выступили в свое время Вейтлинг – автор «Уравниловки», и Бентам, конструировавший индивидуалистическую модель гармонии¹¹²⁰.

Диалектический характер, свойственный и гармонически развивающимся системам, подчеркивал еще Гегель: «..., гармония, – писал он, – как раз есть абсолютное становление, изменение – не становление другого, сейчас одно, а затем другое. Существенно то, что каждое отличное, особое отлично от какого-либо другого, но не абстрактно от какого-либо другого, а от своего другого; каждое существует лишь постольку, поскольку в его понятии содержится его другое...».

Эту мысль Гегеля высоко оценил В.И. Ленин. Приведя эти слова Гегеля по поводу того, во что может переходить система в условиях гармонического развития, Ленин резюмировал их следующей собственной мыслью: «Очень верно и важно: “другое” как свое другое, развитие в свою противоположность»¹¹²¹. Как было показано, для гармонии такой противоположностью является не регресс, а дисгармония. В условиях всестороннего развития – предпосылки гармонического развития – регресс не может иметь места. Задача,

¹¹¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 552; Т. 2. С. 91.

¹¹¹⁸ Плеханов Г.В. Избр. филос. произвед.: в 5 т. Т. 2. М., 1956–1958. С. 230.

¹¹¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 22.

¹¹²⁰ «Счастлив только довольный, а довольным может быть только тот, кому доступно все, что имеет всякий другой, писал Вейтлинг, но поскольку в современном (Вейтлингу) обществе этого нет, то человек не может быть гармоничным. Отсюда вывод – устранение причин недовольства приведет к тому, что “среди нас опять установится естественное равновесие, а с ним и довольство, мир, свобода...” заключает Вейтлинг свое рассуждение лозунгом: «Открыть широкую дорогу любви к свободе в мире Гармонии всех» (Вейтлинг В. Гарантия гармонии и свободы. М.-Л., 1962. С. 72, 73, 357). В “гармоническом обществе” Бентама, – пишет Маркс, – каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их (членов того общества – В.М.) вместе это – стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о кругом все они в силу предустановленной гармонии вещей или благодаря всехитрейшему провидению осуществляют лишь дело взаимной выгоды, общей пользы, общего интереса» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 181).

¹¹²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 235.

следовательно, состоит в том, как практически обеспечить всестороннее развитие – определяющее условие гармонического развития.

Применительно к обществу, на данный вопрос ответили классики марксистско-ленинской философии. «Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, – писал Маркс, – нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает гармонию между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере»¹¹²². В подтверждение высказанного соображения, что общая направленность движения не может служить принципиальной помехой всестороннему развертыванию сущности, можно сослаться на исторический пример развития производительности сил, что в свою очередь не только не противоречит движению общества в направлении к гармоническому состоянию, а, как это было подчеркнуто Энгельсом, только благодаря наличию «огромных производительных сил..., только и становится возможным осуществить такое состояние общества, где не будет больше никаких классовых различий, никаких забот о средствах индивидуального существования и где впервые можно будет говорить о действительной человеческой свободе, о жизни в гармонии с познанными законами»¹¹²³.

Что же касается гармонии в природе, то ее возможность, обуславливаемая стечением многих обстоятельств, пока еще носит случайный характер, причем переход к закономерному, как нам представляется, в принципе возможен при условии, когда в качестве «дирижера» самих условий выступит такое общество, которое организовано и функционирует на основе научных законов.

¹¹²² *Marx K., Engels F. Werke. Bd. 23. Berlin, 1962. S. 350.*

¹¹²³ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 117.*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Проведенное сопоставление взглядов на гармонию, принадлежащих мыслителям античности, средневековья и нового времени, позволяет отметить, что при всем разнообразии сознательно занятых позиций, приводимых доводов и полученных выводов относительно того, что такое гармония и какими путями она входит в действительность, как она познается – их общей чертой, за малым исключением, является признание того, что гармония есть специфическое свойство объективной реальности, присущее лишь определенным явлениям, доступное человеческому восприятию. Пифагор и Гераклит, Платон и Аристотель, Леонардо да Винчи и Кеплер, Декарт и Ньютон, Спиноза и Лейбниц, Кант, Гегель и Фейербах, наряду с другими мыслителями прошлого, построили тот теоретический каркас учения о гармонии, который был не просто воспринят основоположниками марксистско-ленинской философии, но, что особенно важно, защищался ими от искажения и развивался дальше.

Сформированное в домарксистскую эпоху теоретическое положение о том, что гармония представляет собой специфическую форму противоречия, что в качестве такового она выражается формулой «единство многообразия», к которому явление приходит путем развития, сохраняет свое научное значение и в рамках новой философии, созданной классиками марксизма-ленинизма.

При этом следует иметь в виду, что указанное теоретическое положение в домарксистское время уживалось со многими произвольными допущениями – мистикой чисел у Пифагора, воображаемым образцом у Платона, вырванными из общей связи монадами у Лейбница и т.д. Неслучайно Ленин, резюмируя свою характеристику учения пифагорейцев, включая их учение о гармонии, сказал так: «связь зачатков научного мышления и фантазии а la религии, мифологии. А теперь! – спрашивает Ленин и отвечает, – То же, та же связь, но пропорция науки и мифологии иная»¹¹²⁴.

Очищение ценного содержания старого учения о гармонии было достигнуто путем создания научной теории развития, утверждающей, что мир в целом и все входящие в него системы развиваются, причем это развитие происходит не фатально, оно обладает большим разнообразием.

О том, насколько различным может быть характер самого процесса развития, свидетельствуют бесчисленные примеры, взятые из истории природных и социальных систем, которые находят свое обобщенное выражение в диалектико-материалистических воззрениях о коллизии и гармонии, имеющих место не только в обществе, но и в природе как живой, так и неживой. Энгельс, отвергая как несостоятельную позицию тех, кто хотел видеть в природе только гармонию, так и тех, кто видел только «борьбу за существование», подчеркивал, что гармония имеет место как в живой, так и в неживой природе, что наличие коллизий не исключает гармонии¹¹²⁵. Поскольку сложная система как единое целое не может одновременно находиться и в состоянии гармонии, и в состоянии коллизии, то, следовательно, мысль Энгельса можно понимать лишь как указание на то, что и состояние гармонии, и состояние коллизии являются крайними взаимоисключающими друг друга состояниями.

¹¹²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 225.

¹¹²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 622.

Принимая во внимание общий принцип диалектики о переходе противоположностей друг в друга, необходимо иметь в виду также и то, что грань между гармонией и коллизией как двумя противоположностями не является абсолютной.

Маркс показал, что система, находящаяся в состоянии антагонизма, порожденного спецификой отношения сторон, обладает фактически иллюзорной целостностью, поскольку единство противоположностей в такой системе носит вынужденный обстоятельствами характер, при котором даже удовлетворенность одной из противоположностей своим положением в системе оказывается купленной ценой самоотчуждения, т.е. путем отказа от собственной «природы».

Следовательно, нарушение, искажение сущности, природы входящих в систему компонентов, сторон, элементов, как признак антогонистичности отношений между ними, недопустимо в гармонически развивающихся системах. Коллизия между составными частями системы неизбежно ведет к разрушению той основы, которая ответственна за возникновение системы как данного определенного качества. Значит, самоотчуждение, добровольный или вынужденный отказ от собственной природы как особенность, присущая антагонистическим системам, не может и не должна иметь места в гармонических системах. Из этого следует, что гармоническое развитие как движение к новому должно осуществляться так, чтобы одна сторона системы не разрушала бы другую ее сторону, а это возможно лишь тогда, когда и вторая не разрушает первую.

Лейбниц хорошо понимал, что разрушительная борьба, выраженная формулой «*bellum omnium contra omnes*», несовместима с гармонией, и потому, во имя спасения провозглашенного им принципа – «существовать значит быть гармоничным», – вынужден был отказаться от признания взаимодействия как основы гармонии.

В связи с невозможностью по-прежнему мыслить гармонию как связь, в рамках которой будто бы не происходит взаимодействия, возникает вопрос о том, а возможно ли такое взаимодействие сторон, и, что особенно в данном случае важно, – противоположностей, которое бы не было одновременно формой разрушения одной противоположностью другой противоположности, и, следовательно, формой разрушения системы в целом?

На поставленный вопрос наука дает положительный ответ. Существует множество систем от атома до биоценозов и даже общества, в которых взаимодействие противоположностей не только не вызывает их взаимного разрушения, но, напротив, служит источником их относительно стабильного и в то же время динамичного существования.

Химия, физика, биология и другие науки показывают, что в одних сложных системах имеет место взаиморазрушение, а в других не только нет этого взаиморазрушения противоположностей, но напротив, одна противоположность оказывает благоприятное влияние на саморазвитие другой противоположности.

Отношения такого рода между противоположностями классики материалистической диалектики называют соответствием.

Идея Аристотеля, что возникающее всегда бывает сложным, является не только философским обобщением эмпирического материала, но и отрицанием, идущего еще от Демокрита представления, что сложное есть единство однообразного. Ведь одного того обстоятельства, что все конкретные сложные динамические системы состоят из отдельных элементов, обладающих таким общим для всех них свойством как материальность, оказывается недостаточно, чтобы понять, почему входящие в систему элементы в одних

случаях разрушают друг друга, а в других не разрушают, а порой способствуют даже восстановлению разрушенного.

Для ответа на поставленный вопрос Маркс, применительно к социальным системам, разработал широко известную теорию соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил, способную играть важную методологическую роль в изучении гармонического развития различных, в том числе и природных систем.

В самом деле, при возникновении любой сложной системы разве не происходит специальный подбор (случайный или необходимый, осознанный или неосознанный) тех исходных элементов, из которых формируется система. Разве не на анализе важнейших характеристик химических элементов основан такой раздел химической науки, как химический синтез, разве не тем же занята наука о селекции растений и животных. И вот здесь выяснилось, что, хотя идею Демокрита о подобии нельзя в настоящее время признать достаточной, но ее все-таки нельзя и игнорировать.

Соответствие, утвердившись в науке в качестве важного методологического принципа, позволяет глубже понять механизм всякого развития, и в том числе гармонического развития. Плодотворным оказывается расчленение соответствия на две разновидности – дополнительность и функциональность.

Так, дополнительность является необходимым условием возникновения, а функциональность – условием восходящего развития всех сложных систем. Говоря о дополнительности как форме соответствия, необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Без надлежащего, в каждом конкретном случае специфического подбора исходных элементов система не может возникнуть, дополнительность означает то, что одна противоположность не может существовать без другой противоположности. Не только, как показал Маркс, буржуазное общество немислимо без класса буржуазии, но в равной мере оно невозможно и без класса пролетариев. Поваренную соль тоже нельзя получить только из одного натрия, для этого необходим также и хлор.

Но сложные системы состоят из большего числа разнородных элементов, и если дополнительное соответствие достигает здесь состояния симметрии, то тем самым отношения между элементами в такой системе свидетельствуют о том, что данная система находится в состоянии внутренней гармонии.

Необходимость обращения к функциональному соответствию порождена следующими соображениями. Процесс развития является противоречивым процессом. Главным признаком развития является, конечно, переход к новому. Но если этот переход происходит путем полного отрицания всего старого, то спрашивается, не будет ли уподоблено так понятое развитие труду Сизифа. Гегель, отмечая особенность развития науки, подчеркивал, что этому процессу присущ кумулятивный характер. А разве учение Маркса об общественно-экономической формации не означает признания того естественно-исторического закона, согласно которому новая общественно-экономическая формация является функцией предшествовавшей ей старой общественно-экономической формации. О функциональном соответствии последующей стадии предшествующей говорит и развитие солнечной системы, земли, животного и растительного мира. Открытый Бором принцип соответствия новой теории старой позволил в физике сделать вывод о функциональном соответствии смежных стадий развивающихся систем математически строгим.

Специфика гармонического развития состоит в том, что новое, функционально соответствующее старому рождается в условиях симметрии, формирующейся на базе

дополнительного соответствия между всеми основными элементами системы, когда скачки, снятие, т.е. разрешения противоречий происходят ритмическим образом, возможным лишь постольку, поскольку в рамках старого качества, в рамках старых отношений все основные элементы системы достаточно полно реализуют заключенные в них возможности более или менее одновременно.

Отсюда видно, что общий облик гармонического развития определяется, во-первых, характером основных противоречий в системе и, во-вторых, дополнительностью и функциональностью соответствия сторон и стадий системы, выражением которых служат симметрия состояний и ритм их изменения.

В истории всякой материальной системы различают стадии как восходящего, так и нисходящего движения. Поскольку всякая материальная система возникает, рождается и неизбежно исчезает, умирает, то с этим обстоятельством связан вопрос – согласуется ли неизбежная смерть системы с ее гармонией?

В действительности антиподом гармонии является не смерть, не конечность существования материальных систем, а возможность их регресса. Смерть и регресс – это совершенно различные явления. Если смерть, рассматриваемая в условиях нормального, т.е. закономерного развертывания системой заключенных в ней возможностей, есть не только полное исчерпание сущностью заложенных в ней возможностей, являясь при этом союзником, предпосылкой нового, то о регрессе этого сказать нельзя, поскольку регресс не только не приближает систему к более высокому, новому, но против, есть отступление назад, возврат к более низким формам организации.

Обращение к диалектике сущности и существования, обусловленное тем, что именно она служит концентрированным выражением своеобразия самых разных форм развития, помогает полнее уяснить сущность гармонического развития. Вопросы, связанные с пониманием приспособления системы к среде, односторонности развития как формы регресса, паразитического образа жизни некоторых видов живой природы – все это так или иначе связано с тем отношением, которое складывается между сущностью и существованием, между присущими системе возможностями и их реализацией в условиях ее конкретного бытия.

Если система в борьбе за свое существование эволюционирует путем такого приспособления к среде, когда уровень сложности, организованности понижается и тем самым система сближается со средой, то такая форма развития есть регресс. Регрессом является и одностороннее развитие, которое также обусловлено прямой реакцией системы на определенного характера воздействия среды. И в том, и в другом случае – активное детерминирующее начало развития обычно находится вне системы.

Отсюда видно, что противоположностью гармоническому развитию является тот прогресс, который дополняется, как бы подчеркнуто Энгельсом, регрессом, происходящим лишь тогда, когда в наличии нет необходимых условий для всестороннего развития.

Противоположностью гармонии как состояния оказывается такое нарушение, которое делает невозможным одновременное развитие всех сторон. Это – дисгармония, которую можно представить как некоторое движение от уже имеющейся гармонии в сторону ее ослабления, расшатывания. Бессмысленно представлять себе дисгармонию там, где нет и не было гармонии. Дисгармония – это «болезнь» гармонии, исход которой может включать и выздоровление и смерть. Непосредственный переход из состояния гармонии в состояние хаоса может иметь место лишь при действии весьма значительных внешних неблагоприятных факторов. В нормальных условиях каждая система обладает определенным

запасом прочности. Несущественные и непродолжительные отклонения в ее структуре и функциях, не выходящие за пределы, так сказать «упругих деформаций» – не разрушают гармонии, но служат признаком дисгармонии. Если же нарушение будет значительным, то последствия могут стать не только необратимыми, но и губительными для гармонии.

Все вышесказанное позволяет заключить, что гармоническое развитие полностью соответствует принципам, вытекающим из основных законов диалектики. Источником развития и здесь является борьба противоположностей, переход к новому качеству осуществляется также посредством скачков, освобождение от отжившего ненужного старого и сохранение всего жизнеспособного, необходимого достигается путем диалектического отрицания.

Особенность гармонического развития состоит не в отклонении от требований, вытекающих из законов диалектики, а в наиболее оптимальной их реализации, осуществляемой в условиях взаимного соответствия противоположностей, исключающего раскол и слияние входящих в систему компонентов, ритмического следования друг за другом скачков, обеспечиваемого предшествующим развитием всех сторон целого, т.е. симметрией внутренних и внешних отношений и функциональной, кумулятивной формой связи между старым и новым, не допускающей остановки движения или возврата к прежним состояниям. Иными словами – гармоническое развитие – это прогресс без регресса.

Формула «движение – всё, конечная цель – ничто» отвергается из-за своей научной несостоятельности не только в области социального, но она неприемлема и по отношению ко всем другим системам, характеризующимся «целесообразностью» структур и функций. Отсюда следует, что вопрос о форме развития, будучи кардинальным вопросом материалистической диалектики, имеет продолжение в новом вопросе – какова цель гармонического развития.

Материалистическая диалектика, отвергая концепцию предустановленного характера гармонии, ставит на ее место научное обоснованное положение: в объективном мире гармония не предшествует действительности как образец или идеал, а является следствием действия материальных закономерностей. Гармония есть такое состояние конкретных систем, которое достигается лишь в процессе гармонического развития, когда пространственно-временная целостность и высокий динамизм как его важнейшие характеристики обеспечиваются взаимосвязью симметрии и ритма. В свою очередь важнейшей особенностью гармонического развития является такое движение к более совершенному новому, когда даже по окончании системой своего существования накопленные ею результаты не пропадают, а становятся достоянием сущности следующей системы, идущей на смену первой.

Таким образом, сформулированные здесь выводы, подтверждаемые историей развития Земли, органической природы, общества, человека, науки, техники, искусства, свидетельствуя о большой практической значимости теории гармонии, позволяют заключить, что многовековые усилия философии и науки в изучении гармонии и гармонического развития не были бесплодными.

Одним из основных результатов обзора представлений о гармонии явился предлагаемый вывод о том, что имеются серьезные основания рассматривать гармоническое развитие как не отягощаемый регрессом прогресс. Соображения относительно причастности гармонии к развитию, как это показано в первой части, высказывались еще в сочинениях философов домарксистского времени. Декарт, Лейбниц, Кант и Гегель, – каждый по-своему

трактуя смысл гармонии, – сходились однако в том, что осуществление гармонии есть не одномоментный акт, а прогресс, развертывающийся во времени.

Классики марксизма, освободившие концепцию развития от идеализма и мистики, установили, что противоречия как сложное взаимодействие противостоящих друг другу материальных сил, происходящее в развивающихся системах, играя в последних роль источника движения, не всегда разрешаются полностью, вследствие чего действие этих старых сил на последующем этапе может при определенных условиях вернуть систему к прежнему, более низкому состоянию. Такого рода регресс является следствием того, что, если иметь в виду общество, присущие эксплуататорскому обществу антагонистические противоречия, при замене одной формы эксплуатации другой ее формой, полностью не могут быть разрешены, результатом чего и выступает регресс как дополнение к прогрессу. Только полное уничтожение социальных антагонизмов создает условия для освобождения прогресса от регресса.

В соответствии с идеями о регрессе как форме одностороннего развития и паразитизма возник вопрос о принципиальной возможности прогресса, свободного от регресса, доказано не только теоретически, но и имеющейся социальной практикой. Нет никаких оснований и паразитизм, наблюдаемый также и в живой природе, считать неустранимым. Поэтому наибольшая трудность в понимании прогресса без регресса связана с обоснованием возможности всестороннего развития. Правда, научный материал позволяет оптимистически относиться к этой идее, о чем свидетельствуют, например, теоретические работы по симметрии и ритму. Таким образом анализ связи проблемы разрешения противоречий с проблемами соответствия, симметрии и ритма, осуществленный на основе учета специфики законов единства и борьбы противоположностей, взаимного перехода количественных и качественных изменений и отрицания отрицания, приводит к заключению, что движение от многостороннего развития к всестороннему есть не что иное как реализация такого прогресса, который оказывается несовместимым с регрессом. Такая форма развития, угаданная еще античными мыслителями, представляет собой не что иное как гармоническое развитие, являющееся единственным средством достижения гармонического остояния – гармонии.

Указанное заключение показывает, что между идеей Гераклита «расходящееся с самим собой приходит в согласие, самовосстановливающуюся гармонию» и выдвигаемой в работе – гармоническое развитие есть свободный от регресса прогресс – имеется внутренняя связь. «Расхождение» с самим собой представляет из себя не что иное как выражение внутреннего противоречия, а согласие, самовосстановление, возможное лишь тогда, когда это расхождение не зашло слишком далеко, еще не дошло до хаоса, может быть возможным только при определенных качественных изменениях системы, что и означает, говоря современным языком, не что иное как прогресс. Аристотель, Лейбниц, Гегель, наряду с другими философами, уточняя и углубляя тезис Гераклита, тем не менее, не смогли превратить его в развернутую научную концепцию главным образом из-за довлевшего над ними общего идеалистического миропонимания. Однако успехи домарксистской философии в таком истолковании гармонии оказались столь большими, что выработанное в ее недрах понятие гармонии классиками марксистско-ленинской философии не только не отвергалось, а, напротив, во всех необходимых случаях активно защищалось. Так, например, защищалось сложившееся в течение веков понятие гармонии от попыток извращения, включающего и популизацию авторов «теории гармонии интересов» экстраполировать данное понятие на не надлежащие объекты. Будучи противниками всякой схоластики, К. Маркс, Ф. Энгельс и

В.И. Ленин в решении всех наиболее важных теоретических проблем – и проблема гармонии здесь не составляет исключения, – как известно, считали методологически неприемлемым выводить явление из понятия. Так, идея коммунизма, к примеру, не является простым изобретением классиков марксизма. Эта идея существовала и до них. Но обратившись к анализу старой идеи коммунизма, основоположники научного коммунизма, разумеется, не пренебрегли опытом прогрессивных мыслителей прошлого, однако и не ограничились им, а опираясь непосредственно на историю общества, превратили эту идею из утопии в науку.

Отсюда становится понятным, что теоретический анализ процесса революционного преобразования капитализма в социализм, осуществленный К. Марксом, Ф. Энгельсом и В.И. Лениным, представляет собой ценнейшую методологическую предпосылку создания диалектико-материалистической концепции гармонии.

Имея своей целью изучение историко-философского и естественнонаучного материала по проблеме гармонии, данная работа претендует лишь на то, чтобы представить общую картину развития представлений о гармонии. При этом предложенную попытку выразить отвечающий требованиям современной науки общий смысл гармонии, думается, можно было бы охарактеризовать, с одной стороны, как обобщение исторического пути развития учения о гармонии, а с другой – как один из шагов на пути к соответствующей диалектико-материалистической концепции.

Отсутствие научных представлений о гармонии служило объяснением того факта, что в прошлом, да и не только в прошлом, одни авторы признавали факт существования гармоничных явлений, другие в этом сомневались, а то и просто его отрицали, среди которых были такие, которые гармонию вначале признавали, а потом изменили свои взгляды и стали ее отрицать. «До Дарвина, – писал Ф. Энгельс, – именно те люди, которые теперь повсюду видят только борьбу за существование (Фогт, Бюхнер, Моллешотт и т.д.) делали ударение как раз на сотрудничестве в органической природе, указывая на то, как растения доставляют животным кислород и пищу и, наоборот, животные доставляют растениям углекислоту и удобрения, как это особенно подчеркивал Либих. Обе эти концепции в известных границах до известной степени правомерны, но как та, так и другая односторонни и ограничены. Взаимодействие тел природы – как мертвых, так и живых – включает как гармонию, так и коллизию, как борьбу, так и сотрудничество»¹¹²⁶. В бесконечном мире гармоническое не только возникает из негармонического, но то и другое сосуществуют друг с другом. Все это создает значительные трудности в теоретическом решении проблемы гармонии. Ведь еще Гераклит, утверждая, что «скрытая гармония сильнее явной», тем самым признавал и большее значение и несомненно большие трудности познания именно «скрытой гармонии». О том, к чему может приводить незнание сущности гармонии хорошо было показано Марксом и Энгельсом, когда они критиковали тех, кто без оснований то признает гармонию, то так же без оснований от этих признаний отказывается¹¹²⁷, как и тех, кто не видит ничего странного в своих утверждениях, из которых следует, будто возможна «гармония между дисгармонией и гармонией»¹¹²⁸.

¹¹²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 622; Т. 34. С. 133–134.

¹¹²⁷ Там же.

¹¹²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 484.